

Российский экономический журнал

№4
20 — 25

Издатель:
**Московский финансово-
юридический университет**
МФЮА

Выходит с апреля 1958 года
*(до марта 1992 года издавался
под названием «Экономические науки»)*
Выпускается шесть раз в год
ISSN 0130-9757

Главный редактор

Колганов А.И., *доктор экономических наук, профессор*

Заместители главного редактора

Земляков Д.Н., *доктор экономических наук, профессор*

Хубиев К.А., *доктор экономических наук, профессор*

Редакционная коллегия

Глазьев С.Ю., *академик РАН*

Порфирьев Б.Н., *академик РАН*

Гринберг Р.С., *член-корреспондент РАН*

Дементьев В.Е., *член-корреспондент РАН*

Кузнецов А.В., *член-корреспондент РАН*

Лексин В.Н., *доктор экономических наук, профессор*

Ленчук Е.Б., *доктор экономических наук*

Любинин А.Б., *доктор экономических наук, профессор*

Пороховский А.А., *доктор экономических наук, профессор*

Сильвестров С.Н., *доктор экономических наук, профессор*

Теняков И.М., *доктор экономических наук, доцент*

Швецов А.Н., *доктор экономических наук, профессор*

Шулус А.А., *доктор экономических наук, профессор*

Якутин Ю.В., *доктор экономических наук, профессор*

Батчиков С.А., *кандидат экономических наук*

Болдырев Ю.Ю., *кандидат экономических наук*

Гумеров Р.Р., *кандидат экономических наук, доцент*

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

Колганов А.И.

Роль стратегического планирования в обеспечении развития человеческого потенциала для достижения технологического суверенитета: сравнительное исследование 4

Моцелков Е.Н.

Человеческий потенциал современной России как объект деструктивной программы запада (аксиологический аспект) 18

Комолов О.О.

Воздействие внешних факторов на развитие экономики России и теория неэквивалентного обмена 28

Государственное регулирование экономики

Макаров А.В., Голубенко О.И.

Проблемы эффективности преференциальных режимов для поддержки бизнеса – основные институциональные риски 46

Инновационная экономика

Глазьев С.Ю., Косакян Д.Л.

О развитии нового технологического уклада в экономике России в сравнении с передовыми странами 63

Мировая экономика

Рябухин С.Н., Беленчук С.И., Минченков М.А.,

Водянова В.В., Заплетин М.П.

Международная валютная система: формирование нового стандарта и криптовалюта 86

Социальные институты в экономике

Булавка-Бузгалина Л.А.

Творческий потенциал человека: культура, образование, практики 103

Региональная экономика

Терентьева Т.В., Андреев В.А.

Опережающее развитие российского Дальнего Востока в условиях миграционного оттока населения 114

CONTENTS

Economic theory

Kolganov A.I.

The role of strategic planning in ensuring human development to achieve technological sovereignty: a comparative study 4

Moschelkov E.N.

The human potential in contemporary Russia as an object of the west's destructive programme 18

Komolov O.O.

The impact of external factors on the development of the Russian economy and the theory of unequal exchange 28

State regulation of the economy

Makarov A.V., Golubenko O.I.

Problems of the efficiency of preferential regimes for business support – the main institutional risks 46

Innovative economy

Glazyev S.Yu., Kosakyan D.L.

On the development of a new technological structure in the Russian economy in comparison with advanced countries 63

World economy

Ryabukhin S.N., Belenchuk S.I., Minchenkov M.A.,

Vodianova V.V., Zapletin M.P.

International monetary system: formation of a new standard and cryptocurrency 86

Social institutions in the economy

Bulavka-Buzgalina L.A.

A person's creative potential: culture, education, practices 103

Regional economy

Terent'eva T.V. Andreev V.A.

The Far East of Russia advance development on the cusp of ongoing migration losses 114

Роль стратегического планирования в обеспечении развития человеческого потенциала для достижения технологического суверенитета: сравнительное исследование

The role of strategic planning in ensuring human development to achieve technological sovereignty: a comparative study

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 4–17.

Russian Economic Journal. 2025;(4):4–17.

Научная статья
УДК 310
<https://doi.org/>

Колганов Андрей Иванович,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
onaglo@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2223-7538

Kolganov Andrey I.,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
onaglo@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2223-7538

Аннотация. Ведущее значение человеческого потенциала для развития современной экономики уже давно превратилось в аксиому экономической науки. Тем более, достижение и удержание технологического суверенитета невозможно без обеспечения высокого уровня развития и эффективного использования человеческого потенциала страны. Разумеется, высокий уровень человеческого потенциала не реализуем без соответствующей материально-технологической базы – как в производстве, так и в науке, и в образовании, и в здравоохранении. Эффективная же реализация человеческого потенциала предполагает тесную интеграцию производства, науки и образования. Однако именно человеческий потенциал выступает ведущим фактором, на что указывает пример послевоенного восстановления экономик СССР, Германии и Японии: колоссальные потери промышленного потенциала были во многом компенсированы наличием квалифицированных кадров рабочих и специалистов и инвестициями в систему образования. Это обеспечило не только восстановление экономики, но затем позволило совершить и технологический рывок. Обеспечение технологической независимости, в том числе и со стороны человеческого потенциала, опиралось во многих странах на использование различных вариантов стратегического планирования и реализующих его цели методов активной промышленной политики. В статье проводится сравнительное исследование опыта различных стран, стремившихся опереться на развитие человеческого потенциала для достижения технологического суверенитета в использовании планирования и активной промышленной (структурной) политики.

Ключевые слова: человеческий потенциал, технологическая независимость, промышленная политика, стратегическое планирование.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-18-00508.

Для цитирования: Колганов А.И. Роль стратегического планирования в обеспечении развития человеческого потенциала для достижения технологического суверенитета: сравнительное исследование // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 4–17. [https://doi.org/_____](https://doi.org/).

Abstract. The importance of human resources for the development of modern economies has long been a fundamental principle of economics. Achieving and maintaining technological independence is impossible without ensuring high levels of development and efficient use of a country's human capital.

Of course, it is impossible to achieve a high level of human capital without an adequate material and technological basis – both in industry, science, education, and healthcare. The effective realization of human capital requires close integration between production, science, and education. Human capital is the most important factor, as demonstrated by the examples of the post-war recoveries of the USSR, Germany, and Japan. Despite the enormous losses in industrial capacity, these countries were able to recover thanks to the availability of skilled workers and investment in education. This ensured not only economic recovery but also allowed for a technological breakthrough. Ensuring technological independence, including from human potential, has been the basis in many countries for the use of various strategic planning options and methods of active industrial policy to achieve its goals. The article provides a comparative study of the experience of different countries that have sought to rely on human potential development to achieve technological sovereignty through the use of planning and active industrial (structural) policies.

Keywords: human potential, technological independence, industrial policy, strategic planning

Acknowledgement: The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation as part of scientific project No. 23-18-00508.

For citation: Kolganov A.I. The role of strategic planning in ensuring human development to achieve technological sovereignty: a comparative study. *Russian Economic Journal*. 2025;(4):4–17. (In Russ.). <https://doi.org/>_____.

JEL: A 130, H 400, H 500, O 150.

Введение

Указание на ведущую роль человеческого потенциала в социально-экономическом развитии стало уже общим местом в экономической литературе. Логика этого вывода достаточно проста. В современном производстве знания давно уже приобрели значение ведущего фактора производства, о чем говорят широко распространенные концепции «экономики, основанной на знаниях», или перехода к этапу «знание интенсивного производства» (Бодрунов, 2018, с. 73–74). Поскольку же единственным источником новых знаний для производства, а также их носителем и агентом их применения является человек (Freeman, 2015, с. 357), то именно от уровня человеческого потенциала в первую очередь зависит прогресс современной экономики.

Проблема достижения технологического суверенитета национальной экономики также существенным образом опирается в проблему уровня человеческого потенциала и эффективности его использования. Только наличие в стране значительной прослойки научного и инженерно-конструкторского персонала, способного генерировать новые технологии, а также слоя высококвалифицированных работников, способных эти технологии применять и совершенствовать, способно обеспечить технологическую независимость. Разумеется, реализация этого потенциала, как и само его обеспечение и развитие, невозможны без соответствующих материальных предпосылок — без наличия современной материальной базы в НИОКР, образования, здравоохранения, и без высокого уровня капиталовооруженности труда. Эффективная реализация человеческого потенциала требует также синергетического взаимодействия всех этих сфер, интеграции производства, науки и образования.

Однако именно фактор человеческого потенциала, на мой взгляд, выступает в этом взаимодействии ведущим звеном. Здесь можно сослаться на пример послевоенного восстановления СССР, Германии и Японии. Эти страны понесли в ходе войны колоссальные потери своего промышленного и вообще материального потенциала. Одним из важнейших факторов, позволившим справиться с этими потерями (наряду с обычно упоминаемыми экономическими реформами в Германии и Японии), послужил труд имевшихся квалифицированных кадров рабочих и специалистов, вместе с инвестициями в развитие науки и образования (Смирнов, 2009, с. 2, 10). Это обеспечило не только быстрое восстановление экономики, но и последующий технологический рывок, позволивший этим странам добиться действительного технологического суверенитета.

Не следует упускать из виду, что множество стран, стремившихся обеспечить высокий уровень экономического развития, и поднять степень своей технологической независимости, опирались в 40-е — 70-е гг. XX века на методы стратегического пла-

нирования и активной промышленной политики. Применявшиеся методы планирования и государственного регулирования были различны, но применялись они чрезвычайно широко. Существует мнение, что в 80-е гг. произошел отказ от этих методов, поскольку они ведут к высоким издержкам в силу бюрократизации системы государственного управления. Однако после периода так называемого «неолиберального реванша» мы вновь наблюдаем рост интереса к применению плановых методов и активной промышленной политики, главным образом в новых индустриальных странах — КНР, Бразилии, Малайзии и других. Собственно говоря, и наиболее развитые страны никогда не отказывались полностью от использования этих методов, хотя масштабы их применения несколько сузились.

В данной статье ставится цель разобраться, каким образом методы стратегического планирования могут помочь нашей стране укрепить человеческий потенциал для достижения технологического суверенитета. С этой целью в статье будут применяться методы сравнительного экономического исследования, чтобы извлечь уроки из опыта целого ряда стран.

Методология

Постановка цели достижения технологического суверенитета требует учитывать, что в современной экономике невозможно достичь абсолютной технологической независимости. Даже самые крупные страны не могут обеспечить производство всех необходимых видов продукции, и тем более обеспечить на основе собственных технологических разработок. Этому препятствуют и ограниченные возможности национальной сферы НИОКР, и не беспредельная емкость внутреннего рынка, и внешнеэкономическая конкуренция, не всегда позволяющая развернуть те или иные виды производства в масштабах, обеспечивающих экономическую эффективность.

Поэтому технологический суверенитет следует понимать как достижение полной технологической независимости лишь по ряду ключевых технологий. Каков именно должен быть этот ряд — определяется конкретно для каждой экономики и для каждого исторического периода, в зависимости от накопленного научно-технологического потенциала, масштабов экономики, размеров территории и населения, природно-климатических условий, в том числе запасов полезных ископаемых, состояния международных экономических отношений и т.д. В то же время необходимо обладать научно-техническим и кадровым потенциалом для самостоятельного развертывания производства, в случае необходимости, по большинству основных технологий. Весьма желательным является также наличие технологического лидерства хотя бы по нескольким направлениям, поскольку это создает наиболее благоприятные условия для обмена технологиями и доступа к другим лидирующим технологиям, которыми располагают зарубежные партнеры.

Уровень технологического развития любой страны определяется прежде всего состоянием ее человеческого потенциала. Для современной экономики, опирающейся на непрерывность инновационных процессов, наличие человеческого потенциала, способного обеспечивать передовой уровень научных исследований и опытно-конструкторских разработок, а также применить их результаты в производстве, является определяющим фактором (Колганов, 2024b).

Инновационная экономика невозможна без постоянного прироста новых знаний, приобретаемых в результате научных исследований. Карл Маркс еще в середине XIX века уловил эту тенденцию, отметив, что производственная деятельность человека превращается в «материально творческую и предметно воплощающуюся науку» (Маркс, 1969, с. 221),

В XX веке значимость знаний отмечалась многими ведущими экономистами. Альфред Маршалл в своем наиболее известном труде отмечал, что «знания — это наш самый мощный двигатель производства» (Marshall, 1920, p. 115). В работах Йозефа Шумпетера знаниям отводилась ведущая роль как источнику предпринимательских инноваций (Schumpeter, 1911, p. 57), и так же, как и Маршалл, он считал их основным фактором экономического роста (Schumpeter, 1939).

Особенно широкое внимание к проблемам приобретения и распространения новых знаний проявилось в 60-е — 70-е гг. XX века с распространением концепций «нового индустриального общества», «информационной экономики», «экономики, основанной на знаниях», «постиндустриальной экономики» и т.п. Авторы этих концепций дружно обращали внимание на фактор новых знаний в своих исследованиях (Machlup, 1962; Гэлбрейт, 2008, с. 37; Bell, 1973; Sakaya, 1991, p. 337).

Столь высокая оценка роли новых знаний в развитии производства вообще, в развитии новых технологий и обеспечении непрерывности инновационного процесса — в особенности, заставляет поставить вопрос о том, чем обеспечивается приобретение этих новых знаний и их имплементация в технологическом процессе. Ответ здесь очевиден — как уже было сказано выше, все это способен сделать только человек. Только человек способен оперировать знанием и приобретать его, осуществлять такие действия, как распредмечивание (извлечение сущности и логики из предметов, процессов и явлений) и опредмечивание (воплощение полученных знаний, ставших свойствами самого субъекта, в предметах, процессах и явлениях) (Батищев, 1967, с. 154–155).

Таким образом, можно сделать вывод, что борьба за достижение технологического суверенитета, требующая значительного продвижения в деле технологического развития, должна опираться на совершенствование человеческого потенциала.

Решение проблем развития человеческого потенциала было важнейшей задачей для всех стран, борющихся за обретение технологической независимости. Чтобы понять, на какие методы и подходы для решения этой проблемы надо обратить внимание России, нужно уяснить важный методологический принцип. Ориентируясь на страны, добившиеся успеха в этом вопросе, нельзя пытаться копировать то успешное состояние, к которому они пришли, как к результату. Нужно изучить тот путь, которым они шли к успеху, разумеется, с учетом того, что нынешние стартовые условия могут существенно отличаться от тех, с которых начинали эти страны. А поскольку и стартовая база, и другие внутренние и внешние условия у всех стран были различны, то нельзя идти по пути простого копирования чужого опыта. Нужно разбираться, почему были применены те или иные институциональные альтернативы, та или иная макроэкономическая политика, и какие результаты они принесли. Только на основе такого анализа можно приступать к изучению вопроса, что и в какой мере, с какими изменениями применимо для нашей страны.

В силу этого в качестве основы для сравнительного исследования предпочтительнее выбрать страны, близкие к нам по масштабам экономики и уровню экономического развития. Поэтому в данной статье будет использован в основном опыт КНР и Бразилии, хотя не стоит пренебрегать и уроками других стран (Франция, Япония, США, Южная Корея и др.).

Либеральное направление западной экономической науки отреагировало на повышение роли человеческого фактора выдвиганием концепции «человеческого капитала». Однако помимо того, что вся роль развития человеческих качеств сводится в этой концепции лишь к получению добавочного денежного дохода, даже в рамках данного чрезмерно узкого подхода у авторов этой концепции обнаруживается множество как теоретических, так и эмпирических нестыковок (Колганов, 2024а).

Мы видим свою цель не в удовлетворении потребности обучаемых в достижении отдачи от инвестирования в обучение и не в достижении краткосрочной цели удовлетворения текущей потребности рынка в квалифицированных кадрах. Речь идет о подчинении обучения и применения (в сфере НИОКР и высокотехнологичного производства) квалифицированных кадров (специалистов) к задаче долгосрочной борьбы за технологическую самостоятельность. Поэтому инвестиции в образование, науку, подготовку кадров должны связываться с долгосрочными целями достижения технологического суверенитета с использованием методов промышленной (структурной) политики.

Основные результаты

Исторический опыт использования плановых методов в рыночной экономике насчитывает уже около двух веков, если отсчитывать от реализации государственных программ развития транспортной сети в США. Однако наиболее широкие масштабы применение этих методов получило в послевоенный период в Европе (Rosser J., Rosser M., 2004; Estrin, 1983), Японии (Moriguchi, 1980; Хлынов, 1997), а также и в новых индустриальных странах (Kuznets, 1990; Balassa, 1990).

Нас, однако, в данном случае интересуют не столько плановые методы сами по себе (при всей их значимости для развития экономики), сколько их применение для решения задач достижения технологической независимости с опорой на развитие человеческого потенциала.

В период так называемого «неолиберального реванша» (80-е — 90-е гг. XX века) международные финансовые организации, исходя из принципов «Вашингтонского консенсуса», оказывали давление на развивающиеся страны с целью принудить их к отказу от планирования и активной промышленной политики (Ninomiya, 2015, p. 64). Нобелевский лауреат Гэри Беккер в 80-е гг. XX века утверждал, что «промышленная политика станет скорее служанкой особых интересов, чем защитником общих», в статье с характерным заголовком: «Лучшая промышленная политика — это ее отсутствие» (Becker, 1985, p. 8). Ту же фразу использовал бывший министр финансов Бразилии Педру Малан из администрации Фернанду Энрике Кардозу (президент Бразилии в 1995—2003 гг.). (Hamaguchi, 2022, p. 102). В нашей стране эта сентенция также имела широкое хождение. Так, в 2014 г. Вла-

димир Мау¹ заявил, присвоив себе лавры Гэри Беккера: «Десять лет назад я говорил, что лучшая промышленная политика — ее отсутствие» (Ивантер, 2014).

Однако этот либеральный догматизм не находит всеобщей поддержки. Так, по мнению Нобелевского лауреата Джозефа Стиглица «рынок может не привести ни к правильному распределению ресурсов между секторами, ни к правильному выбору технологий. Промышленная политика, направленная на то, чтобы повлиять на отраслевое распределение экономики и выбор технологий, является одним из инструментов устранения этих сбоев рынка». (Stiglitz, 2017, p. 23)

Откат к неолиберализму носил лишь временный (и далеко не полный) характер. В настоящее время можно наблюдать своего рода возрождение методов планирования и активной промышленной политики. В Бразилии с приходом к власти правительства Партии Трудящихся (с 2003 г.) был реализован целый ряд планов и программ национального развития, таких как политика в области промышленности, технологий и внешней торговли (PITCE), политика производственного развития (PDP) и план «Бразилия майор» (PBM) (Labrunie, 2024).

Достижение технологической независимости не может не опираться на целенаправленную государственную поддержку сферы исследований и разработок, на наращивание научно-исследовательского потенциала, особенно в тех условиях, когда речь идет о выходе на мировой технологический уровень. Этот факт отмечают исследователи промышленной политики Бразилии (Hamaguchi, 2022, p. 104–105). Более того, делается вывод, что правительство является сильным (если не единственным) кандидатом на решение проблемы недостаточной координации, возникающей из-за высокой неопределенности в процессе адаптации к революционным технологическим изменениям (Matsuyama, 1997).

При этом бразильское правительство ориентировалось на успешный опыт промышленной политики в Японии. Его характерными чертами были: (I) горизонтальные меры (содействие развитию науки и техники и широкие возможности в области образования и профессиональной подготовки); (II) целенаправленная отраслевая политика (государственные инвестиции, расширение НИОКР частных предприятий и внедрение новых технологий, экономические сигналы и стимулы для заинтересованных в получении прибыли агентов посредством ценообразования, импортных тарифов и квот, а также регулирования конкуренции); и (III) обмен информацией и координация (Cimoli, Dosi, Stiglitz, 2015).

Однако бразильский опыт в сфере технологического развития нельзя назвать в полной мере успешным. Усилия в области активной промышленной политики сдерживались недостатками того же рода, которыми обременена практика технологического развития в РФ. Отмечается, что бразильские фирмы внедряют новые технологии в основном за счет приобретения нового оборудования и программного обеспечения. В то же время доля фирм, занимающихся внутренними исследованиями и разработками, снизилась. (Hamaguchi, 2022, p. 112). В ряде случаев правительство просто предоставляло компаниям защищенные местные рынки, но не оказывало поддержки фундаментальным исследованиям или развитию человеческих

¹ С 8 сентября 1997 по 16 мая 2002 г. — руководитель Рабочего центра экономических реформ при российском правительстве, затем ректор РАНХиГС (до 2022 г.).

ресурсов. (Hamaguchi, 2022, p. 123). Таким образом, именно недостаточное внимание к аспектам развития собственного человеческого потенциала во многом ослабляло эффект от усилий по повышению технологического уровня производства.

Чтобы преодолеть этот недостаток и увеличить инновационную активность экономики, в Бразилии пытаются добиться сочетания стратегического планирования НИОКР и образования государством и за государственный счет, а с другой стороны — непосредственного участия фирм в НИОКР и подготовке кадров (Giesteira, Caliarì, Orsolin-Teixeira, 2024, p. 507).

Так, правительство в 2013 г. внедрило программу *Inova Empresa*, которая с бюджетом в 32,9 млрд реалов начала выделять гранты на инновационные проекты в частном секторе. Стартовала также Национальная программа доступа к техническому образованию и трудоустройству (*Pronatec*), которая предлагает стипендии и финансирование курсов профессиональной подготовки. К 2014 г. в этой программе приняли участие восемь миллионов студентов (Ninomiya, 2015, p. 87). Расходы Бразилии на образование испытывают значительные колебания, однако держатся на довольно высоком уровне: за 2010–2021 гг. они менялись в интервале 5,5% — 6,3%². Хуже обстоит в Бразилии с уровнем расходов на НИОКР. Эти расходы колебались в 2010–2020 гг. в интервале 1,1% — 1,4%, не имея тенденции к росту³.

Если в бразильском опыте мы можем увидеть недостаточную эффективность осуществляемой политики, то наш собственный российский более чем 30-летний опыт говорит как о стагнации государственной поддержки НИОКР на весьма низком уровне (уже не первое десятилетие эти расходы застыли на уровне около 1,1% ВВП), так и о разрушении внутрифирменных институтов НИОКР и подготовки кадров (Бодрова, Гусарова, Калинов, 2014, с. 680–685; Индикаторы..., 2020, с. 178; Труд и занятость..., 2019, с. 89).

Что касается КНР, то там плановые методы решения вопросов технологической независимости заняли центральное место. Еще в 2006 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет приняли «Решение о реализации основных положений Научно-технического плана по повышению способности к независимым инновациям», в котором повышение способности к независимым инновациям рассматривается как национальная стратегия развития. В то же время было разработано 60 программ поддержки средне- и долгосрочного научно-технического планирования (He, Tang, et al, 2023)

При разработке решений, касающихся долгосрочной экономической политики, постоянно обращается внимание на укрепление человеческого потенциала, и, в частности, на совершенствование системы образования (Xi delivers..., 2024). Хотя доля расходов на образование по отношению к ВВП в КНР ниже, чем в Бразилии (за 2010–2022 гг. они колеблются в интервале 4–4,3%⁴), но она выше, чем в РФ. Кроме того, следует учитывать, в КНР, в отличие от Бразилии,

² Brazil – Public Spending On Education, Total (% Of GDP). Trading Economics. URL: Brazil – Public Spending On Education, Total (% Of GDP) – 2025 Data 2026 Forecast 1995-2021 Historical.

³ Brazil – Research And Development Expenditure (% Of GDP). Trading Economics. URL: Brazil – Research And Development Expenditure (% Of GDP) – 2025 Data 2026 Forecast 2000-2020 Historical.

⁴ China – Public Spending On Education, Total (% Of GDP). Trading Economics. URL: China – Public Spending On Education, Total (% Of GDP) – 2025 Data 2026 Forecast 1971-2022 Historical.

не приходится решать проблему массовой неграмотности населения (она была решена ранее).

В тоже время Китай систематически, в плановом порядке повышает уровень расходов на НИОКР. Начав с уровня менее 1% ВВП, Китай постепенно, но неуклонно повышал этот уровень. К 2019 г. был достигнут уровень 2,23% ВВП (Grinsted, Ovigwe, 2021, p. 23), а в 2024 г. — 2,68% ВВП⁵. Однако слабым местом НИОКР Китая является низкий удельный вес ассигнований на фундаментальные и прикладные исследования — он ниже, чем в США, ЕС и в РФ. Большая часть расходов на НИОКР в Китае приходится на опытно-конструкторские разработки.

На 3-й пленарной сессии 20 Центрального комитета Коммунистической партии Китая было заявлено, что образование, наука и технологии, а также таланты являются базовой и стратегической основой модернизации Китая. В коммюнике, посвященном этой сессии, отмечалось: «Мы должны в полной мере реализовать стратегию активизации Китая с помощью науки и образования, стратегию подготовки квалифицированной рабочей силы и стратегию инновационного развития, предпринять скоординированные усилия по продвижению комплексной реформы институтов и механизмов, относящихся к образованию, науке и технологиям, а также людским ресурсам, и усовершенствовать новую систему мобилизации ресурсов по всей стране для совершения ключевых технологических прорывов. Эти усилия помогут повысить эффективность инновационной системы Китая в целом. Мы будем углублять комплексную реформу образования, структурную научно-техническую реформу и институциональные реформы для развития талантов» (Communique..., 2024).

Фактически здесь заявлен комплексный подход к развитию всех аспектов человеческого потенциала Китая как к долгосрочной стратегии развития страны. Отечественные синологи также обращают внимание на тот факт, что «в рамках концепции „основа основ — человек“ (и жэнь вэй бэнь) перед страной были поставлены задачи повышения уровня человеческого потенциала». Этот подход тесно увязывается с развитием системы стратегического планирования (Лебедева, 2019).

Именно стратегическое планирование задает в Китае основные направления развития человеческого потенциала. В 2019 г. Государственный совет Китая опубликовал планы по дальнейшему реформированию и развитию образовательного сектора Китая, один из которых носил среднесрочный характер (План реализации по ускорению модернизации образования на 2018–2022 гг.), а другой — долгосрочный (План модернизации образования Китая до 2035 года) (The CCPC..., 2019a; The CCPC..., 2019b).

В январе 1920 г. Министерство образования КНР опубликовало руководство по системе оценки Gaokao (вступительные экзамены в колледжи) в котором приоритетное внимание уделяется оценке всестороннего развития личности (а не только успеваемости), включая моральные качества, интеллектуальные способности и физическую форму студента, а также его представление об эстетике и трудолюбии (China's education..., 2020).

⁵ China's R&D Spending Surpasses \$500 Billion in 2024, Driving Global Innovation. China Business Forum. January 23, 2025. URL: <https://cnbusinessforum.com/chinas-rd-spending-surpasses-500-billion-in-2024-driving-global-innovation/>.

Заключение

При всем различии опыта КНР и Бразилии по решению задач достижения технологической независимости, можно выделить в нем общие черты. Это, во-первых, ориентация на укрепление человеческого потенциала. Во-вторых, это наличие стратегии развития, конкретизируемой в планах и программах развития, реализация которых обеспечивается проведением активной промышленной политики. Опыт Бразилии подсказывает нам также наличие слабых мест в проведении этой политики, аналогичных тем, которые мы наблюдаем у себя в стране. Сюда относятся совершенно недостаточный уровень финансирования НИОКР, отсутствие единого института, координирующего реализацию планов достижения технологической независимости, и тормозящую технологическое развитие макроэкономической политики Центрального банка, выражающуюся в завышенной ключевой ставке (Ninomiya, 2015, p. 72).

Позитивной стороной бразильского опыта следует признать наличие в руках институтов, осуществляющих программы технологической модернизации, собственных фондов финансовых ресурсов, что давало возможность предоставлять кредиты на инновационные цели по сниженным ставкам (Ninomiya, 2015, p. 72). Это создавало определенные гарантии реализации соответствующих планов, а не ставило их в зависимость только от благосклонности Министерства финансов, как в РФ.

В опыте КНР стоит обратить внимание на высокую степень централизации контроля и ответственности за достижение плановых результатов борьбы за технологическую независимость в высшем политическом руководстве стране. Это позволяет КНР добиваться поставленных целей, что хорошо видно на примере неуклонного роста расходов на НИОКР, в резкой активизации разработок в сфере искусственного интеллекта, или в решении задачи создания крупнейшей в мире сети скоростного электротранспорта.

России следовало бы учесть как позитивные, так и негативные аспекты опыта данных стран. Можно сделать вывод, что нам необходима модернизация институциональных структур, обеспечивающих стратегическое планирование и промышленную политику, в направлении формирования централизации плановых функций. Расходы на НИОКР и образование должны быть повышены по меньшей мере в 2–2,5 раза. Необходимо также изменение макроэкономической политики с целью создания благоприятных рыночных условий для инвестиций в технологическую модернизацию, что предполагает снижение ключевой ставки до уровня ниже уровня рентабельности обрабатывающей промышленности.

Необходима разработка комплекса мер по стимулированию достижения фирмами целевых индикаторов стратегических планов технологической модернизации страны. Должна быть установлена реальная ответственность за осуществление таких долгосрочных планов и программ со стороны государственных органов. Целесообразным представляется концентрация плановой деятельности в одном ответственном институте. Следует решить вопрос об отсутствии у нас институциональных структур, обеспечивающих вовлечение в плановую деятельность всех сторон, заинтересованных в составлении и выполнении планов.

Без обновления институциональных структур и макроэкономического маневра задачу продвижения человеческого потенциала для достижения технологического суверенитета нам не решить.

Список источников

1. Батищев Г.С. (1967) Определенное и распределенное. / Философская энциклопедия в 5 томах. Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Издательство «Советская энциклопедия».
2. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации: монография / Под общ. ред. Е.В. Бодровой. – М.: РЕГЕНС, 2014. – 940 с.
3. Бодрунов С.Д. (2018) Ноономика. М.: Культурная революция.
4. Гэлбрейт, Дж. К. (2008) Новое индустриальное общество. Серия «Антология экономической мысли». М.: Эксмо.
5. Ивантер А. Качественный рост с опорой на институты. Интервью с Владимиром Мау. «Эксперт» № 21 (900) 19 мая 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20220526151909/https://expert.ru/expert/2014/21/kachestvennyj-rost-s-oporoj-na-institutyi/> Доступ 27.07.2025.
6. Индикаторы науки: 2020. (2020). Статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ.
7. Колганов А.И. (2024a) Значение человеческого потенциала как фактора и критерия социально-экономического развития // Экономическая наука современной России. № 3 (106). С. 7–23 DOI: 10.33293/1609-1442-2024-3(106)-7-23.
8. Колганов А.И. (2024b) Взаимное влияние технологического развития и человеческого потенциала // Российский экономический журнал. № 4. С. 4–25. http://dx.doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_4.
9. Лебедева Д. Д. Китайская система планирования на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – Выпуск № 3 С. 56–63. DOI: 10.31857/S013128120005299-9 URL: <https://pdv.jes.su/s013128120005299-9-1/> Доступ 29.07.2025.
10. Маркс К. (1969) Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. М.: ИПЛ.
11. Смирнов А. (2009) Послевоенное возрождение Германии: немецкое экономическое чудо // Научный вестник ИЭПП.ру, № 16, Июль. URL: <https://www.iep.ru/files/NauchnyvestnikIEPP.ru/a.smirnov-16fn.pdf> (доступ 27.07.2025).
12. Труд и занятость в России. 2019. (2019). Стат.сб. М.: Росстат.
13. Balassa B. (1990). Indicative planning in developing countries // Journal of Comparative Economics. Vol. 14, Issue 4. P. 560–574.
14. Becker, Gary. (1985) The Best Industrial Policy is None at All. Business Week, August 5, 1985:8.
15. Bell, D. (1973) The Coming Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books.
16. China's education modernisation plan towards 2035. (Information as at 1 April 2020). Australian Government. Department of Education. URL: <https://internationaleducation.gov.au/international-network/china/PolicyUpdates-China/Pages/China's-education-modernisation-plan-towards-2035.aspx> Accessed 29.07.2025.
17. Cimoli, M., Dosi G., and Stiglitz J. E. (2015). The Rationale Industrial Policy and Structural Transformation of Brazilian Economy for Industrial and Innovation Policy. Intereconomics Review of European Economic Policy 50(3): 126–132.
18. Communiqué of the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China. July 18, 2024 20:13 Xinhua The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202407/18/content_WS669906cdc6d0868f4e8e93db.html Accessed 29.07.2025.
19. The CCPC and State Council Publishes 'China's Education Modernisation 2035 Plan' (2019a) XinhuaNet. The State Council, People's Republic of China 23 Feb. 2019. www.gov.cn/xinwen/2019-02/23/content_5367987.htm.
20. The CCPC and State Council publishes 'Implementation Plan for Speeding up Education Modernisation (2018-2022)' (2019b). XinhuaNet. The State Council, People's Republic of China 23 Feb. 2019. www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367988.htm.

21. Estrin S. (1983). *French Planning in Theory and Practice*. London; Boston: George Allen & Unwin. VIII, 215 p.
22. Freeman A. (2015). *Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour*. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
23. Giesteira L.F, Caliori T., Orsolin-Teixeira F. *Política industrial no Brasil: evidências empíricas em um contexto de mudanças estruturais (2007–2020)*. *Revista de Economia Política*. 2024, 44(3):502–523.
24. Grinsted P., Ovigwe E. (2021) *China's Model of Innovation: Are there Lessons for African Countries?* CGD Note. MAY.
25. Hamaguchi N. Chapter 3. *Industrial Policy and Structural Transformation of Brazilian Economy*. In: *Policy Learning for Industrial Development and the Role of Development Cooperation*. Research Project. Japanese Experiences of Industrial Development and Development Cooperation: Analysis of Translative Adaptation Processes [Vol.1]. Edited by: Izumi Ohno, Kuniaki Amatsu, and Akio Hosono. Tokyo: JICA Ogata Sadako Research Institute for Peace and Development, 2022, (pp.101–149).
26. He, Defang; Tang, Fuqiang; Chen, Tao; Luo, Xianfeng; and Yang, Fangjuan (2023). *Analysis and Thinking on Developing Evolution of National Innovation System*. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences (Chinese Version)*: Vol. 38 : Iss. 2 , Article 7. DOI: <https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.20230113002> URL: <https://bulletinofcas.researchcommons.org/journal/vol38/iss2/7> Accessed 27.07.2025.
27. Kuznets P. (1990). *Indicative planning in Korea* // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4. P. 657–676.
28. Labrunie M. *Brazil's new industrial policy plan: three sources of optimism and three words of caution*. Cambridge Industrial Innovation Policy. Institute for Manufacturing (IfM), University of Cambridge's Department of Engineering. March 4th 2024. URL: <https://www.cip.group.cam.ac.uk/reports-and-articles/brazil-new-industrial-policy-plan/> Accessed 26.07.2025.
- Machlup, F. (1962) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, NJ.: Princeton University Press.
30. Marshall, A. (1920) *Principles of Economics*. Eighth edition. London: Macmillan and Co., Ltd.
31. Matsuyama K. (1997) *Economic Development as Coordination Problems*. In: *The Role of Government in East Asian Economic Development*, edited by Masahiko Aoki, Hyung-Ki Kim, and Masahiro Okuno-Fujiwara, pp. 134–160. Oxford: Clarendon.
32. Moriguchi Ch. (1980). *Japan's Recent Experiences of Quantitative Economic Planning*. *Revue économique*. Vol. 31, no. 5 (Le VIIIème plan). P. 853–856.
33. Ninomiya Y. (2015). Chapter 3. *Industrial Policy and the Post-New Brazil*. In: Ryohei Konta ed., *The Post-New Brazil*. Spot Survey 35. Chiba: IDE-JETRO, P. 63–92.
34. Rosser J.B., Rosser M.V. (2004). *Whither indicative planning, the case of France* // *Comparative Economics in a Transforming World Economy* / J.B. Rosser, M.V. Rosser. Massachusetts: The MIT Press. P. 179–201.
35. Sakaya T. (1991) *The knowledge-value revolution or a history of the future*. N.Y., Tokyo, London: Kodansha International, 991. 379 p.
36. Schumpeter, J. (1911) *The Theory of Economic Development*. Oxford: Oxford University Press.
37. Schumpeter, J. (1939) *Business Cycles*. Second Volume. New York: McGraw-Hill.
38. Stiglitz, Joseph E. (2017) *Industrial Policy, Learning and Development*. In: *The Practice of Industrial Policy: Government-Business Coordination in Africa and East Asia*, edited by John Page and Finn Tarp. Oxford: Oxford University Press, pp. 23-39.
39. Xi delivers important speech at Central Economic Work Conference December 17, (2024a) 07:12 Xinhua. The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202412/17/content_WS6760b3e6c6d0868f4e8ee061.html Accessed 28.07.2025.

References

1. Batishchev G.S. (1967) *Opredmechivanie i raspredmechivanie*. / *Filosofskaya ehntsiklopediya v 5 tomakh*. Pod red. F.V. Konstantinova. T. 4. M.: Izdatel'stvo «Sovetskaya ehntsiklopediya».
2. Bodrova E.V., Gusarova M.N., Kalinov V.V. *Ehvoljutsiya gosudarstvennoi promyshlennoi politiki v SSSR i Rossiiskoi Federatsii: monografiya* / Pod obsch. red. E.V. Bodrovoi. — M.: REGENS, 2014. — 940 s.
3. Bodrunov S.D. (2018) *Noonomika*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya.

4. Gehlbreit, Dzh. K. (2008) *Novoe industrial'noe obshchestvo*. Seriya «Antologiya ehkonomicheskoi mysl». M.: Ehksmo.
5. Ivanter A. Kachestvennyi rost s oporoi na instituty. Interv'y u Vladimirom Mau. «EhksperT» №21 (900) 19 mai 2014. [Ehlektronnyi resurs] URL: <https://web.archive.org/web/20220526151909/https://expert.ru/expert/2014/21/kachestvennyj-rost-s-oporoi-na-institutyi/> Dostup 27.07.2025.
6. Indikatory nauki: 2020. (2020). *Statisticheskii sbornik*. – M.: NIU VSHEH.
7. Kolganov A.I. (2024a) Znachenie chelovecheskogo potentsiala kak faktora i kriteriya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya// *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. № 3 (106). S. 7–23 DOI: 10.33293/1609-1442-2024-3(106)-7-23.
8. Kolganov A.I. (2024b) Vzaimnoe vliyanie tekhnologicheskogo razvitiya i chelovecheskogo potentsiala // *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal*. № 4. S. 4–25. http://dx.doi.org/10.52210/0130-9757_2024_4_4.
9. Lebedeva D. D. Kitaiskaya sistema planirovaniya na sovremennom ehtape // *Problemy Dal'nego Vostoka*. – 2019. – Vypusk № 3 C. 56–63. DOI: 10.31857/S013128120005299-9 URL: <https://pdv.jes.su/s013128120005299-9-1/> Dostup 29.07.2025.
10. Marks K. (1969) *Ehkonomicheskie rukopisi 1857–1859 gg.* // Marks, K., Ehngel's, F. Soch. T. 46. CH. II. M.: IPL.
11. Smirnov A. (2009) *Poslevoennoe vozrozhdenie Germanii: nemetskoe ehkonomicheskoe chudo* // *Nauchnyi vestnik IEHPP.ru*, № 16, lyul'. URL: <https://www.iep.ru/files/NauchniyvestnikIEPP.ru/a.smirnov-16fin.pdf> (dostup 27.07.2025).
12. Trud i zanyatost' v Rossii. 2019. (2019). *Stat.sb.* M.: Rosstat. Balassa B. (1990). *Indicative planning in developing countries* // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4. P. 560–574.
13. Becker, Gary. (1985) *The Best Industrial Policy is None at All*. *Business Week*, August 5, 1985:8.
14. Bell, D. (1973) *The Coming Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
15. *China's education modernisation plan towards 2035*. (Information as at 1 April 2020). Australian Government. Department of Education. URL: <https://internationaleducation.gov.au/international-network/china/PolicyUpdates-China/Pages/China's-education-modernisation-plan-towards-2035.aspx> Accessed 29.07.2025.
16. Cimoli, M., Dosi G., and Stiglitz J.E. (2015). *The Rationale Industrial Policy and Structural Transformation of Brazilian Economy for Industrial and Innovation Policy*. *Intereconomics Review of European Economic Policy* 50(3): 126–132.
17. *Communique of the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China*. July 18, 2024 20:13 Xinhua The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202407/18/content_WS669906cdc6d0868f4e8e93db.html Accessed 29.07.2025.
18. *The CCPC and State Council Publishes 'China's Education Modernisation 2035 Plan'* (2019a) XinhuaNet. The State Council, People's Republic of China 23 Feb. 2019. www.gov.cn/xinwen/2019-02/23/content_5367987.htm.
19. *The CCPC and State Council publishes 'Implementation Plan for Speeding up Education Modernisation (2018–2022)'* (2019b). XinhuaNet. The State Council, People's Republic of China 23 Feb. 2019. www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367988.htm.
20. Estrin S. (1983). *French Planning in Theory and Practice*. London; Boston: George Allen & Unwin. VIII, 215 p.
21. Freeman A. (2015). *Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour*. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
22. Giesteira L.F, Caliarí T., Orsolin-Teixeira F. *Política industrial no Brasil: evidências empíricas em um contexto de mudanças estruturais (2007–2020)*. *Revista de Economia Política*. 2024, 44(3):502–523.
23. Grinsted P., Ovigwe E. (2021) *China's Model of Innovation: Are there Lessons for African Countries?* CGD Note. MAY.
24. Hamaguchi N. Chapter 3. *Industrial Policy and Structural Transformation of Brazilian Economy*. In: *Policy Learning for Industrial Development and the Role of Development Cooperation*. Research Project. Japanese Experiences of Industrial Development and Development Cooperation: Analysis of Translative Adaptation Processes [Vol.1]. Edited by: Izumi Ohno, Kuniaki Amatsu, and Akio Hosono. Tokyo: JICA Ogata Sadako Research Institute for Peace and Development, 2022, (pp.101–149).

25. He, Defang; Tang, Fuqiang; Chen, Tao; Luo, Xianfeng; and Yang, Fangjuan (2023). Analysis and Thinking on Developing Evolution of National Innovation System. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences (Chinese Version)*: Vol. 38 : Iss. 2 , Article 7. DOI: <https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.20230113002> URL: <https://bulletinofcas.researchcommons.org/journal/vol38/iss2/7> Accessed 27.07.2025.
26. Kuznets P. (1990). Indicative planning in Korea // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, Issue 4. P. 657–676.
27. Labrunie M. Brazil's new industrial policy plan: three sources of optimism and three words of caution. *Cambridge Industrial Innovation Policy*. Institute for Manufacturing (IfM), University of Cambridge's Department of Engineering. March 4th 2024. URL: <https://www.ciip.group.cam.ac.uk/reports-and-articles/brazil-new-industrial-policy-plan/> Accessed 26.07.2025.
28. Machlup, F. (1962) *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
29. Marshall, A. (1920) *Principles of Economics*. Eighth edition. London: Macmillan and Co., Ltd.
30. Matsuyama K. (1997) *Economic Development as Coordination Problems*. In: *The Role of Government in East Asian Economic Development*, edited by Masahiko Aoki, Hyung-Ki Kim, and Masahiro Okuno-Fujiwara, pp. 134–160. Oxford: Clarendon.
31. Moriguchi Ch. (1980). Japan's Recent Experiences of Quantitative Economic Planning. *Revue économique*. Vol. 31, no. 5 (Le VIIIème plan). P. 853–856.
32. Ninomiya Y. (2015). Chapter 3. Industrial Policy and the Post-New Brazil. In: Ryohei Konta ed., *The Post-New Brazil. Spot Survey 35*. Chiba: IDE-JETRO, P. 63–92.
33. Rosser J.B., Rosser M.V. (2004). Whither indicative planning, the case of France // *Comparative Economics in a Transforming World Economy* / J.B. Rosser, M.V. Rosser. Massachusetts: The MIT Press. P. 179–201.
34. Sakaya T. (1991) *The knowledge-value revolution or a history of the future*. N.Y., Tokyo, London: Kodansha International, 991. 379 p.
35. Schumpeter, J. (1911) *The Theory of Economic Development*. Oxford: Oxford University Press.
36. Schumpeter, J. (1939) *Business Cycles*. Second Volume. New York: McGraw-Hill.
37. Stiglitz, Joseph E. (2017) *Industrial Policy, Learning and Development*. In: *The Practice of Industrial Policy: Government-Business Coordination in Africa and East Asia*, edited by John Page and Finn Tarp. Oxford: Oxford University Press, pp. 23–39.
- 38 Xi delivers important speech at Central Economic Work Conference December 17, (2024a) 07:12 Xinhua. The State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202412/17/content_WS6760b3e6c6d0868f4e8ee061.html Accessed 28.07.2025.

Информация об авторе

Колганов А.И. — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Kolganov A.I. — Doctor of Economics, Professor, head of the laboratory of comparative research of socio-economic systems, faculty of economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.

**Человеческий потенциал современной России
как объект деструктивной программы запада
(аксиологический аспект)**

***The human potential in contemporary Russia as an object
of the west's destructive programme***

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 18–27.
Russian Economic Journal. 2025;(4):18–27.

Научная статья
УДК 327
<https://doi.org/>

Мощелков Евгений Николаевич,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
enm@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-6608-2027

Moschelkov Evgeniy N.,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
enm@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-6608-2027

Аннотация. В статье анализируются характеристики и показатели человеческого потенциала и обосновывается положение о том, что в состав человеческого потенциала кроме социально-экономических характеристик необходимо включать и духовную составляющую, которая является важнейшей в условиях современных геополитических (а значит – и межцивилизационных) столкновений. В статье раскрываются реальные угрозы для человеческого потенциала современной России, которые исходят от деструктивной аксиологической программы коллективного Запада. Показано, что эти деструктивные действия нацелены на размывание и разрушение смысловых узлов духовно-нравственного (ценностного) ядра российской нации (историческая память, совокупность типических образов и сюжетов классической российской литературы и искусства, межнациональное и межцивилизационное единство российской нации). Данные цели западные политтехнологи и политики пытаются реализовать через деформацию и ослабление российской системы образования и традиционного института семьи. В статье делается вывод о необходимости противопоставления этой деструктивной западной программе мощной российской контрпрограммы, основы которой заложены в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Ключевые слова: человеческий потенциал, деструктивная программа Запада против России, духовно-нравственные ценности, смысловые узлы, система образования, семья.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-18-00508.

Для цитирования: Моцелков Е.Н. Человеческий потенциал современной России как объект деструктивной программы запада (аксиологический аспект) // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 18–27. <https://doi.org/>_____.

Abstract. The article analyzes features and indicators of human potential and proves the statement that human potential should necessarily include a spiritual component, besides social and economic characteristics. This spiritual component is the key one in current geopolitical (which means inter-civilization) clashes. The article reveals real threats for modern Russia's human potential that come from a destructive axiological programme of the collective West. The article shows that these destructive actions aim to breaking and destroying semantic joints of the spiritual-moral (value) core of the Russian nation (historic memory, repertory of typical images and plots of classic Russian history and art, international and inter-civilization unity of the Russian nation). Western political technologists and politicians are trying to achieve these aims by means of deforming and weakening the system of Russian education and traditional family institution. The article concludes that it is necessary to oppose a powerful counter-programme to this destructive Western programme. The basis for this counter-programme is presented in the RF President edict № 809 from November 9, 2022 «On Approval of the Foundations of the State Policy of Preserving and Strengthening Russian Traditional Spiritual and Moral Values».

Keywords: Human potential, Western destructive axiological programme against Russia, spiritual and moral values, semantic joint, education system, family

Acknowledgement: The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation as part of scientific project No. 23-18-00508.

For citation: Moschelkov E.N. The human potential in contemporary Russia as an object of the west's destructive programme. Russian Economic Journal. 2025;(4):18–27. (In Russ.). [https://doi.org/_____](https://doi.org/).

Введение

О намерениях западных стратегов критически ослабить, а лучше уничтожить Россию как мощное и единое государство, на Западе говорят давно и открыто.

Но многие западные политики хорошо понимают (хотя об этом и не говорят), что победить Россию на поле боя, то есть военными средствами, невозможно. Об этом свидетельствует и исторический опыт, и современные события на Украине. И если раньше Россия неизменно побеждала во всех крупнейших войнах, которые велись с применением обычного вооружения и боеприпасов, то о чем можно говорить сейчас, когда Россия является ядерной державой, и в основополагающем государственном документе Российской Федерации по данной теме ясно сказано о возможности применения ядерного оружия (в том числе упреждающего характера) в случае явной угрозы безопасности и суверенитету российского государства¹.

Поэтому уже давно скрытно, без особой огласки, важнейшим направлением деструктивных усилий наших западных противников стало разрушение человеческого потенциала современной России. Если нельзя военным путем захватить территории и промышленный потенциал России, то ее надо разрушить изнутри. Для этого нужно подвергнуть массированным деструктивным атакам население страны, подрвать ее человеческий потенциал.

Материалы и методы

Человеческий потенциал любой страны (нации) имеет две основные составляющие. Первая (физическая, или социально-экономическая) — это количество населения, возрастная структура, средний уровень его образования и профессиональной квалификации. Вторая (духовная) — прочность общенациональной идентичности, ее духовно-нравственного ядра.

В данной статье внимание автора будет сосредоточено на анализе второй составляющей человеческого потенциала России, хотя следует иметь в виду, что обе составляющие теснейшим образом взаимосвязаны.

Анализ духовной составляющей человеческого капитала особенно важен потому, что мировые научные исследования и концепции человеческого капитала в основном сосредоточены на его социально-экономических характеристиках, что сужает понимание человеческого капитала в современных условиях, особенно в условиях геополитических (а значит, и межцивилизационных) столкновений.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 26.07.2025). В статье 19 Указа Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991 сформулированы четыре условия, определяющие возможность применения Российской Федерацией ядерного оружия.

Результаты

В «Докладе о развитии человека 2010», имеющем подзаголовок «Реальное богатство народов: пути к развитию человека», опубликованном на сайте ООН авторы отмечают, что развитие человека (человеческого потенциала) — главное условие мирового развития. «Подлинное богатство народов — люди». Двадцать лет спустя концептуальное изящество и непреходящая релевантность оригинальной парадигмы развития человека уже не оспариваются. Сегодня почти повсеместно признано, что успех страны или благосостояние индивида не могут измеряться только в деньгах. Доход, разумеется, имеет огромное значение: без ресурсов любой прогресс будет затруднен. Тем не менее, мы должны также оценить, имеют ли люди возможность вести долгую и здоровую жизнь, могут ли они получить образование и вольны ли они использовать свои знания и таланты для формирования собственной судьбы. Это был свежий взгляд на вещи, который остается крупнейшим достижением создателей Доклада — пакистанца Махбуба-уль-Хака и его близкого друга и коллеги индийца Амартии Сена, работавших в сотрудничестве с другими ведущими специалистами в области развития»². Казалось бы, авторы доклада должны говорить о духовной, нравственной, ценностной составляющей человеческого развития, но реально в докладе фактически подчеркивается необходимость лишь одной ценности — свободы (свободы индивидуального выбора). И это, на самом деле, то, вокруг чего выстраивается понятие человеческого потенциала на Западе (хотя, действительно, в российской науке это понятие стало известно благодаря названным в докладе экономистам М. уль Хаку и Амартии Сене). Авторы доклада фокусируются на том, что общество должно развиваться не благодаря каким-то незыблемым ценностям, определяющим цели его развития, а благодаря максимально комфортным условиям и возможностям. То есть ценности определяются все тем же вполне измеряемым уровнем жизни, фактическими возможностями и показателями (см. Сен, 2004; Наг, 1996; Sen, 2003). Кажется, что этот теоретически обоснованный воинствующий индивидуализм, прикрытый словами о морали, удачно может вписаться в разрушительные стратегии Запада.

Для разрушения духовно-нравственного единства нашей нации на Западе к настоящему времени разработана системная деструктивная стратегическая программа. В ее разработке приняли участие крупнейшие западные центры социально-политических технологий. Эта программа хорошо спланирована, хорошо профинансирована, к ее разработке, а главное — к реализации подключен весь потенциал дипломатических, разведывательных и агентурных возможностей западных государств.

Данная деструктивная деятельность исходит из простой теоретико-идеологической посылки: духовно-нравственные ценности — это базис, каркас (скрепа) национальной культуры, а значит и национально-цивилизационной идентичности. Деформируется (а лучше — разрушается) культура (система ценно-

² Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию. Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) Издательство «Весь Мир» 2010. URL: https://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_complete.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

стей) — разрушается духовная основа нации, а значит, разрушается человеческий потенциал данной нации.

Только тогда можно говорить о кардинальном изменении материальной действительности, когда произойдет кардинальное изменение (революция) в сознании людей. Вот такую революцию в сознании российских людей и хотят осуществить нынешние западные стратеги.

Что представляет собой система традиционных национальных духовно-нравственных ценностей (или духовно-нравственное ядро российской нации)³?

Оно состоит из трех фундаментальных смысловых узлов, которые исторически формируются в сознании (а отчасти — и в подсознании) духовно-нравственные ценности российских граждан.

Первый узел — это **историческая память**, которая базируется на знании подлинной истории, на знании великих побед и свершений русского народа, деяний ее героев.

Второй — это знание и осмысление типических **образов и сюжетов классической русской литературы**, в которых отражаются и осмысливаются метаморфозы исторического пути развития нации.

Третий — осознание гражданином **принадлежности к единой нации**, несмотря на этнические и конфессиональные различия.

В совокупности эти три смысловых узла формируют целостное мировоззрение гражданина, в котором органично соединяется историческое (социальное) время, национальная идентичность (или как раньше это называлось — «народность») и полиэтническая и поликонфессиональная целостность долгоживущей общественной системы, которой является российское государство.

В зрелых формах такое мировоззрение формирует гражданина, который готов с полной самоотдачей трудиться на благо России, при необходимости самоотверженно защищать (в том числе и с оружием в руках) ее интересы, отдавать все силы для воспитания новых поколений российских граждан. Для людей с таким мировоззрением понятие «Родина» и «патриотизм — любовь к Родине» это не отвлеченные понятия, а главные ориентиры в их повседневной жизни и деятельности.

Смысловые узлы национального духовно-нравственного ядра имеют глубочайшие исторические корни. Российская нация изначально развивалась не только как политико-государственная, но и как духовная целостность.

На эту уникальную особенность русской нации и русского человека указывали многие отечественные писатели и философы второй половины XIX — начала XX вв. — В. Соловьёв, Н. Лосский, С. Франк, И. Ильин, Н. Бердяев и др. (Сабирова, 2012). Н. Бердяев разработал специальную теорию персоналистической философии, в которой центральное место занимает не человек, а личность. «Личность, — пишет Н. Бердяев, — не есть биологическая или психологическая категория, но категория этическая и духовная» (Бердяев, 1995, 15).

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.07.2025).

Поэтому важнейшими в России является не социальные общности и тем более материальные условия жизни, а человеческая личность. Она, по Бердяеву, «есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности, принадлежащие миру объективному... Это есть персоналистическая установка ценностей» (Бердяев, 1995, 16–17). Поэтому далее рассуждая о сущности социальной революции, Н. Бердяев приходил к выводу, что перемены в сознании гораздо важнее и глубже, чем перемены в материальных условиях жизни. Во всяком случае, в России. По этому поводу он писал следующее: «Настоящая глубокая коренная революция есть изменение структуры сознания, изменение отношения к объективному миру» (Бердяев, 1995, 120).

Именно такую «революцию» и хотят произвести с нашим национальным сознанием западные стратеги.

Для русского национального сознания всегда важными и даже судьбоносными были вопросы смысла существования как индивида, личности, так и общества, государства в целом.

Исследователь духовно-политических учений России X–XVII вв. С.В. Перевезенцев пишет, что с ранних эпох русские мыслители размышляли над тремя вопросами, которые имеют фундаментальное значение для развития России: «*Первый вопрос* — какое место в общечеловеческой истории занимает Россия? *Второй вопрос* — в чем смысл и цель существования России на земле? *Третий вопрос* — кто способен обеспечить достижение этой цели?» (Перевезенцев, 2019, 565).

Из этого исторического духовного базиса прорастает и современная совокупность смысловых узлов духовно-нравственного ядра России, и как раз на разрушение этих смысловых узлов и направлена деятельность западных стратегов.

Как мы помним, попытка разрушения России началась со второго узла, когда после 1991 г. был инициирован (изнутри и извне) процесс суверенизации (фактически распада) уже суверенной России. Местные (прежде всего, национальные) элиты на Северном Кавказе, в Поволжье, на Урале начали сочинять самостийные «конституции», «уложения» и прочие, активизировались националистические (в том числе управляемые и финансируемые из-за рубежа) движения. Тогда некоторым казалось, что это самый быстрый и легкий путь развалить Россию, но это не удалось.

Позже пошли мощные атаки на первый узел (историческая память).

В данном узле для наших противников главной задачей является искажение и забвение сокрушительных побед русского оружия во всех крупнейших войнах последних столетий. В историческую картину мира западных идеологов никак не вписываются победы Петра I в Северной войне в начале XVIII в., победа России над наполеоновской Францией и капитуляция Парижа в 1812–1814 гг., разгром гитлеровской Германии и взятие Берлина в начале мая 1945 г. А ведь это были победы якобы «отсталой» страны над державами, которые в момент нападения на Россию сосредотачивали в своих руках людские и материальные ресурсы почти всей Европы и лидеры которых (Карл XII, Наполеон, Гитлер) совершенно открыто провозглашали планы на мировое господство.

О XVIII и XIX веках сейчас мало кто вспоминает, а вот Вторая мировая война накануне 80-летия Великой Победы оказалась в центре внимания. Чего стоит умозаключение Президента США Трампа о том, что решающий вклад в разгром германского

фашизма сделал, оказывается, не Советский Союз, который воевал с Гитлером с июня 1941 г. и принял на себя основной удар мощнейшей немецкой военной машины, а США, которая, как известно, вступила в военные действия в Европе только в 1944 г.?

Смысловой узел, связанный с великой русской литературой, имеет особое значения для фундирования общенационального и индивидуального гражданского сознания. Великая русская литература и искусство являются мостом между Россией и мировой культурой, оказывают заметное влияние на нее, а через нее на сознание людей. Эту характеристику и предназначение русской литературы Ф. Достоевский показал на примере Пушкина. «В Пушкине, — пишет Достоевский, — ... прообраз всего будущего назначения и всей будущей цели России, а стало быть, и всей будущей судьбы нашей...» (Достоевский, 1995, 236). И в этом прообразе, по Достоевскому, заключается следующая мысль Пушкина «*всемирность* России, ее отзывчивость и действенное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира...» (Достоевский, 1995, 236).

Вот как раз эта историческая **всемирность России** и является главным объектом вражды Запада против России, оголтелой и переходящей всякие разумные границы русофобии, которые сейчас усиленно насаждаются на Западе.

Общая совокупность деструктивных целей, которая направлена на российских граждан, состоит, **во-первых**, в том, чтобы исказить историческую память, внедрить в сознание людей возможность исторического поражения России, возможность, а лучше — необходимость ее исторического краха. **Во-вторых**, девальвировать осознание необходимости национальной идентичности, принадлежности к единому национальному, цивилизационному целому. **В-третьих**, внедрить в сознание людей, что исторически Россия — это заурядная страна, у которой нет великой литературы и искусства, нет литературных образов, нет героев, которыми следует гордиться и которым следует подражать. Тогда могут появиться российские граждане, для которых не имеет значения, где они будут жить и работать, для которых интересы России и сама принадлежность к российской нации не имеют основополагающей ценности.

Если такие деформации сознания российских граждан станут массовыми и поглотят молодые поколения россиян, то тогда цели западных стратегов можно будет считать достигнутыми. Необходимо отметить, что есть опасные симптомы того, что данная программа частично достигает своих целей. Достаточно вспомнить массовый отток (фактически бегство) десятков тысяч молодых россиян за рубеж после объявления начала СВО в 2022 г.

Обсуждение

Какими же способами и через какие социальные структуры западные стратеги пытаются разрушить смысловые центры (историческая память, великая литература, целостная национальная идентичность) духовно-нравственного ядра России?

Здесь реализуется задача по переформатированию и использования в своих целях двух важнейших социальных структур: 1) система образования и 2) семья.

Посмотрим, какие меры деструктивного воздействия были приняты западными стратегами против указанных общественных институтов.

Система образования

Это один из центральных объектов. И здесь были сосредоточены основные силы и средства. Можно даже сказать, что в последние два десятилетия система отечественного образования, которая до 1991 г. мировой экспертизой признавалась одной из самых совершенных и эффективных образовательных систем в мире, подверглась мощнейшим разрушительным воздействиям. В начале 2000-х гг. России удалось навязать прозападные системы образования: единый государственный экзамен как форму перехода от среднего к высшему образованию, двухступенчатую систему высшего образования — бакалавриат и магистратуру, исключение из образовательной системы воспитательной компоненты, западную англоязычную наукометрию и вообще принудительную англизацию российского языкового поля.

По оценкам многих экспертов данный эксперимент привел к снижению уровня образования. Примечательно, что о возможных пагубных последствиях таких нововведений предупреждали в самом начале. В 2002 г. в свет вышла книга, в которой были собраны мнения выдающихся ученых и общественных деятелей о начавшихся реформах образования. Вот одно из этих мнений тогдашнего Председателя комитета Государственной Думы по образованию и науке И.И. Мельникова: «...Вопреки требованиям законодателей и представителей регионов, вопреки протестам общества, просто вопреки здравому смыслу шаг за шагом разрушается, растрачивается драгоценный капитал, накопленный поколениями. Группа правительственных чиновников узурпировала право определять судьбы народного образования? Что движет этими людьми, которые ослеплены догматическими схемами либо преследуют цели, далекие от интересов общества? Им не терпится приобщиться к славе Герострата и нет сомнения, что они разделят с ним этот сомнительный приз» (Мельников, 2002, 154).

Кроме всего прочего, из этого мнения вытекает определенный вывод о том, что этим разрушительным процессом управляли достаточно мощные силы, перед которыми даже Государственная Дума не являлась серьезным препятствием.

Семья

В вводной части статьи упоминалось о материальной (или биологической) составляющей аксиологических деструкций. В семье как раз эта составляющая смыкается с духовно-нравственной.

Ценности — это интеллектуальная, нравственно-идеологическая субстанция, то есть это то, что в головах людей... Но для всего этого нужно, чтобы были сами люди, народ. Сначала должен быть народ, а уже потом имеет смысл говорить о том, что он думает. И здесь мы упираемся в проблему демографии, в проблему сбережения и размножения народа, которую без крепкой и здоровой семьи решить невозможно.

В демографии есть проблема титульной нации, уровня рождаемости, а значит — и удельного веса титульной нации в государстве, потому что именно титульная нация и является базисом традиционных национальных духовно-нравственных ценностей.

Случайными ли на этом фоне являются якобы стихийные (якобы никем не управляемые) процессы расширяющейся миграции народностей, которые не разделяют и не собираются разделять в будущем российские ментальные и духовно-нравственные ценности, и рождаемость в семьях которых иногда в разы превышает рождаемость титульной нации.

Настораживает и развитие молодежного движения чайлдфри («свободные от детей»). Это движение возникло в США еще в 1960-е гг., но там и в Европе давно заглохло. А вот его современная версия становится все более и более популярной в России. Не является ли это целенаправленным оружием против будущего России, использование которого может со временем привести к тяжелым демографическим последствиям?

Заключение

Следует отметить, что атаки на ценностное ядро российской нации в последнее время только усиливаются и становятся все более изощренными. Используются все возможные каналы воздействия на сознание российских граждан (особенно молодежи) — интернет (социальные сети), телевидение, в том числе спутниковое, образовательные (прежде всего, зарубежные) онлайн-программы, языковые курсы в России, соотечественники за рубежом, в том числе российские граждане, обучающиеся в зарубежных вузах.

Российское государство должно противопоставить (и многое уже делается) западной стратегии разрушения духовно-нравственного (ценностного) ядра России серьезную контрпрограмму⁴. Контуры такой программы уже заложены в упомянутом выше Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 в котором дана оценка ситуации, указаны основные угрозы и риски для традиционных ценностей, поставлены цели и задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей и инструменты по реализации этой политики⁵.

Определенные шаги по выполнению Указа Президента уже сделаны, но основная работа, связанная с мобилизацией государственного аппарата и общественности, еще впереди.

На Украине в настоящее время Россия столкнулась на поле боя с объединенными силами Запада. Но нельзя забывать, что постоянно идет и еще одна не менее яростная, хотя и почти невидимая битва — это битва за умы и сознание российских граждан, за сохранение национальных духовно-нравственных ценностей. И от того, кто

⁴ Этому будет, безусловно, способствовать и Указ Президента РФ от 19 мая 2025 г. № 335 «О государственном мониторинге вреда, причиненного РФ, субъектам РФ, территории „Сириус“, муниципальным образованиям, физическим лицам и организациям иностранными источниками», в котором прямо указывается на необходимость отслеживать и давать правовую оценку деятельности зарубежных центров, направленной на разрушение духовно-нравственных ценностей России (Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2025 № 335 «О государственном мониторинге вреда, причиненного РФ, субъектам РФ, территории „Сириус“, муниципальным образованиям, физическим лицам и организациям иностранными источниками». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505190036> (дата обращения: 26.07.2025)).

⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.07.2025).

победит в этой битве в долгосрочной перспективе, будет в конечном счете зависеть будущее нашей страны.

Список источников

1. Бердяев Н. Царство духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 384 с.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877 // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 16 т. Т. 14. СПб.: Просвещение, 1995. 784 с.
3. Мельников И.И. Рычаг и опора // Образование, которое мы можем потерять. Сб./ Под общ. ред. В.А. Садовниченко. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 145–154.
4. Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 784 с.
5. Сабирова Л.А. Роль духовного фактора в формировании и развитии русского человека // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 6 (14). 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-duhovnogo-faktora-v-formirovanii-i-razviti-russkogo-cheloveka>.
6. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. 430 с.
7. Haq M ul. Reflections on Human Development. Oxford: Oxford University Press. 1996.
8. Sen A. The Possibility of Social Choice // Nobel Lectures, Economics 1996–2000 / Ed. by T. Persson. Singapore, 2003.

References

1. Berdyayev N. The Kingdom of spirit and Kingdom of Caesar. Moscow: Respublika, 1995. 384 p. (In Russ.).
2. Dostoevskiy F.M. The writer's diary. 1877. Dostoevskiy F.M. Collected works in 16 volumes. T. 16. Saint-Petersburg: Prosveshchenie, 1995. 784 p. (In Russ.).
3. Mel'nikov I.I. Lever and prop. Education we might lose. Endorsed by V.A. Sadovnichiy. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2002, pp. 145–154. (In Russ.).
4. Perevezentsev S.V. Russian meanings: Spiritual and political doctrines of X-XII centuries in historic development. Moscow: Veche, 2019. 784 p. (In Russ.).
5. Sabirova L.A. The role of a spiritual factor in forming and developing the Russian. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem (elektronny nauchny zhurnal)*. 2012; 6(14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-duhovnogo-faktora-v-formirovanii-i-razviti-russkogo-cheloveka> (In Russ.).
6. Sen A. Development as freedom. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004. 430 p. (In Russ.).
7. Haq M ul. Reflections on Human Development. Oxford: Oxford University Press. 1996.
8. Sen A. The Possibility of Social Choice // Nobel Lectures, Economics 1996–2000 / Ed. by T. Persson. Singapore, 2003.

Информация об авторе

Мошелков Е.Н. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Moschelkov E.N. — Doct. Sci. (Politicalology), Professor, Head of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 26.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 26.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.

**Воздействие внешних факторов на развитие
экономики России и теория неэквивалентного обмена**

***The impact of external factors on the development of the
Russian economy and the theory of unequal exchange***

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 28–45.

Russian Economic Journal. 2025;(4):28–45.

Научная статья

УДК 339.9

<https://doi.org/>

Комолов Олег Олегович,

Институт экономики РАН,

Москва, Россия

oleg_komolov@mail.ru

ORCID: 0009-0007-1303-7493

Komolov Oleg O.,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

oleg_komolov@mail.ru

ORCID: 0009-0007-1303-7493

Аннотация. Статья посвящена анализу воздействия внешних факторов на развитие российской экономики через призму теории неэквивалентного обмена. В работе рассматриваются механизмы перераспределения стоимости между странами центра и периферии, а также влияние глобальных цепочек добавленной стоимости, торговых балансов и валютных курсов на экономическое развитие. Автор анализирует теорию неэквивалентного обмена, заложенную в трудах А. Эммануэля, а также ее критику со стороны структуралистов и марксистских экономистов, таких как Р. Пребиш, Х. Зингер, С. Амин и А.Риччи и др. Особое внимание уделяется количественной оценке потерь стоимости в международных торговых отношениях России. Рассматривается индекс зависимости (Dependency Index) как показатель масштабов утечки стоимости за рубеж, а также влияние отклонения номинального валютного курса от паритета покупательной способности на трансфер стоимости. Эмпирический анализ показывает, что российская экономика выступает донором стоимости в мировой системе, уступая развитым странам в добавленной стоимости экспортируемых товаров и зависимости от импорта высокотехнологичной продукции. В работе отмечается влияние санкций 2014 и 2022 г. на усиление неэквивалентного обмена и предложены пути минимизации потерь, включая развитие высокотехнологичных отраслей, повышение производительности труда и сокращение зависимости от импорта критически важных товаров. Статья обосновывает необходимость пересмотра экономической политики для снижения зависимости от неэквивалентного обмена и укрепления экономического суверенитета России.

Ключевые слова: неэквивалентный обмен, марксизм, глобальные цепочки добавленной стоимости, международная торговля, Россия, глобализация.

Для цитирования: Комолов О.О. Воздействие внешних факторов на развитие экономики России и теория неэквивалентного обмена // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 28–45. <https://doi.org/>_____.

Abstract. The paper analyzes the impact of external factors on the development of the Russian economy through the prism of the theory of unequal exchange. The paper examines the mechanisms of value redistribution between the countries of the center and periphery, as well as the impact of global value chains, trade balances and exchange rates on economic development. The author examines the concept of unequal exchange, laid down in the works of A. Emmanuel, as well as its criticism by structuralists and Marxist economists, such as R. Prebisch, H. Singer, S. Amin and A. Ricci, etc. Particular attention is paid to the quantitative assessment of value losses in Russia's international trade relations. The Dependency Index is considered as an indicator of the scale of value leakage abroad, as well as the impact of the deviation of the nominal exchange rate from purchasing power parity on value transfer. Empirical analysis shows that the Russian economy acts as a donor of value in the world system, inferior to developed countries in the added value of exported goods and dependence on imports of high-tech products. The paper notes the impact of the 2014 and 2022 sanctions on increasing unequal exchange and suggests ways to minimize losses, including the development of high-tech industries, increasing labor productivity, and reducing dependence on imports of critical goods. The article substantiates the need to revise economic policy to reduce dependence on unequal exchange and strengthen Russia's economic sovereignty.

Keywords: unequal exchange, Marxism, global value chains, international trade, Russia, globalization.

For citation: Komolov O.O. The impact of external factors on the development of the Russian economy and the theory of unequal exchange. Russian Economic Journal. 2025;(4):28–45. (In Russ.). <https://doi.org/>_____.

Введение

Вопрос неэквивалентного обмена в международной торговле остается одним из ключевых в современной экономической науке. Несмотря на глобализацию и либерализацию рынков, происходивших в период с 1970-х до 2010-х гг., экономическое неравенство между странами центра и периферии усиливалось. Теория неэквивалентного обмена, сформулированная А. Эммануэлем и развиваемая современными структуралистами и представителями марксистской политической экономии объясняет это явление через систематическую передачу стоимости от периферии мировой экономики к экономическим центрам. В условиях растущей конкуренции на мировых рынках, интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦС) и геоэкономических трансформаций, данный вопрос становится особенно актуальным для российской экономики.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Россия, как экономика полупериферии, сохраняет сырьевую специализацию, что делает ее уязвимой перед изменениями мировых цен и внешними экономическими шоками. Во-вторых, девальвация рубля и его устойчивое отклонение от паритета покупательной способности создают дополнительные потери стоимости при внешнеторговых операциях. В-третьих, введение санкций в 2014 и 2022 гг. кардинально изменило географию российской торговли, что требует переоценки механизмов неэквивалентного обмена и возможных стратегий выхода из него.

Целью данной статьи является анализ факторов, влияющих на перераспределение стоимости в международной торговле России, а также количественная оценка трансфертов стоимости через межотраслевой и внутриотраслевой обмен. Настоящая работа базируется на эмпирическом анализе российской внешней торговли, помещенных в контекст теории неэквивалентного обмена. Итоги исследования позволят выявить основные каналы утечки стоимости из российской экономики и предложить направления экономической политики, способствующие повышению ее суверенитета и устойчивости в условиях глобальной конкуренции.

Теория неэквивалентного обмена: дискуссия марксистов и структуралистов

Теория неэквивалентного обмена, зародившаяся в середине XX века, стала ответом на противоречия капиталистической глобализации. Восходящий к теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо научный консенсус о взаимной выгоде от международного обмена всех его участников был поставлен под сомнение растущим глобальным неравенством. Падение колониальной системы не привело к экономическому выравниванию бывших колоний с метрополиями, несмотря

на либерализацию мировой торговли и увеличение объемов обмена международного обмена. В годы апогея глобализации (1990–2007 гг.) темпы роста мирового экспорта вдвое превышали расширение промышленного производства¹. В то же время возросло глобальное неравенство доходов (Goda, Garca, 2017), большая часть которого приходится на межстрановое расслоение (Anand, Segal, 2015). В XXI веке место рождения стало ключевым фактором благосостояния человека, оттесняя на второй план его классовую принадлежность (Milanovic, 2012).

Первым фундаментальным трудом, обобщившим разрозненные идеи о неравном распределении выгоды от глобального обмена, стала книга А. Эммануэля (Emmanuel, 1972). Ключевым фактором неэквивалентности он назвал разницу в заработных платах. В отличие от нормы прибыли заработные платы не выравниваются между странами, поскольку эти различия закреплены на институциональном уровне: в развитых странах зарплаты остаются устойчиво высокими благодаря сильным профсоюзам и мощному рабочему движению.

Даже если продукция произведена при одинаковых технологических условиях, в стране с низкой зарплатой ее цена будет ниже, а значит, при обмене с развитыми странами возникает скрытый переток стоимости. Эмпирическим выражением неэквивалентности, таким образом, является коэффициент бартерных условий торговли, который рассчитывается как отношение цен на экспортируемые товары к импортируемым (уравнение 1). Если зарплаты периферийной страны падают относительно развитой, то цены ее экспорта снижаются, и страна получает меньше импортных товаров за единицу экспорта, что приводит к ухудшению условий торговли.

$$BTT = \frac{P_{exp}}{P_{imp}} \quad (1),$$

где

BTT (barter terms of trade) бартерные условия торговли;

P_{exp} — цены экспортируемых товаров;

P_{imp} — цены импортируемых товаров.

Публикация книги Эммануэля вызвала широкую академическую дискуссию с критикой теоретических выводов автора. Так, метод Эммануэля, основанный на предпосылках о совершенной международной мобильности капитала, относительной неподвижности рабочей силы и конкурентной рыночной среды, существенно расходится со структуралистским подходом. Так, Льюис (Fields, 2004) подчеркивает двойственную сущность рынка рабочей силы периферийных стран. В «традиционном секторе» с низкой производительностью труда (сельское хозяйство, мелкая торговля, ремесло, неформальные услуги) имеет место избыток рабочей силы, что снижает зарплаты до уровня прожиточного минимума, поскольку реальная предельная производительность труда в традиционном секторе

¹ World Trade Organization. 2011. *International Trade Statistical, Appendix: Historical Trends*. World Trade Organization. www.wto.org/statistics.

стремится к нулю. Это стимулирует трудовую миграцию из деревни в «современный сектор» (промышленность, строительство, услуги) с более высокой реальной предельной производительностью. Однако наличие большой резервной армии труда не позволяет зарплатам расти соразмерно производительности. Это позволяет капиталистам извлекать дополнительную прибавочную стоимость и поддерживать конкурентоспособность товаров на международном рынке. От этого выигрывают страны с единым (интегрированным) рынком рабочей силы. В результате не институциональные, а структурные (межсекторальные) различия становятся источником неэквивалентного обмена.

Еще одно проявление фактора различия рыночных структур стран центра от периферии — высокая конкуренция на рынке сырьевых товаров и значительная концентрация рынков промышленных товаров (Тоуе, Тоуе, 2003). Как следует из тезиса Пребиша и Зингера, эти различия в долгосрочной перспективе приводят к ухудшению условий торговли для страны-экспортера сырья, к которым относятся преимущественно периферийные экономики. Этому также способствует относительная неэластичность спроса на сырье по доходу и цене.

Теория Эммануэля также подверглась критике представителей марксизма. Так, Хустон и Паус (Houston, Paus, 1987), утверждали, что модель Эммануэля чрезмерно упрощает механизм формирования зарплат и не учитывает влияние разницы в производительности труда (развитые страны, как правило, имеют более эффективные технологии), структуры производства (капиталоемкость отраслей), а также фактор доступа к капиталу.

Сомайни (Somaini, 1973) критиковал Эммануэля за недостаточное внимание к проблеме трансформации стоимостей в цены производства, описанной Марксом: в отраслях с высоким органическим строением капитала (много машин и мало труда) создается меньше прибавочной стоимости, но такие отрасли получают среднюю по экономике норму прибыли, т.е. равную тем отраслям, которые производят товары с большей трудовой стоимостью. Таким образом, международный товарообмен происходит не по стоимости, определяемой затратами на рабочую силу, как утверждал Эммануэль, а по ценам производства, зависящим от производительности труда и средней нормы прибыли. Последняя, утверждал Берналь (Bernal, 1980), не одинакова во всех странах. Ее выравниванию препятствует разный уровень риска, а также барьеры на пути движения капитала. Также он ставил под сомнение предпосылку Эммануэля о полной специализации стран в мировой торговле, т.е. отсутствие внутриотраслевой торговли между странами. Лиокадис (Liodakis 1996) отмечает, что традиционные индексы условий торговли не учитывают реальную стоимость, создаваемую в разных странах. Например, развивающаяся страна может экспортировать товары по более высокой цене, но, если при этом затраты труда увеличиваются, она фактически теряет стоимость.

Обобщая эти замечания, Эртен (Erten 2011) приходит к выводу, что для более полного анализа эквивалентности торговли необходимо принимать во внимание фактор производительности труда у стран-участниц обмена.

Его учитывает модель двухфакторных условий торговли (DFTT), в которой барьерные условия умножаются на отношение в производительности труда в произ-

водстве экспортируемых и импортируемых товаров и показывают, что эксплуатация периферии центром происходит не только через цены, но и через скрытое перераспределение труда. Если индекс принимает значение меньше единицы, то страна в обмене теряет больше труда, чем получает, что и является сущностью неэквивалентного обмена.

$$DFTT = BTT * \frac{LP \text{ exp}}{LP \text{ imp}} \quad (2),$$

где

DFTT (double factorial terms of trade) — двухфакторные условия торговли

LP exp — Производительность труда в экспорте;

LP imp — Производительность труда в импорте.

DFTT показывает, сколько труда в среднем требуется стране для получения определенного объема импорта через экспорт. Если DFTT = 1, значит страна получает за единицу своего труда столько же, сколько уходит на производство импортируемых товаров. Если DFTT < 1, то страна отдает больше труда, чем получает, что является признаком неэквивалентного обмена. Данный метод показывает, что развивающиеся страны могут экспортировать дешевые товары, но при этом тратить больше труда на их производство, чем развитые страны на производство импортируемых товаров. Это означает, что даже если BTT близок к единице (цены экспорта и импорта примерно равны), фактически страна может терять больше труда и стоимости при обмене, если ее производительность труда будет ниже, чем у внешнеторгового партнера.

Этот подход развивает Ли (Li, 2016), используя коэффициента обмена трудом, который рассчитывается как отношение рабочего времени, воплощенного в товарах, импортируемых страной, к рабочему времени, воплощенному в экспортируемых товарах. Фактически его метод означает сопоставление производительности труда участников внешнеторговых операций (чем выше производительность труда, тем меньше труда вложено в производимые товары).

С. Амин критиковал вывод А. Эммануэля о том, что бенефициарами неэквивалентного обмена являются трудящиеся развитых стран (Amin, 2012). По его оценке, изъятая стоимость становится «империалистической рентой» ТНК развитых стран, которые получают сверхприбыль за счет эксплуатации периферии. После распада колониальной системы насильственные методы эксплуатации сменились рыночными механизмами, которые внешне выглядят добровольными, но фактически основаны на экономическом принуждении. Важную роль в этом процессе сыграло создание глобальных цепочек добавленной стоимости благодаря развитию коммуникационных технологий. Амин называет следующие каналы извлечения «империалистической ренты»: 1) ножницы цен на сырьевые и промышленные товары; 2) контроль странами центра наиболее высокопроизводительных звеньев ГЦС; 3) диспаритет валютных курсов; 4) переток экспортной выручки периферийных стран на финансовые рынки центра. Таким образом, Амин показывал, что экономическое неравенство насаждается не только через торговлю, но и через валютные и финансовые механизмы, которые препятствуют развитию периферии.

Итого марксистская интерпретация неэквивалентного обмена исходит из двух теоретических предпосылок. Первая — выводы модели превращения стоимости в цену производства К. Маркса, в которой товары обмениваются по ценам производства, отличным от трудовой стоимости. Причиной тому является отличие в органическом строении капитала между странами, которое определяется разницу в производительности труда. В странах периферии, специализирующихся на относительно трудозатратных производствах, создается больше стоимости, однако в силу тенденции к выравниванию средней нормы прибыли между странами она перераспределяется в пользу стран центра. Вторая — уточнение Маркса о том, что в мировой торговле отношения эксплуатации могут возникать не только в сфере производства, но и в сфере обращения: «Исходя из возможности того, что прибыль может оказаться ниже прибавочной стоимости, капитал, стало быть, можно обменять с получением прибыли, не реализовав его по прямому назначению. Значит, не только единичные капиталисты, но и целые нации могут непрерывно совершать обмен друг с другом, более того, обмениваться бесконечно, но необязательно получая взамен равнозначное количество. Одна нация может непрерывно присваивать себе прибавочный труд другой, ничего не возвращая обратно» (Marx, 1993).

Таким образом, факторы неэквивалентного обмена можно разделить на две группы:

- неэквивалентный обмен в широком смысле — это явление, свойственное нормальному функционированию рыночной экономики, при котором товары продаются не по стоимости, а по ценам производства в силу разного органического строения капитала;
- неэквивалентный обмен в строгом смысле — это ситуация, связанная с частными дисбалансами на рынке, когда товары обмениваются по ценам, отклоняющимся от их цен производства, например в силу монопольного ценообразования, валютных диспаритетов и т.д.

Для систематизации факторов неэквивалентного обмена необходимо рассмотреть дополнительные категории трудовой теории стоимости.

- Стоимость. Определяется количеством общественно необходимого труда, затраченного на производство товара. В условиях простого товарного производства товары обмениваются по стоимости.
- Цена производства. Основывается на стоимости, но учитывает отличия в органическом строении капитала. В условиях развитого товарного производства и конкурентной рыночной среды определяет пропорции обмена, выступая в роли «гравитационного поля» рыночных цен. Отличия цен производства от стоимости создают условия для неэквивалентного обмена в широком смысле.
- Рыночная цена производства. Представляет собой модифицированную цену производства, включающую дисбалансы между спросом и предложением (например, из-за природных ограничений и иных барьеров для входа на рынок). Рыночная цена производства может на долгое время отклоняться от цены производства.
- Рыночная цена. Это фактическая цена продажи товара конечному потреби-

телю в конкретный момент времени. Она колеблется относительно рыночной цены производства и определяется краткосрочными факторами рыночной конъюнктуры, например локальным ростом спроса, демпингом или монопольным ценообразованием.

Проиллюстрировать связь приведенных понятий может следующий пример. Стоимость нефти определяется затратами труда на его добычу и транспортировку. Цена производства нефти учитывает среднюю норму прибыли на капитал, вложенный в нефтедобычу и отличается в зависимости от уровня производительности труда. Рыночная цена производства нефти включает монопольную ренту стран ОПЕК (в силу географических ограничений добычи нефти). Рыночная цена нефти зависит от текущей конъюнктуры (спроса, политических факторов, биржевых спекуляций).

А. Риччи отождествляет выгоду от неэквивалентного обмена с извлечением ренты в двух формах: дифференциальной и абсолютной (Ricci, 2018). Дифференциальную ренту по аналогии с теорией ренты Д. Рикардо он определяет как следствие различий в производительности между предприятиями из разных отраслей. Она включает:

— различия в органическом строении капитала (теория Маркса). Здесь дифференциальная рента проявляется в превышении цены производства над стоимостью.

— отличия в заработной плате между «традиционным» и «современным» секторами (теория Льюиса). Проявляется в превышении рыночной цены производства над ценой производства.

— различия в нормах прибыли между сырьевыми и производственными секторами (теория Пребиша — Зингера). Так же проявляется в превышении рыночной цены производства над ценой производства.

Извлечение абсолютной ренты происходит за счет различий в оплате труда и капитала между странами и охватывает внутриотраслевой обмен. Поскольку внутри одной отрасли, как правило, нет значительных различий в органическом строении капитала, ключевым фактором, влияющим на цену, становятся монополизация, контроль над рынками, торговые барьеры.

Абсолютная рента включает в себя:

— различия в заработной плате между странами (подход Эммануэля);

— различия в нормах прибыли между странами (теория Амина). В обоих случаях абсолютная рента будет проявлять себя в отклонении рыночных цен от рыночных цен производства.

Таким образом, неэквивалентный обмен связан как с межотраслевыми различиями в стоимости товаров, так и с различиями в распределении доходов между странами. Как отмечает А. Риччи, в современной глобальной экономике абсолютная рента становится все более значимой по сравнению с дифференциальной рентой, что указывает на изменение структуры международного разделения труда.

Байман (Baiman, 2014), систематизируя страны по признаку участия в отношениях неэквивалентного обмена, использует понятия стран-рантье (пример: США) и стран, обогащающихся на неэквивалентном обмене (пример: Германия).

В категориях А. Риччи эти страны можно было бы назвать абсолютными рантье и дифференциальными рантье, соответственно.

В расчете объема переданной стоимости, А. Риччи (Ricci, 2021): использует следующее уравнение:

$$T_i^{\$} = UE_i^{xi} + UE_i^{GVC} \quad (3),$$

где

$T_i^{\$}$ — трансфер стоимости;

UE_i^{xi} — неэквивалентный обмен, связанный с экспортом товаров конечного потребления (межотраслевая торговля);

UE_i^{GVC} — неэквивалентный обмен, связанный с участием страны в ГЦС (внутриотраслевая торговля).

Межотраслевой переток стоимости представлен как сумма внутренней добавленной стоимости в национальном экспорте и иностранной добавленной стоимости в национальном экспорте в долларах. В таком обмене страна может получить больше стоимости, чем она произвела, если цена ее экспортной продукции оценивается выше стоимости или если импортированные ресурсы оцениваются ниже стоимости:

$$UE_i^x = DVA_i + FVA_i \quad (4),$$

где

DVA_i — внутренняя добавленная стоимость в национальном экспорте в долларах;

FVA_i — иностранная добавленная стоимость в национальном экспорте в долларах.

Внутриотраслевой переток стоимости представлен разностью внутренней добавленной стоимостью в иностранном экспорте и иностранной добавленной стоимостью в национальном экспорте в долларах. Чистый баланс этих двух факторов представляет собой перенос стоимости, который происходит в результате участия страны в глобальных цепочках стоимости. Если эта разница положительна, страна экспортирует больше добавленной стоимости, чем импортирует. Это означает приток стоимости от внешней торговли. Если разница отрицательная, страна импортирует больше добавленной стоимости, чем экспортирует. Значит, имеет место утечка стоимости:

$$UE_i^{GVC} = DVX_i - FVA_i \quad (5),$$

где

DVX_i — внутренняя добавленная стоимость в иностранном экспорте в текущих долларах;

FVA_i — иностранная добавленная стоимость в национальном экспорте в долларах.

Также А. Риччи добавляет в уравнение (3) фактор диспаритета валютных курсов. Он использует показатель ERDI (Exchange Rate Deviation Index). Это индекс, который измеряет разницу между рыночным валютным курсом и паритетом покупательной способности для страны.

Валютный курс влияет на неэквивалентный обмен через механизмы отклонения обменного курса от паритета покупательной способности. В статье М. Леденева (Леденева 2010) отмечается, что глобализация и развитие финансовых механизмов перераспределения национального богатства обостряют проблему эквивалентности обмена. Если валютный курс страны искусственно занижен или завышен относительно ППС, это приводит к изменению реальной стоимости импорта и экспорта. В результате страна может либо переплачивать за импортируемые товары, либо недополучать доход от экспорта, что формирует неэквивалентность обмена. Страны с $ERDI > 1$ получают дополнительную стоимость в торговле за счет переоцененной валюты (например, США, ЕС, Япония). Страны с $ERDI < 1$ теряют стоимость при экспорте, так как их товары недооценены (например, Россия, Китай, Латинская Америка). Таким образом, через валютный курс возможна передача стоимости от одних стран к другим, особенно в условиях нестабильных финансовых рынков.

Согласно эффекту Пенна, странах с низким уровнем дохода цены на товары и услуги будут ниже, чем в более развитых странах. Этот эффект с расхождением между номинальным и реальным обменными курсами. Так, в богатых странах производительность в торгуемых секторах (тех, чья продукция может быть экспортирована, например, промышленность) выше, что приводит к более высоким заработным платам в отрасли. Однако зарплаты растут не только в этих секторах, но и в неторгуемых секторах (услуги, строительство, общепит и т. д.), что приводит к удорожанию местных товаров и услуг. В то же время в странах с низкими доходами труд менее продуктивен, а зарплаты остаются низкими. Это означает, что товары и услуги в неторгуемых секторах обходятся дешевле, чем в развитых странах. Таким образом, в развитых странах номинальный валютный курс часто выше уровня, рассчитанного по ППС, а в развивающихся странах — ниже. Это связано с тем, что рыночные обменные курсы в основном формируются под влиянием торгуемых товаров, тогда как эффект Пенна проявляется в неторгуемом секторе. Это обстоятельно относит ERDI к факторам дифференциальной ренты в неэквивалентном обмене, поскольку отклонение номинального валютного курса от ППС определяется прежде всего потоками капитала, которые определяются инвестиционной привлекательностью страны. При этом в ERDI содержится элемент абсолютной ренты, если отклонение курса вызвано политикой государства, направленной на искусственную девальвацию национальной валюты.

С учетом фактора курсовых диспаритетов формула расчета объема трансфертов стоимости (3) получит следующий вид:

$$T_i^{\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI}\right) * (UE_i^{xi} + UE_i^{GVC}) \quad (6)$$

Трансформируя уравнение (6) с учетом формул (4) и (5), получаем:

$$T_i^{\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI}\right) * (UE_i^{xi} + UE_i^{GVC}) \quad (7)$$

$$T_i^{\$} = \left(1 - \frac{1}{ERDI}\right) * [(DVA_i + FVA_i) + (DVX_i - FVA_i)] \quad (8)$$

Если величина $T_i^{\$}$ имеет положительный знак, то страна получает чистый приток стоимости от отношений неэквивалентного обмена. Отрицательный знак свидетельствует о том, что страна выступает в роли чистого донора стоимости.

Участие России в отношениях неэквивалентного обмена

Экономика России в мировой капиталистической системе занимает полупериферийное положение. Она сочетает сырьевую специализацию с отдельными секторами промышленного производства, обладающими конкурентоспособностью на внешних рынках. Уступая по уровню производительности труда странам центра, российская экономика извлекает сырьевую ренту, размер которой растет вместе с повышением цен на мировых рынках сырьевых товаров. В совокупности удельные трудозатраты в производстве товаров взаимобмена у России выше, чем у стран центра. Коэффициент обмена труда, который рассчитывается как отношение рабочего времени, воплощенного в товарах, импортируемых страной, к рабочему времени, воплощенному в экспортируемых товарах, колебался в границах от 0,1 до 0,34 в период с 1997 по 2020 гг. (Комолов, 2024). Это означает, что Россия больше отдает труда в форме экспортируемых товаров, чем получает в форме импортированных. При этом в отношениях с остальными странами, не входящими в группу ОЭСР, коэффициент обмена трудом устойчиво превышает единицу, что свидетельствует о выгодных условиях обмена для России.

До 2022 г. структура внешней торговли России почти не претерпевала изменений. Около 60% в ней занимали энергоносители (нефть, газ, уголь), 10–15% — металлы, удобрения, лес и до 10% — машины и оборудование (преимущественно продукция ВПК)². При этом в импорте страны преобладали товары с высокой добавленной стоимостью: доля машин и оборудования превышала 50% (Маслов

² Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам – Федеральная таможенная служба URL: <https://customs.gov.ru/folder/502> (дата обращения 10.03.2025).

2024). С точки зрения неэквивалентного обмена в отношениях со своими ключевыми внешне торговыми партнерами — странами ЕС и КНР Россия теряла стоимость, т.е. дифференциальная рента в межотраслевой торговле уходила за рубеж.

В то же время в отдельных отраслях российская экономика способна извлекать абсолютную ренту за счет контроля над стратегическими ресурсами. Так, на рынке углеводородов Россия контролирует крупные запасы и инфраструктуру экспорта; в области ядерной энергетики Росатом имеет монопольное положение на рынке обогащенного урана; в военной промышленности экспорт вооружений дает стабильные валютные доходы благодаря долгосрочным контрактам (Степанова, 2024). В контексте участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости, экономика РФ вовлечена в них преимущественно на сырьевом уровне (экспорт металлов, углеводородов). При этом российские компании почти не участвуют в высокотехнологичных звеньях (например, в производстве полупроводников, биотехнологиях и т.п.)

Неоцененность рубля также приводит к потерям в отношениях неэквивалентного обмена. Показатель ERDI для рубля принимает устойчиво значения ниже 0,5, что свидетельствует о существенном отклонении номинального курса от паритета покупательной способности. Это делает российский экспорт дешевым, а импорт — дорогим.

После 2022 г. Россия столкнулась с структурными изменениями в международной торговле. Во-первых, это проявляется в изменении географии внешней торговли. Потеря европейских рынков и переориентация на Китай, Индию и Турцию повысил издержки российских компаний в экспортных сделках. Рост дисконтных продаж нефти, а также падение переработки также приводят к потере стоимости во внешнеторговых операциях. Кроме того, санкции ограничили России доступ к микроэлектронике, авиационным комплектующим, машинам и оборудованию двойного назначения, усилив зависимость от параллельного импорта из Китая и стран СНГ.

Чтобы рассчитать объем переданной за рубеж стоимости, обратимся к методу, описанному уравнением 8. Источником статистических данных по созданной и переданной добавленной стоимости являются глобальные таблицы межотраслевого баланса Eora Global MRIO³. Метод работы с таблицами описан в (Lenzen, Moran, Kanemoto, 2013). Данные глобального МОБ доступны на безвозмездной основе для академических целей лишь до 2018 г.

Для того, чтобы сопоставить масштабы перетока стоимости через оба канала (внутриотраслевой и межотраслевой), трансформируем уравнение 6:

$$1/ERDI * (DVAi + FVAi) + [(1 - 1/ERDI) * (DVXi - FVAi)] \quad (9)$$

На основе полученного метода проведем расчеты двух каналов передачи стоимости Россией в рамках отношений неэквивалентного обмена (см. рис.1)

³ UNCTAD-Eora Global Value Chain Database URL: <https://worldmrio.com/unctadgvc/>.

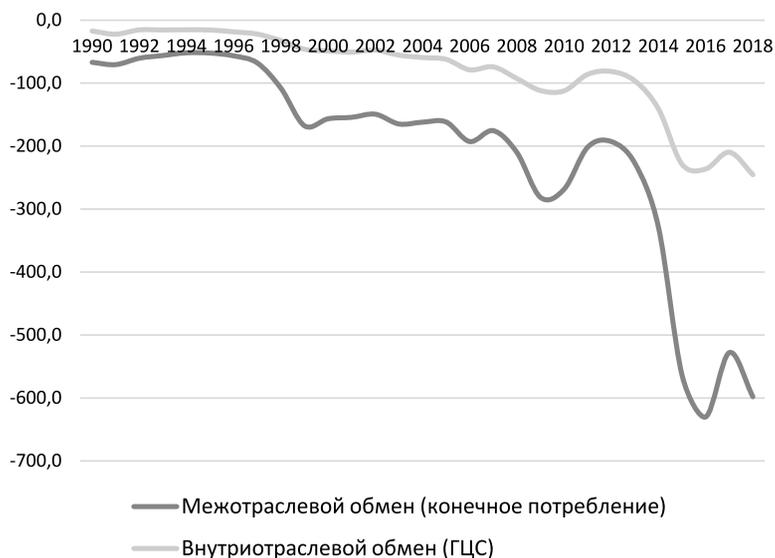

Рис. 1. Передача стоимости экономикой России в отношениях неэквивалентного обмена (млрд долл.)

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, Main GVC indicators by country, 1990 – 2018, URL: <https://worldmrio.com/unctadgvc/>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate // Worldbank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF?end=2023&start=1990&view=chart>

График отражает увеличение номинальной передачи стоимости Россией в последние три десятилетия. Это объясняется, во-первых, встраиванием РФ в международное разделение труда и ростом сырьевого экспорта. Во-вторых, девальвацией рубля, которая происходила скачкообразно в 1998, 2008 и 2014 гг. Объем переданной стоимости имеет отрицательные значения (потеря стоимости), что вызвано устойчивым отклонением номинального курс рубля от паритета покупательной способности. Основным каналом передачи стоимости в РФ с 1990 по 2018 гг. являлся межотраслевой обмен, то есть поставка товаров конечного потребления. В 2018 г. он составил –598 млрд долл. Это в 2,4 раза больше объема стоимости, переданной через участие РФ в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Рассмотрим передачу стоимости в относительных величинах (см. рис. 2)

Размер переданной стоимости на душу населения вырос с 1990 по 2018 гг. более, чем в 10 раз: с –568 долл. до 5801 долл. Наибольший рост показателя пришелся на период с после 2014 г., что вызвано девальвацией рубля на фоне введения первых антироссийских санкций. Отношение переданной стоимости к ВВП достигло максимума (–109%) после кризиса 1998 г. Это было вызвано падением ВВП относительно экспорта и резкой девальвацией рубля. В дальнейшем на фоне восстановительного роста доля переданной стоимости сокращалась до –14% ВВП в 2013 г. Западные санкции прервали этот тренд, что привело к снижению показателя до –67% ВВП.

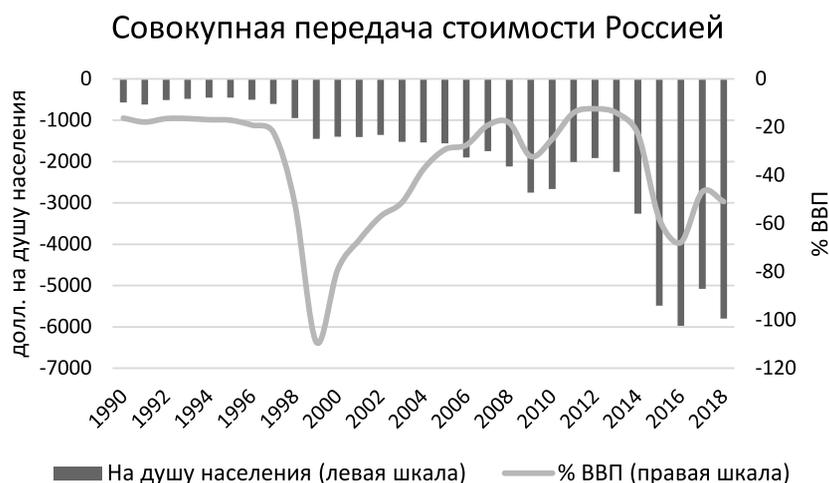

Рис. 2. Передача стоимости экономикой России в отношениях неэквивалентного обмена (млрд долл.)

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, Main GVC indicators by country, 1990 – 2018, URL: <https://worldmrio.com/unctadgvc/>; Population, total, Russia // World bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; GDP (current US\$) World bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate // Worldbank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF?end=2023&start=1990&view=chart>

Рассчитаем степень зависимости России от участия в международном разделении труда. Для этого используем Индекс зависимости, который показывает, насколько экономика страны зависит от трансфертов стоимости через неравный обмен в международной торговле. Он позволяет определить, является ли страна донором стоимости (страна, из которой уходит стоимость) или реципиентом стоимости (страна, в которую поступает стоимость) (см. уравнение 8)

$$DI_i = \frac{T_i^{\$}}{T_i^{\$} + GKF_i} \quad (8),$$

где:

DI_i — (dependency index) — индекс зависимости;

$T_i^{\$}$ — трансфер стоимости в долларах;

GKF_i — (gross capital formation) — валовое накопление капитала в долларах (состоит из затрат на приобретение основных средств экономики и чистого изменения запасов).

Индекс может принимать значения от -1 до 1 . Если $DI=1$, то внутренние инвестиции полностью обеспечены за счет эксплуатации других стран. Если $DI = 0,5$, то половина накопленного капитала в стране обеспечивается за счет неэквива-

лентного обмена. Если $DI = 0$, то страна не получает и не теряет стоимость через неравный обмен. Если $DI = -0.5$, то половина потенциального накопленного капитала страны уходит за границу. Если $DI = -1$, это означает, что вся стоимость, которая могла бы быть источником внутренних инвестиций, утрачивается в результате неравного обмена.

Таким образом, чем ближе DI к -1 , тем сильнее страна зависит от международной эксплуатации и теряет свою стоимость. Чем ближе DI к 1 , тем больше страна выигрывает от глобального перераспределения стоимости. Динамика показателя для России представлена на рис. 3.

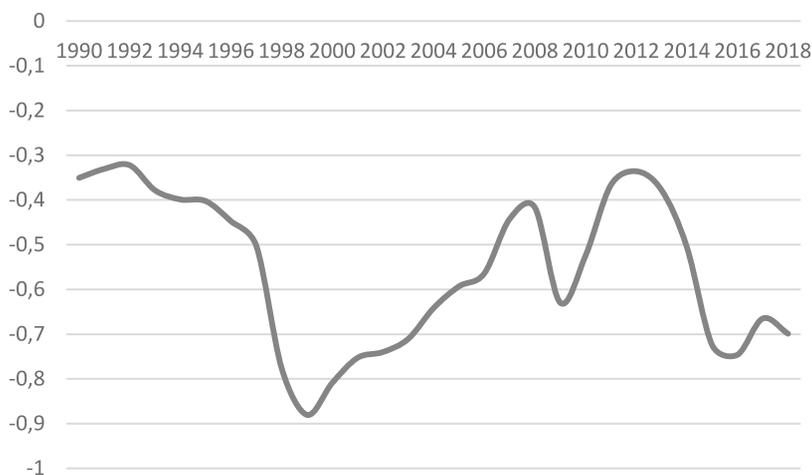

Рис. 3. Индекс экономической зависимости России

Источник: составлено автором на основании данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database, Main GVC indicators by country, 1990 – 2018, URL: <https://worldmrio.com/unctadgvc/>; Population, total, Russia // World bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; GDP (current US\$) World bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; Price level ratio of PPP conversion factor (GDP) to market exchange rate // Worldbank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/PA.NUS.PPPC.RF?end=2023&start=1990&view=chart>; Gross capital formation // Worldbank, <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.TOTL.ZS>

Наибольший уровень переданной стоимости относительно внутренних инвестиций пришелся на период кризиса 1998 г. В ходе посткризисного восстановления в 2000-е индекс зависимости достиг отметки $-0,33$, что позволило экономике России вернуться на уровень начала 90-х. Однако учрежденное против РФ санкции существенно усилили международную эксплуатацию экономики РФ.

Таким образом, данные вышеприведенных расчетов показывают значительное влияние западных санкций 2014 г. на экономику РФ в условиях существенной интеграции национальной экономики в мировой рынок. Отсутствие данных по объему переданной добавленной стоимости в экспорте за последующие годы не позволяет дать количественную оценку влияния новых санкций 2022 г. на экономическое развитие России. Однако, можно сделать следующие предположения.

Судя по динамике отклонение номинального курса рубля от ППС к доллару, показатель ERDI продолжил снижение. В 2018 г. равнялся 0,39, а в 2023 г. упал до 0,31. Поскольку этот индекс является ключевым определении направлении потока стоимости, можно утверждать, что экономика России сохранила неблагоприятные условия обмена с внешним миром, теряя стоимость в экспортно-импортных операциях.

Выйти из отношений неэквивалентного обмена, оставаясь в рамках капиталистической экономики и интеграции в мировой рынок невозможно. Однако для сокращения потерь стоимости в международной торговле, России необходимо в приоритетном порядке развивать высокотехнологичные отрасли, стимулировать инвестиции в микроэлектронику, биотех, роботизацию и иные технологии шестого технологического уклада. Эти меры позволят увеличить добавленную стоимость в экспорте, повысят производительность труда и, как следствие, инвестиционную привлекательность экономики РФ. Существование привлекательной альтернативы вывозу капитала из России будет способствовать укреплению рубля относительно ППС. Рост индекса ERDI приведет к сокращению потерь стоимости при международном обмене.

Список источников

1. Amin S. 2012. The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent . Monthly Review, 2012, Vol. 64, Issue 3, URL: <https://monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-and-the-imperialist-rent/> (дата обращения 20.03.2025).
2. Anand, S., and P. Segal. 2015. The global distribution of income. In Handbook of Income Distribution, vol. 2, eds. A. B. Atkinson and F. Bourguignon, 937–79. Amsterdam: Elsevier.
3. Baiman R. 2014. Unequal exchange and the rentier economy. Review of Radical Political Economics 46 (4): 536–57.
4. Bernal, R. L. 1980. Emmanuel's unequal exchange as a theory of underdevelopment. Social and Economic Studies 29 (4): 152–74.
5. Emmanuel, A. 1972. Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade. New York: Monthly Review Press, 376 p.
6. Erten, B. 2011. North–South terms-of-trade trends from 1960 to 2006. International Review of Applied Economics 25 (2): 171–84.
7. Fields, G. S. 2004. Dualism in the labor market: A perspective on the Lewis model after half a century. The Manchester School 72 (6): 724–35.
8. Goda, T., and A. T. Garcia. 2017. The rising tide of absolute global income inequality during 1850–2010: Is it driven by inequality within or between countries? Social Indicators Research 130 (3): 1051–72.
9. Houston, D., and E. Paus. 1987. The theory of unequal exchange: An indictment. Review of Radical Political Economics 19 (1): 90–97.
10. In Salari, Sottosviluppo e Imperialismo: Un Dibattito Sullo Scambio Ineguale, eds. E. Somaini, A. Emmanuel, L. Boggio, and M. Salvati, 3–50. Torino: Giulio Einaudi Editore.
11. Lenzen, M., Moran, D., Kanemoto, K., Geschke, A. 2013. Building Eora: A Global Multi-regional Input-Output Database at High Country and Sector Resolution. Economic Systems Research, 25:1, 20–49, DOI:10.1080/09535314.2013.769938.
12. Li, M. 2016. China and the Twenty-First-Century Crisis – Pluto Press, London. 99 p.
13. Liodakis, G. 1996. Terms of trade, international transfers of value and uneven development. Scientific Register of the University of Macedonia 12 (2): 360–84.
14. Marx K. 1993. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy – Penguin Classics, p. 872.
15. Milanovic, B. 2012. Global inequality: From class to location, from proletarians to migrants. Global Policy 3 (2): 125–34.

16. Ricci A. 2018. Unequal Exchange in the Age of Globalization. *Review of Radical Political Economics*, Volume 51, Issue 2, p. 11.
17. Ricci A. 2021. Value and unequal exchange in international trade. *The Geography of Global Capitalist Exploitation* – Routledge, 2021, p. 195.
18. Somaini, E. 1973. *Sulle differenze tra i livelli salariali in diversi paesi: Critica delle tesi di Arghiri Emmanuel*.
19. Toye, J. F. J., and R. Toye. 2003. The origins and interpretation of the Prebisch-Singer thesis. *History of Political Economy* 35 (3): 437–67.
20. Комолов, О. О. 2024. Неэквивалентный обмен как фактор воздействия на экономическое развитие России / О. О. Комолов. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2024. – № 4. – С. 47-64. – DOI 10.52180/2073-6487_2024_4_47_64. – EDN MWCTOV.
21. Леденева М.В. 2010., Валютный курс как фактор неэквивалентного обмена // *Финансы и кредит*, 47 (431) с. 45.
22. Маслов, Г. А. Научно-технический прогресс и советская экономическая мысль 1930-х годов / Г.А. Маслов // *Вопросы политической экономии*. – 2024. – № 4. – С. 95-115. – DOI 10.5281/zenodo.14509467. – EDN VQAZGX.
23. Степанова, Т. Д. 2024. Тенденции экономического развития после 2022 года: промышленность, наука, человеческий потенциал. *Российский экономический журнал*. 2024. № 5. С. 32-45. DOI 10.52210/0130-9757_2024_5_32 https://www.re-j.ru/archive/2024/5/article_885.

References

1. Amin S. 2012. The Surplus in Monopoly Capitalism and the Imperialist Rent . *Monthly Review*, 2012, Vol. 64, Issue 3, URL: <https://monthlyreview.org/2012/07/01/thesurplus-in-monopoly-capitalism-and-the-imperialist-rent/> (accessed 20.03.2025).
2. Anand, S., and P. Segal. 2015. The global distribution of income. In *Handbook of Income Distribution*, vol. 2, eds. A. B. Atkinson and F. Bourguignon, 937–79. Amsterdam: Elsevier.
3. Baiman R. 2014. Unequal exchange and the rentier economy. *Review of Radical Political Economics* 46 (4): 536–57.
4. Bernal, R. L. 1980. Emmanuel's unequal exchange as a theory of underdevelopment. *Social and Economic Studies* 29 (4): 152–74.
5. Emmanuel, A. 1972. *Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade*. New York: Monthly Review Press, 376 p.
6. Erten, B. 2011. North–South terms-of-trade trends from 1960 to 2006. *International Review of Applied Economics* 25 (2): 171–84.
7. Fields, G. S. 2004. Dualism in the labor market: A perspective on the Lewis model after half a century. *The Manchester School* 72 (6): 724–35.
8. Goda, T., and A. T. Garcia. 2017. The rising tide of absolute global income inequality during 1850–2010: Is it driven by inequality within or between countries? *Social Indicators Research* 130 (3): 1051–72.
9. Houston, D., and E. Paus. 1987. The theory of unequal exchange: An indictment. *Review of Radical Political Economics* 19 (1): 90–97.
10. In Salari, Sottosviluppo e Imperialismo: Un Dibattito Sullo Scambio Ineguale, eds. E. Somaini, A. Emmanuel, L. Boggio, and M. Salvati, 3–50. Torino: Giulio Einaudi Editore.
11. Komolov, O. O. 2024. Unequal exchange as a factor influencing the economic development of Russia / O. O. Komolov // *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. – 2024. – № 4. – С. 47-64. – DOI 10.52180/2073-6487_2024_4_47_64. – EDN MWCTOV.
12. Lenzen, M., Moran, D., Kanemoto, K., Geschke, A. 2013. Building Eora: A Global Multi-regional Input-Output Database at High Country and Sector Resolution. *Economic Systems Research*, 25:1, 20-49, DOI:10.1080/09535314.2013.769938.
12. Ledeneva M.V. 2010., Exchange rate as a factor of unequal exchange // *Finansy i kredit*, 47 (431) s.45.
13. Li, M. 2016. *China and the Twenty-First-Century Crisis* – Pluto Press, London. 99 p.
14. Liodakis, G. 1996. Terms of trade, international transfers of value and uneven development. *Scientific Register of the University of Macedonia* 12 (2): 360–84.
15. Marx K. 1993. *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy* – Penguin Classics, p. 872.

16. Maslov, G. A. 2024. Scientific and technological progress and Soviet economic thought of the 1930s / G. A. Maslov // *Voprosy politicheskij jekonomii*. – 2024. – № 4. – S. 95-115. – DOI 10.5281/zenodo.14509467. – EDN BQAZGX.
17. Milanovic, B. 2012. Global inequality: From class to location, from proletarians to migrants. *Global Policy* 3 (2): 125–34.
18. Ricci A. 2018. Unequal Exchange in the Age of Globalization. *Review of Radical Political Economics*, Volume 51, Issue 2, p.11.
19. Ricci A. 2021. Value and unequal exchange in international trade. *The Geography of Global Capitalist Exploitation* – Routledge, 2021, p. 195.
20. Somaini, E. 1973. Sulle differenze tra i livelli salariali in diversi paesi: Critica delle tesi di Arghiri Emmanuel.
21. Stepanova, T. D. 2024. . Tendencies of economic development after 2022: industry, science, human potential. *Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*. 2024. № 5. S. 32-45. DOI 10.52210/0130-9757_2024_5_32 https://www.re-j.ru/archive/2024/5/article_885.
22. Toye, J. F. J., and R. Toye. 2003. The origins and interpretation of the Prebisch-Singer thesis. *History of Political Economy* 35 (3): 437–67.

Информация об авторе

Комолов О.О. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Information about the author

Komolov O.O. – Cand. Sci.(Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Проблемы эффективности преференциальных режимов для поддержки бизнеса – основные институциональные риски

Problems of the efficiency of preferential regimes for business support – the main institutional risks

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 46–62.
Russian Economic Journal. 2025;(4):46–62.

Научная статья
УДК 330.341; 332.122
<https://doi.org/>

Макаров Андрей Владимирович,

Институт прикладных экономических исследований
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (ИПЭИ РАНХиГС),
Москва, Россия
makarov-av@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-2268-0011

Голубенко Ольга Игоревна,

Институт прикладных экономических исследований
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (ИПЭИ РАНХиГС),
Москва, Россия
golubenko-oi@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-4844-4263

Makarov Andrey V.,

*IPEI, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia
andreymakarovh@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2268-0011*

Golubenko Olga I.,

*IPEI, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia
golubenko-oi@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-4844-4263*

© Макаров А.В., Голубенко О.И., 2025

Аннотация. Институт преференциальных режимов (территорий с особыми условиями ведения бизнеса, с особым деловым климатом для предпринимателей) в последние десятилетия получает все большее развитие, как в международном опыте, так и в России. На данный институт возлагают большие надежды с точки зрения привлечения инвестиций, регионального развития и стимулирования инноваций. В России было создано много различных особых территорий с различными льготами и правилами работы инвесторов. Вместе с тем в статье показано, что недостаточно создать преференциальный режим, важно гарантировать его институциональную инклюзивность. Рассмотрено два ключевых направления. Во-первых, проблема инклюзивности преференциального режима с точки зрения работы компаний. Возникает сложная дискуссия о том, почему особые условия ведения бизнеса, льготы не могут быть распространены на всю территорию страны, возникает проблема не создания новых инвестиций, но перераспределения инвестиций в более льготные регионы. Показаны также сложности при отделении преференциального режима от офшорной практики, а также в связи с обеспечением допуска МСП к предлагаемым льготам. Второй важнейший аспект инклюзивности связан с обеспечением защиты прав местных жителей, для преференциальных режимов возникают проблемы противоречий между деловым климатом и общественным благосостоянием. Показано, что это затрагивает проблемы трудовых прав работников, увеличивает экологические риски. К сожалению, практика преференциальных режимов иногда приводит к существенному ограничению прав местного самоуправления, а также к деградации градостроительного законодательства и прав граждан на определение перспектив городского развития. В статье проведен сравнительный анализ основных преференциальных режимов в России в этом контексте, а также представлены рекомендации по решению проблем инклюзивности такого механизма развития, в том числе с учетом международного опыта.

Ключевые слова: преференциальный режим, особая экономическая зона, территория опережающего развития, Сколково, Сириус, местное самоуправление, градостроительное законодательство.

Благодарности: Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Макаров А.В., Голубенко О.И. Проблемы эффективности преференциальных режимов для поддержки бизнеса – основные институциональные риски // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 46–62. https://doi.org/_____.

Abstract. The institution of preferential regimes (territories with special conditions for investors, with a special business climate for entrepreneurs) has been increasingly developed in recent decades, both in international experience and in Russia. Traditionally this mechanism is used for attracting investment, regional development and stimulating innovations. Different special territories with various benefits and rules for investors have been created in Russia. At the same time, the article shows that it is not enough to create a preferential regime; it is important to guarantee its inclusiveness. Two problematic aspects are considered. First, the problem of inclusiveness of the preferential regime from the point of view of residents. Complex discussions arise: why special conditions for business and benefits cannot be extended to the entire territory of the country; the problem of

redistribution of investments to chosen regions. Difficulties in separating the preferential regime from offshore practice, as well as ensuring access of SMEs to the proposed benefits were also shown. The second important aspect of inclusiveness is related to ensuring protection of the rights of local residents. For preferential regimes, classic problems of contradictions between business climate and social welfare arise: the problems of workers' labor rights are discussed, environmental risks increase. Unfortunately, the practice of preferential regimes sometimes leads to a significant restriction of local democracy, to the degradation of urban planning legislation and the rights of citizens to determine the prospects of urban development. The article provides a comparative analysis of the main preferential regimes in Russia and provides recommendations for solving the problems of inclusiveness of this development mechanism, considering international experience.

Keywords: preferential regime, special economic zone, priority development area, Skolkovo, Sirius, local democracy, urban planning legislation.

Acknowledgements: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

For citation: Makarov A.V., Golubenko O.I. Problems of the efficiency of preferential regimes for business support – the main institutional risks. Russian Economic Journal. 2025;(4):46–62. (In Russ.). https://doi.org/_____.

Введение

Все большую роль в мире играют преференциальные режимы, то есть территории, в рамках которых предлагается создать комфортные условия для инвесторов для стимулирования социально-экономического, инновационного развития. Иногда речь может идти о небольшом снижении налогов, но иногда создаются новые институциональные условия, «государства в государствах». По оценкам (UNCTAD, 2019) с начала века к 2018 г. количество особых зон удвоилось до 5400 в 147 странах. Такие особые экономические зоны активно используются и в развивающихся странах, и в развитых, хотя и с разными целями, механизмами регулирования (Акимова, Земцов, 2022). Вопросу функционирования данного института посвящено достаточно много публикаций, часто обсуждаются льготы резидентов и их экономические результаты. В данной статье предлагается рассмотреть другой аспект — проблему влияния особых зон на общественное благосостояние, в том числе с точки зрения инклюзивности особого правового регулирования.

В экономической теории выделяют инклюзивные институты (Acemoglu, Robinson, 2012; Натхов, Полищук, 2017), которые предоставляют меры поддержки для всех членов общества, основанные на согласовании интересов, отсутствии дискриминации. Примером инклюзивных институтов являются гарантии прав собственности (Радыгин, Энтов, 2005). Инклюзивным институтам традиционно противостоят институты экстрактивные, которые ориентированы на извлечение ренты элитами, на перераспределение богатства, для таких институтов дискриминация становится важным признаком. Для преференциальных режимов также актуальны проблемы сочетания инклюзивности и экстрактивности правового регулирования.

Преференциальные режимы в России

В России было создано много префрежимов с разными институциональными условиями, для визуального представления можно обратиться к карте¹ Счетной палаты (с. 13). Широкое распространение получили Особые экономические зоны (ОЭЗ), действующие на основании Федерального закона № 116-ФЗ. Отдельное регулирование было предложено для ОЭЗ Магаданской области (Федеральный закон № 104-ФЗ), ОЭЗ Калининградской области (Федеральный закон № 16-ФЗ). В рамках Федерального закона № 473-ФЗ были созданы территории опережающего развития (ТОР, ранее ТОСЭР), во многом ориентированные на развитие городов Дальнего Востока и моногородов, часть северных территорий вошли в префрежим Арктической зоны Российской Федерации, дальневосточные прибрежные территории вошли в юрисдикцию Свободного порта Владивосток (СПВ), в Крыму и Севастополе созданы Специальные экономические зоны (СЭЗ). Данная карта не учитывала еще ряд преференциальных режимов — федеральную территорию «Сириус», центр «Сколково», Международный медицинский кластер, технопарки, создаваемые в рамках Федерального закона № 488-ФЗ, а также ряд иных территорий с особым правовым статусом. Помимо этого, в России широко применяются и иные механизмы поддержки, не привязанные к конкретной территории, например СПИК (Специальный инвестиционный контракт). Данные режимы существенно отличаются друг от друга с точки зрения предлагаемых условий ведения деятельности для резидентов.

Приведем пример для ТОР. К основным льготам этого режима можно отнести:

- налог на прибыль может быть снижен на пять лет до 0–5%;
- муниципалитеты предлагают льготный налог на землю в пределах 0–1,5% на 3–5 лет;
- налог на имущество организаций по ставке 0–0,3% первые пять лет;
- единый социальный налог был снижен с 30 до 7,6% на 10 лет, на 12 лет вне ДФО.

Подробный разбор механизмов участия в каждом преференциальном режиме выходит за рамки данной статьи. Кратко отметим некоторые важные аспекты. Во-первых, ряд префрежимов в основном сводятся к механизму предоставления налоговых и схожих льгот (пример — ОЭЗ в Магаданской области), в то время как другие предлагают формат «государства в государстве» со значительными особенностями законодательства (Сколково, Сириус). Отметим, что в международной практике нередко функции по управлению префрежимом передаются частному бизнесу, в том числе иностранному, в надежде, что это сможет решить старые проблемы традиционного управления. Можно привести пример зоны занятости и экономического развития (ZEDEs²) в Гондурасе, к частным лицам перешли функции по развитию образования, инфраструктуры, судебные и контролирующую

¹ Бюллетень Счетной палаты. URL: <https://leontief-centre.ru/upload/news/Бюллетень%20№2%202022%20«Преференциальные%20режимы».pdf> (дата обращения 20.09.2024).

² В Гондурасе появится частный город для стартапов и удаленщиков. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/424729-v-gondurase-poyavitsya-chastnyy-gorod-dlya-startapov-i-udalenshchikov> (дата обращения 20.09.2024).

шие полномочия. В ОЭЗ Дубая³ было введено английское право с точки зрения гарантий защиты прав собственности, при этом и бюрократические органы было предложено формировать из иностранных специалистов. В России же активное привлечение иностранных специалистов было предложено для Сколково. Но для ОЭЗ было оговорено существенное ограничение, иностранный инвестор не может владеть более 25% акций управляющей компании (УК), УК в России были созданы именно как подконтрольные государству организации. При этом законодательство в этой сфере в России является очень динамичным, в принятые законы многократно вносились правки, и в настоящее время продолжаются процессы реформирования. Создаются новые ОЭЗ, в Государственной думе были приняты в первом чтении законопроекты 518787-8 и 518779-8, (предлагается ввести новый формат префрежима, который называется Международные территории опережающего развития), обсуждалась также идея создания единого преференциального режима на территории Дальнего Востока. Значительные планы по реформированию системы префрежимов требуют дополнительного учета возникающих рисков и проблем.

Проблемы инклюзивности при поддержке резидентов

Проблема тиражирования регулирования. Почему особый режим регулирования не может быть распространен на всю территорию страны? Этот вопрос проще разрешить, если речь идет про обычные налоговые, таможенные льготы. В таком случае предоставление льгот в национальном масштабе будет подрывать сбалансированность государственного бюджета. Но намного сложнее разрешить вопрос с общими институциональными условиями. Например, федеральный закон о территории инновационного центра «Сколково» разрешил резидентам не использовать отдельные нормы (в области технического, санитарно-эпидемиологического регулирования, противопожарной безопасности и т.д.), позволил ориентироваться на международные стандарты, в частности на нормы ОЭСР. В таком случае возникает фундаментальный вопрос: если действительно конкретные нормы, например ОЭСР, можно считать более эффективными, накладывающими меньшие ограничения на деятельность субъектов, то насколько целесообразно ограничить подобные исключения только контуром конкретной зоны?

Рекомендации: могут быть использованы налоговые, таможенные льготы для отдельных стратегических или депрессивных территорий. Вместе с тем не нужно создавать многочисленные «государства в государстве», префрежимы должны сохраняться в едином российском правовом поле, при этом возможно заимствование наиболее эффективных образцов правового регулирования (например, норм ОЭСР) для снижения издержек фирм на всей территории страны, что позволит сохранить конкуренцию участников в одинаковых рыночных условиях.

Перераспределение инвестиций и честная конкуренция. Фундаментальная проблема связана с тем, что меняются условия конкуренции между регионами

³ Особое право для особых зон. URL: <https://legal.report/osoboe-pravo-dlya-osobyh-zon/> (дата обращения 20.09.2024).

за привлечение инвестиций. Поэтому, например, в ЕС сформировалось достаточно настороженное отношение к префрежимам, в Греции, Италии, Словакии, Словении такие зоны даже не были созданы (Котов, 2023). Страны постарались при развитии института учесть эту проблему, важным способом стало ориентирование режима именно на иностранных инвесторов и на создание с их помощью экспортной продукции. В таком случае решается проблема сохранения внутренней честной конкуренции, когда инвестиции не перераспределяются между регионами страны с целью экономии на налогообложении. Например, (Богуславский, 2004) даже определял свободную экономическую зону как обособленную территорию, где созданы специальные условия именно для функционирования зарубежных юридических лиц.

С этой проблемой столкнулись, например, в Великобритании, когда там проводилась оценка результатов работы зон, созданных для возрождения деловой активности на территории бывших промышленных территорий (Акимова, Земцов, 2022). Компании в таких зонах получили существенные льготы (на землю, на недвижимость, подоходные налоги). Это помогло создать более 125 тыс. рабочих мест, но в большой степени произошло просто перераспределение деловой активности — 40% рабочих мест сгенерировали предприятия, которые осуществили перерегистрацию ради получения льгот. В России также отмечалась эта проблема еще с периода создания первых зон в 90-ые гг., отмечалось, что вместо создания благоприятных условий для нового бизнеса зоны приводили к перерегистрации компаний из соседних регионов, росли налоговые потери, в том числе с учетом этих опасений президент Б.Н. Ельцин наложил вето на закон о специальных зонах в 1997 г. (Ковалева, 2018).

С другой стороны, можно привести пример Свободной экономической зоны Махан в Южной Корее, которая обеспечивала на определенном этапе более 90% экспорта электроники страны. Она стала символом южнокорейского экономического чуда во многом благодаря тому, что была ориентирована именно на иностранные инвестиции, лишь на поздних этапах был разрешен допуск южнокорейских компаний.

В Казахстане был сделан акцент на привлечение зарубежных инвесторов в особые зоны, поэтому, когда в рамках мониторинга было обнаружено, что доля внешних инвестиций в ОЭЗ составила незначительный процент (менее 9%), то это было воспринято как один из проблемных признаков⁴. Для России это стало актуальной проблемой, в мониторинге Счетной палаты (2022) было отмечено, что доля иностранных инвестиций в капитале компаний префрежимов в среднем не превышала 0,2%, то есть режимы фактически не справлялись с задачей привлечения иностранных инвестиций. Хотя и сложились примеры достаточно масштабного привлечения зарубежных инвесторов (ОЭЗ «Алабуга»), однако доминирование отечественных инвестиций могло негативно сказаться на развитии иных территорий (в которых префрежим не был создан) за счет оттока капитала.

Рекомендации: налоговые и иные льготы должны быть в первую очередь предоставлены для новых, иностранных инвестиций, особенно при ориентации продукции на экспорт, но льготы должны быть минимизированы при перерегистрации существующего бизнеса из других регионов.

⁴ Государственный аудит эффективности деятельности специальных экономических зон. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/esep/documents/details/218950?lang=ru> (дата обращения 20.09.2024).

Риски офшорной практики. Возникает достаточно тонкая грань между особой экономической зоной и офшорной практикой, главной задачей которой становится помощь компании в уходе от налогов. Так, по оценкам ОЭСР общие потери налоговых сборов в международной практике могли составлять 100–240 млрд долл. в год (4–10% налогов на прибыль организаций)⁵. Как отмечал N. Shaxson⁶ налоговые убежища могли лишать правительства 500–600 млрд долл. налоговых поступлений от корпораций в год, при этом частные лица могли хранить в офшорах до 36 триллионов долл.

Можно привести пример подхода ОЭСР⁷ — те зоны, для которых характерны проблемы непрозрачности (в том числе гибкий подход к применению законов и правил), оторванности от экономики юрисдикции, отсутствие четких ставок налогообложения и дополнительные опции их индивидуального уменьшения, подозрительно низкие ставки налогов для движимого имущества признаются близкими к офшорным практикам, для таких территорий рекомендуется ужесточение регулирования.

До недавнего времени налоговые льготы на территориях особых экономических зон не подвергались активному международному регулированию. Однако в последние десятилетия был создан режим стандартов «мягкого права» и мер ЕС (Heitmüller, Mosquera, 2021). План действий по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и выводом прибыли из-под налогообложения (BEPS Action Plan), разработанный ОЭСР, и Кодекс поведения Европейского союза по налогообложению предприятий оказали ощутимое влияние на особые экономические зоны. Например, они способствовали изменению режима особых экономических зон в девяти странах Латинской Америки и Карибского бассейна в целях соответствия международным стандартам. В рамках BEPS (BEPS Inclusive Framework) с 2019 г. дискуссии о вопросах текущей политики проводились по двум направлениям: распределения прав на налогообложение доходов от цифровых услуг между странами и предложение Глобальной борьбы с размыванием налогооблагаемой базы (GloBE), которое касается введения глобального минимального налога, который может оказать важное влияние на корпоративные налоговые льготы в ОЭЗ.

Рекомендации: такого рода налоговые потери сами по себе не означают, что деятельность префрежимов рекомендуется к запрету. Но важнейшей задачей становится попытка отделить префрежимы, стимулирующие развитие, от офшорных практик, для чего могут быть использованы оговоренные международные подходы. Другое дело, что могут существовать различные цели офшорной политики — государство может не считать важными опасения в связи с потерями других стран, если это способствует повышению национальной конкурентоспособности.

МСП. Дискуссии заслуживают пороги участия в преференциальных режимах, чтобы позитивные возможности были доступны для не только для крупных участников, но и для субъектов МСП, найти оптимальный баланс является сложной задачей. На-

⁵ International collaboration to end tax avoidance. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/> (дата обращения 20.09.2024).

⁶ The billions attracted by tax havens do harm to sending and receiving nations alike. URL: <https://www.imf.org/Publications/fandd/issues/2019/09/tackling-global-tax-havens-shaxon> (дата обращения 20.09.2024).

⁷ Harmful tax competition. An Emerging Global Issue. URL: <https://www.oecd.org/ctp/harmful/1904176.pdf> (дата обращения 20.09.2024).

пример, в исследовании (Кутелева и др., 2020) были выделены следующие проблемы при развитии СПВ. С одной стороны, проявилась недоступность для малого бизнеса Зон таможенного контроля (ЗТК), где можно использовать беспошлинно иностранные товары, создать зону стоило 10–50 млн руб., а совместное использование формально было разрешено, но реально механизм был недоступен. С другой стороны, легкий барьер входа для резидентов СПВ мог иметь и отрицательные последствия (слабые и даже авантюрные проекты и возможные неправомерные действия, точечная застройка при получении земли без торгов и т.д.). В российской практике сложились очень разные барьеры входа. Например, для Арктической зоны капитальные вложения должны были превышать 1 млн руб., для СЭЗ в Крыму и Севастополе капвложения должны составлять не менее 6 млн руб. для МСП, для иных компаний — 60 млн руб., в ОЭЗ в Калининградской области требуются капитальные вложения не менее 150 млн руб. в обычном случае, для ряда видов деятельности — 50 млн руб., в сфере здравоохранения — 10 млн руб., в информационных технологиях — 1 млн руб.

Рекомендации: дискуссия о роли МСП в особых зонах требует комплексного подхода, требования не должны быть запретительными для МСП, особенно с точки зрения поддержки местных жителей в депрессивных территориях, они должны стимулировать постепенное расширение работы таких фирм благодаря префрежиму.

Проблема инклюзивности префрежима для местных жителей

Возникает схожая проблема, как при оценке вопросов делового климата, например, когда речь идет про рейтинг делового климата Doing Business (Макаров, Пономарев, 2022). Улучшение делового климата не обязательно означает выигрыши общества и местных жителей.

Защита трудовых прав. Очевидным примером является либерализация трудового законодательства. Если резидент особой зоны получает права на легкое увольнение работников, снижаются иные обязательства, то это может существенно подорвать социальные гарантии для населения. Риски возникают, если речь идет не про привлечение высококвалифицированных работников, иностранных профессоров, а про низкоквалифицированную рабочую силу. В таком случае льготы резидентов могут превратиться уже и в риски для безопасности. Например, в префрежимах Южной Кореи (Акимова, Земцов, 2022) были предусмотрены послабления для резидентов с точки зрения защиты социальных прав работников, были отменены требования о найме лиц из уязвимых социальных категорий, а также либерализованы вопросы отпусков и т.д. Таким образом, благоприятный инвестиционный климат для резидентов вступает в противоречие с защитой социальных прав.

В России к позитивной практике вероятно можно отнести тот факт, что для TOP предусмотрен механизм Наблюдательного Совета, который в том числе определяет долю иностранных работников у резидентов, согласно статье 6 закона в совет включаются в том числе представители профсоюзов работников, объединений работодателей. Происходит процесс общественного обсуждения привлечения иностранных работников для защиты прав местных жителей. Согласно статье 351.5 Трудового кодекса российские граждане получили приоритет перед иностранными, а в моногородах доля иностранных работников была ограничена 25%. Вместе с тем, напри-

мер, (Сиднева, 2022) предлагала ввести подобную квоту и в других ТОР и проработать разрешения только для высококвалифицированных иностранных работников, чтобы гарантировать нацеленность префрежимов на повышение уровня жизни именно местных жителей. Аналогичный механизм с Наблюдательным советом предусмотрен для СПВ, формируется и Общественный совет, другой вопрос, насколько на самом деле субъектны и эффективны такие органы (Авдеев, 2019).

Рекомендации: префрежим должен обеспечивать полную защиту трудовых прав местных жителей, включая ограничения иностранной рабочей силы, за исключением необходимых высококвалифицированных специалистов.

Защита МСУ и градостроительного законодательства. Либерализация в сфере строительства традиционно считается мерой развития делового климата, но на практике льготы для резидентов (упрощение разрешительных процедур, изъятие земли в их интересах) могут означать серьезное ущемление прав местных жителей, в том числе с точки зрения прав на собственность, на комфортную городскую среду, на участие в жизни города. Развитие системы префрежимов может усиливать деградацию градостроительных институтов. Например, для ТОР предполагается изъятие земли для инфраструктурного развития без публичных слушаний, возникает проблема непрозрачности расчета компенсаций, которые выплачивает УК. Насколько оправданно изымать землю у отечественных собственников в пользу иностранных инвесторов? В результате создание префрежимов вызывало недовольство местных жителей⁸, которые не хотели включения их территорий в ТОР, опасаясь изъятия земли, нежелательной застройки, ухудшения экологии и т.д.

Возникает и более широкий вопрос о том, каким образом преференциальный режим учитывает проблему разграничения полномочий властей, в какой мере его создание влияет на местное самоуправление, закрепленное в статье 130 Конституции, согласно которой *Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью*.

Если происходит передача полномочий управляющей компании (УК) в сферах образования, здравоохранения, транспорта и т.д., то каким образом гарантировать обратную связь со стороны местных жителей? Если речь идет про обычный муниципалитет, то местные жители теоретически могут отреагировать на негативную динамику в сфере государственных услуг на очередных выборах, но УК префрежима является неподотчетной для них. В таблице 1 кратко обобщены особенности правового регулирования особых территорий в России.

⁸ См. примеры «Как медом намазано»: почему инвесторы идут в Невинномысскую ТОР. URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/kak-medom-namazano-pochemu-investory-idut-v-nevinno-965846> (дата обращения 20.09.2024).

Жители бурятского Аршана не хотят в ТОР: почему крупный инвестпроект встревожил население? URL: <http://regcomment.ru/main/zhiteli-buryatskogo-arshana-ne-hotyat-v-tor-pochemu-kрупnyj-investproekt-vstrevozhil-naselenie/> (дата обращения 20.09.2024).

«Вольные» Кангалассы протестуют против ТОР. [Эл. ресурс]. URL: <https://yakutia.info/article/169152>

Протест жителей Верхней Салды остановил строительство кремниевого завода. URL:

https://ural.octagon.media/politika/protest_zhitelej_verhnej_saldy_ostanovil_stroitelstvo_kremnievogo_zavoda.html (дата обращения 20.09.2024).

Таблица 1. Некоторые особенности правового регулирования префрежимов в России (2024)

Префрежим	Особенности разграничения полномочий	Особенности градостроительного законодательства
<p>ОЭЗ в рамках стандартного регулирования (116-ФЗ от 22 июля 2005 г.)</p>	<p>Решение о создании принимает Правительство. Заявку на создание зоны отправляет регион совместно с муниципалитетом. Управляет зоной УК или уполномоченный орган региона, на практике созданы АО и ООО. Учет резидентов ведет ФОИВ, который имеет и ряд иных полномочий</p>	<p>Виды разрешенного использования земли определяет федеральный орган исполнительной власти по документации по планировке территории (подготовленной регионом). Но в СКФО оговорено, что планировку территории определяет федеральный орган без учета прежней документации и публичных слушаний</p>
<p>ОЭЗ в Магаданской области (104-ФЗ от 31 мая 1999 г.)</p>	<p>Управление зоной возлагается на уполномоченный орган исполнительной власти Магаданской области. Руководитель ОЭЗ назначается Магаданской областной Думой по представлению региональных властей</p>	<p>Стандартное градостроительное регулирование</p>
<p>ОЭЗ в Калининградской области (16-ФЗ от 10 января 2006 г.)</p>	<p>Администрация ОЭЗ управляется региональными властями. Глава Администрации назначается губернатором Калининградской области. Предусмотрена передача полномочий Российской Федерации по поддержке резидентов в пользу региональных властей. Вводится субвенция, которая привязана к достигнутым результатам. Уполномоченный ФОИВ может выдать правительству Калининградской области предписание об устранении выявленных нарушений в работе по поддержке резидентов. ФОИВ может выдать представление об увольнении руководства органов, которым были переданы полномочия</p>	<p>Ориентирован на стандартное градостроительное регулирование</p>
<p>ТОР (473-ФЗ от 29 декабря 2014 г.)</p>	<p>ТОР создаются по решению правительства, по предложению уполномоченного федерального органа с учетом согласования региона и муниципалитета. ТОР в моногородах в основном подконтрольны Минэкономразвития, но в ДФО Минвостокразвития управляет через АО КРДВ (Корпорация развития Дальнего Востока). Принимается постановление Правительства, которое определяет перечень видов деятельности, минимальный объем капитальных вложений, применяется или нет на данной территории свободная таможенная зона. На УК возлагается существенный функционал сферы ответственности органов МСУ</p>	<p>Федеральный орган получает полномочия по обеспечению зоны инфраструктурой, в том числе с точки зрения выдачи разрешений на строительство, ввод объектов в эксплуатацию, утверждения документации по планировке территории, согласования документов территориального планирования муниципалитетов. Документация по планировке территории опережающего развития подготавливается управляющей компанией или резидентами, утверждается без публичных слушаний, Подготовка и утверждение документации по планировке ТОР допускаются при отсутствии документов территориального планирования, ВРИ определяются исходя из планировки территории</p>

Префрежим	Особенности разграничения полномочий	Особенности градостроительного законодательства
Зоны территориального развития (392-ФЗ от 3 декабря 2011 г.)	Субъект РФ определяет меры господдержки, а также какую инфраструктуру необходимо построить. Заявка на создание зоны отправляется при согласовании исполнительных и представительных органов муниципалитета	Передача федеральной земли в региональное использование. Ориентирован на стандартное градостроительное регулирование
АЗРФ (93-ФЗ от 13 июля 2020 г.)	Минвостокразвития управляет через АО КРДВ (Корпорация развития Дальнего Востока). Правительство решает, какие виды деятельности требуют мер поддержки, федеральный орган строит инфраструктуру. Региональные и местные власти могут предусматривать льготы	В рамках зоны слушания по проектам планировок проходят 10–40 дней, по условно разрешенным ВРИ и по отклонению от градостроительных регламентов не более 15 дней, а для территорий реализации инвестиционных проектов проект планировки готовит федеральный орган без учета публичных слушаний и муниципальных ПЗЗ
СПВ (212-ФЗ от 13 июля 2015 г.)	Минвостокразвития управляет СПВ через АО КРДВ (Корпорация развития Дальнего Востока)	Небольшие сроки публичных слушаний по ППТ (10–40 дней), условно разрешенным ВРИ, отклонению от предельных параметров (до 15 дней) Небольшие сроки разрешения на строительство и ввода объектов капитального строительства
СЭЗ Крыма и Севастополя (377-ФЗ от 29 ноября 2014 г.)	Управление зоной осуществляют региональные власти, уполномоченный ФОИВ – Минстрой, производит оценку эффективности. В экспертные советы входят по два представителя от ФОИВ и региональных властей, иные региональные или муниципальные чиновники	Подготовка документации по планировке территории происходит за счет собственных средств резидента на основании решения региона. Затем утверждает проект регион без публичных слушаний. Отсутствуют традиционные градостроительные регламенты для объектов
Сириус (437-ФЗ от 22 декабря 2020 г.)	Создан особый формат федеральной территории, формат государства в государстве, совет «Сириуса» формируется сроком на пять лет в составе 17 членов, из которых только девять избираются местными жителями, шесть назначаются федеральным центром (Президентом и Правительством), один регионом	Федеральная территория получила автономию в определении особенностей градостроительного законодательства, как и в ряде иных сфер. Генплан, ПЗЗ, иные документы утверждаются Советом. Публичные слушания проходят согласно Решению Совета от 29.09.2022 № 1-15/107. Проводятся именно слушания, очное собрание в удобное время, срок – 21 день
Сколково (244-ФЗ от 28 сентября 2010 г.)	Преференциальный режим управляется во многом именно Управляющей компанией (УК) Сколково, Сколково управляется ВЭБ.РФ, начинается большее участие Правительства Москвы	Генплан и ПЗЗ не должны были согласовываться с местными и региональными властями, не рассматривались на публичных слушаниях

Префрежим	Особенности разграничения полномочий	Особенности градостроительного законодательства
Международный медицинский кластер (160-ФЗ от 29 июня 2015 г.)	Специальный фонд для управления кластером создается Москвой, Правительство Москвы создает органы управления, в том числе назначает директора	Проект планировки утверждается правительством Москвы, может быть разработан на основе норм страны ОЭСР, разрабатывается УК без публичных слушаний
Технопарки (488-ФЗ от 31 декабря 2014 г.)	Федеральное регулирование, правительство утверждает меры стимулирования. Регионы могут предлагать дополнительные требования для реализации каждого проекта и дополнительные меры поддержки	Ориентирован на стандартное градостроительное регулирование. Размещаются с учетом стратегии пространственного развития и схем территориального планирования субъектов

Источник: составлено авторами

К сожалению, в ряде режимов идеология делового климата превращается в апологию существенного ограничения прав граждан на участие в местных градостроительных вопросах, происходит отмена публичных слушаний, игнорируются местные документы территориального планирования, которые должны готовиться органами местного самоуправления на инклюзивной основе — с учетом интересов местных жителей и собственников. Наиболее явно это видно для Сколково, Международного медицинского кластера, территорий ТОР и Арктической зоны, ОЭЗ в СКФО. Стандартное градостроительное регулирование сохраняется в старых уникальных ОЭЗ (Магадан, Калининград), для зон территориального развития (которые так и не были созданы), к позитивным примерам можно отнести также законодательство о технопарках, где даже подчеркивается, что они размещаются с учетом стратегии пространственного развития и схем территориального планирования, что сохраняет стратегическое планирование, а значит и возможности учета в нем интересов заинтересованных лиц. Интересен и опыт Сириуса, с одной стороны, к позитивным аспектам можно отнести сохранение именно очных публичных слушаний в удобное время (по выходным, вечером), при том что в России все чаще слушания переводят в онлайн-формат, что может затруднять живое общение жителей и местной администрации. С другой стороны, негативный аспект отмечается в сроках слушаний (21 день), так ранее в России слушания по Генплану проходили в срок 1–3 месяца, чтобы дать жителям время на знакомство с документами и на выработку замечаний и предложений.

К сожалению, инклюзивность в градостроительной сфере оказалась в тяжелом положении за последние годы, федеральное законодательство меняло правила публичных слушаний, которые фактически позволяли игнорировать мнение жителей (Макаров, 2022). Начиная с 2022 г. в законодательстве появилась возможность отмены градостроительных публичных слушаний в «исключительных» случаях по инициативе региона под предлогом особого регулирования в рамках антикризисного ФЗ (закон 58-ФЗ от 14 марта 2022 г.). Однако некоторые регионы воспользовались этой нормой максимально расширительно — в Москве или Саратовской области под предлогом исключительных случаев публичные слушания временно отменили вообще по любым

градостроительным вопросам (Генеральные планы, Правила землепользования и застройки, проекты планировок), в Петербурге для крупных инвестиций. Печальная логика отмены прав граждан на участие в градостроительной политике под предлогом делового климата применялась и ранее (до 58-ФЗ), а именно нередко как раз в контексте преференциальных режимов.

С точки зрения разграничения полномочий таблица показывает, что институциональный дизайн существенно различается. Многие префрежимы предусмотрены именно как федеральная инициатива, и федеральные органы власти играют первоочередную роль, это во многом справедливо для ТОР, для Арктической зоны и СПВ. Особые экономические зоны в большей мере развиваются как региональный инструмент развития, хотя и здесь возможна специфика регулирования, для ОЭЗ Калининградской области предусмотрена в некотором смысле большая целевая поддержка со стороны центра, но это приводит и к большему федеральному контролю.

В целом возникает большой вопрос о сохранении принципов местного самоуправления в ситуации создания префрежима и механизмах учета общественного мнения при оценке работы УК. Обзор показал крайне невысокую роль законодательной (представительной) власти: в Магаданской ОЭЗ была предложена уникальная конструкция, когда руководитель зоны утверждается Магаданской областной думой, для зон территориального развития было предусмотрено участие представительных органов муниципалитета в создании. Эта ситуация может иметь негативные последствия, преференциальные режимы требуют независимой оценки их эффективности (с учетом проблем расходования бюджетных средств, защиты прав местных жителей).

Рекомендации: УК префрежима не должна подменять органы местного самоуправления. Важной задачей становится отмена ограничений на публичные слушания и на учет мнения жителей, как в рамках 58-ФЗ, так и в рамках законодательства о префрежимах. Региональные и муниципальные депутаты могли бы выступить некоторой независимой инстанцией для оценки результатов работы преференциального режима. В этом смысле можно рекомендовать распространить логику правовой конструкции Магаданской области по распределению полномочий с участием депутатского корпуса на иные преференциальные режимы в России.

Защита экологии. В рамках улучшения делового климата в преференциальном режиме возникает существенный соблазн пойти по пути снятия экологических ограничений. Хотя есть и примеры осторожного отношения, например, при обновлении системы префрежимов в Великобритании условия были ужесточены, в том числе в сфере экологии. Примечателен опыт Южной Кореи, где недостаточное внимание вопросам экологии сказалось крайне негативно на экосистемах. Например, создание первого и наиболее крупного промышленного комплекса в городе Ульсан привело к серьезному загрязнению воздуха и воды, что сделало город одним из самых непригодных мест для жизни в стране (Global Green Growth Institute, 2017). Воздух стал настолько токсичным, что несколько школ были вынуждены переехать или закрыться

из-за негативного воздействия на здоровье⁹, запах загрязненных рек вызывал недомогание. Такая же ситуация повторялась во многих промышленных городах с 1970-х по 1990-е гг., а компании и промышленные зоны подвергались все более жесткому общественному контролю и критике в отношении воздействия на окружающую среду и здоровье населения. Так, правительство Кореи стало вводить более жесткие правила экологической безопасности. В 90-е гг. было принято законодательство, которое пересматривало основы национальной промышленной экологической политики.

В 2003 г. Корейский национальный центр экологически чистого производства разработал программу национальных эко-индустриальных парков. Внедрение более чистого производства и концепции промышленного симбиоза позволило сократить выбросы углекислого газа на 6,48 млн т и других токсичных газов на 1,09 млн т в период 2005–2014 гг. (Global Green Growth Institute, 2017).

В зарубежной практике получают распространение особые зоны экологической направленности, экологические ОЭЗ характеризуются внедрением мер по контролю загрязнений и соблюдению экологических норм (контроль загрязнения воздуха, централизованная очистка сточных вод, сбор опасных отходов) (Синенко, 2018). Внедряются нормы экологического менеджмента 14001:2015 Международной системы стандартизации (ИСО).

В России префрежимы также нередко ассоциируются с экологической либерализацией, в том числе предлагаются упрощенные варианты экологической экспертизы (например, сокращение сроков зафиксировано в рамках закона об ОЭЗ Калининградской области), вырубки лесного фонда и т.д.

К позитивной идее стоит отнести регулирование для Арктической зоны. Коренные народы Севера получили ряд механизмов учета их интересов. Так, был создан Общественный совет, задачами которого стали защита коренных малочисленных народов и экологии, в совет входят представители НКО в соответствии со статьей 9 закона. Создан Стандарт резидента с точки зрения ответственности во взаимодействии с коренными народами, ежегодно федеральный орган публикует отчет про ответственность резидентов.

Рекомендации: безусловное соблюдение всех экологических требований в особых зонах. Использование как минимум таких механизмов контроля, как Общественный совет АЗРФ в других территориях. В числе рекомендаций стоит учесть международный опыт стимулирования «зеленых» инвестиций посредством предоставления дополнительных налоговых льгот компаниям, внедряющим экологически чистые технологии, а также создание специальных преференциальных режимов, ориентированных на развитие возобновляемой энергетики, переработку отходов и снижение углеродного следа. Также важным аспектом является усиление экологического мониторинга и контроля в зонах с преференциальными режимами, привлечение общественности и экологических организаций к мониторингу и оценке экологических последствий.

⁹ Han, Sam-gun. «Memories of the city, the old future of Ulsan (26): Air pollution from industrial complexes choked students and teachers nearby (in Korean)». Kyeongsang Ilbo, July 06, 2015. URL: <http://www.ksilbo.co.kr/news/articleView.html?idxno=507062> (дата обращения 20.09.2024).

Заключение

В России сложился масштабный опыт создания преференциальных режимов, которые значительно отличаются друг от друга, как с точки зрения мер налогового стимулирования, так и с точки зрения институциональных условий. Дифференциация режимов делает все более актуальной проблему анализа их эффективности. В перспективе можно рекомендовать сближение правового регулирования, чтобы наилучшие практики могли быть распространены на альтернативные зоны.

В рамках развития преференциальных режимов нужно аккуратно подходить к оценкам эффективности такого института, не ограничиваясь количественным анализом результатов (созданные рабочие места, прибыли и т.д.). Существуют риски, что эти результаты связаны не с созданием, но с перераспределением внутренних инвестиций, когда префрежим превращается в офшорную систему, разрушающую принцип честной конкуренции. В этой связи важной представляется рекомендация о концентрации префрежимов именно на иностранных инвестициях и экспортной продукции. Дискуссии заслуживают и пороги участия в преференциальных режимах, чтобы позитивные возможности были доступны для субъектов МСП.

Фундаментальным направлением должно быть повышение инклюзивности регулирования, чтобы оно не могло использоваться в ущерб местным жителям. Законодательство нередко складывается таким образом, что особые зоны в той или иной мере означают эрозию местного самоуправления и прав жителей на защиту комфортной городской среды (отмена публичных слушаний по градостроительным вопросам, игнорирование документов территориального планирования, упрощенные механизмы экологической экспертизы, вырубki лесного фонда, передача полномочий в сфере образования, здравоохранения и т.д. неподотчетной местным жителям управляющей компании). Риски возникают и с точки зрения либерализации трудового законодательства в префрежиге. В этом смысле представляется важным отметить, что либерализация работы резидентов префрежиге не должна происходить за счет ущемления базовых прав местных жителей. Преференциальные режимы должны предоставлять налоговые и иные льготы резидентам, однако они не могут становиться предлогом упразднения местного самоуправления. В особых зонах жители должны сохранять все базовые права — от выборов МСУ и публичных слушаний по градостроительным вопросам до защиты местной экологии, лесного фонда. Помимо непосредственно общественного контроля можно рекомендовать идти по пути создания общественных советов (по примеру логики закона об Арктической зоне) для защиты интересов жителей, мониторинга работы резидентов, в том числе с точки зрения недопущения градостроительных нарушений. Другим механизмом может стать увеличение роли советов депутатов для согласования интересов резидентов и местных жителей, повышения эффективности расходования государственных средств.

Список источников

1. Авдеев Ю. «Свободный порт Владивосток – за и против» // ЭКО. 2019. № 47(2). С. 5–26. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-2-5-26.
2. Акимова В., Земцов С.П. Преференциальные режимы в странах мира: истории успеха. Москва: РАНХиГС при Президенте России, 2022. 49 с.
3. Богуславский М.М. Международное частное право. Москва: Юрист, 2004. 462 с.
4. Ковалева Г. СЭЗ: терять или приобретать? А может быть, последовать опыту соседей? // ЭКО. 2018. № 44. С. 124–141. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2014-6-124-141.
5. Котов А.В. Особенности регулирования преференциальных территориальных режимов в странах ЕС // Современная Европа. 2023. № 1. С. 100–112.
6. Кутелева А.В., Сальникова П.О., Чернилевкая К.Е., Шевчук Е. И. Свободный порт Владивосток: Вызовы и решения: аналитический доклад. Москва, ФМЭИМП НИУ ВШЭ, 2020. 36 с.
7. Макаров А. В. Новации градостроительного законодательства – между инклюзивными и экстрактивными институтами // ЭКО. 2022. № 2. С. 93–114. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-93-114.
8. Макаров А. В., Пономарев Ю. Ю. Международные рейтинги – друзья и враги в системе стратегического планирования // ЭКО. 2022. № 7. С. 146–168. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-146-168.
9. Натхов Т., Полищук Л. Политэкономика институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Москва: Институт экономики, 2017. 56 с.
10. Радыгин А., Энтов Р. Институциональные компоненты экономического роста // Вопросы экономики. 2005. № 11. С. 14–38. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-11-14-38.
11. Сиднева А.М. Правовое регулирование осуществления предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2022. 198 с.
12. Синенко О.А. Регулирование экологических аспектов в особых экономических зонах // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2018. № 2. С. 128–136. DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2018-2/128-136>.
13. Acemoglu D., Robinson J. Why nations fail. The origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business, 2012. 544 с.
14. Heitmüller F., Mosquera I. Special economic zones facing the challenges of international taxation: BEPS Action 5, EU Code of Conduct, and the future. Journal of International Economic Law. 2021; 2: 473–490. DOI: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgab019>.
15. Global Green Growth Institute. Case study greening industrial parks – a case study on South Korea's Eco-industrial park program. Seoul, 2017. 22 p. 1 UNCTAD. World Investment Report 2019: Special economic zones. New York, USA, 2019. 237 p.

References

1. Avdeev Yu. Free port of Vladivostok – pros and cons. ECO. 2019; 47(2): 5–26. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-2-5-26.
2. Akimova V.V., Zemtsov S.P. Preferential policies around the world: success stories. Moscow: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 2022. 49 p. (In Russ.).
3. Boguslavsky M.M. International private law. Moscow: Jurist, 2004. 462 p. (In Russ.).
4. Kovaleva G. SEZ: to lose or to gain? Or maybe follow the experience of our neighbors? ECO. 2018; 44: 124–141. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2014-6-124-141.
5. Kotov A. V. Regulation of preferential territorial regimes in the EU countries. Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa. 2023; 1: 100–12. (In Russ.).
6. Kuteleva A.V., Salnikova P.O., Chernilevkaya K.E., Shevchuk E.I. Free port of Vladivostok: Challenges and solutions: analytical report. Moscow, FMJeiMP NIU VShE, 2020. 36 p. (In Russ.).
7. Makarov A.V. Innovations in urban planning legislation – between inclusive and extractive institutions. ECO. 2022; 2: 93–114. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-93-11.
8. Makarov, A.V., Ponomarev, Yu.Yu. International rankings – friends and foes in the system of strategic planning. ECO. 2022; 7: 146–168. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-146-168.

9. Natkhov T., Polishchuk L. Political economy of institutions and development: the importance of being inclusive. Moscow, Publ. Institut Ehkonomiki RAN, 2012. 56 p. (In Russ.).
10. Radygin A., Entov R. Institutional components of economic growth. *Voprosy Ekonomiki*. 2005; 11: 14-38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2005-11-14-38>.
11. Sidneva, A.M. Legal regulation of business activities in territories of Advanced Special Economic Zones. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2022. 198 p. (In Russ.).
12. Sinenko O.A. Regulation of environmental aspects in special economic zones. *FEFU News. Economics and Management*. 2018; 2: 128-136. (In Russ.). DOI: <https://dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2018-2/128-136>.
13. Acemoglu D., Robinson J. *Why nations fail. The origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Business, 2012. 544 p.
14. Heitmüller F., Mosquera I. Special economic zones facing the challenges of international taxation: BEPS Action 5, EU Code of Conduct, and the future. *Journal of International Economic Law*. 2021; 2: 473–490. DOI: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgab019>.
15. Global Green Growth Institute. *Case study greening industrial parks – a case study on South Korea's Eco-industrial park program*. Seoul, 2017. 22 p.
16. UNCTAD. *World Investment Report 2019: Special economic zones*. New York, USA, 2019. 237 p.

Информация об авторах

Макаров А.В. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИПЭИ РАНХиГС), Москва, Россия.

Голубенко О.И. – младший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИПЭИ РАНХиГС), Москва, Россия.

Information about the authors

Makarov A.V. – Cand. Sci. (Econ.), senior researcher of Centre of Spatial Analysis and Regional Diagnostics of the IPEI, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Golubenko O.I. – researcher of Centre of Spatial Analysis and Regional Diagnostics of the IPEI, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 29.07.2025.

**О развитии нового технологического уклада
в экономике России в сравнении с передовыми
странами**

***On the development of a new technological structure
in the Russian economy in comparison with advanced
countries***

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 63–85.

Russian Economic Journal. 2025;(4):63–85.

Научная статья

УДК 330

<https://doi.org/>

Глазьев Сергей Юрьевич,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6745-7265

Косакян Давид Леванович,
Научный центр евразийской интеграции,
Москва, Россия
kosakyandavit@mail.ru

Glazyev Sergey Yu.,
Moscow State University,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6745-7265

Kosakyan David L.,
Scientific Center for Eurasian Integration,
Moscow, Russia
[*kosakyandavit@mail.ru*](mailto:kosakyandavit@mail.ru)

Аннотация. Развитие мировой экономики определяется происходящей в настоящее время сменой технологических укладов. Этот процесс, начавшийся с мирового финансового кризиса в 2008–2010 гг., сейчас завершается. Страны, в которых к настоящему времени созданы базовые производства нового технологического уклада (НТУ), выходят на восходящую фазу – очередную длинную волну Кондратьева [1], вырываются в технологические лидеры и формируют новый центр мировой экономики. Для отстающих стран закрывается «окно возможностей» для совершения технологического скачка в экономическом развитии. Не успев создать базовые производства нового технологического уклада, они обречены догонять лидеров, расплачиваясь за технологическое отставание дешевизной труда и природной рентой [2].

Важнейшим вопросом стратегического планирования является оценка уровня развития НТУ в российской экономике и разработка мер по стимулированию роста его базовых производств. Они основаны на комплексе нано-, биоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных и цифровых технологий [3]. В настоящей статье представлены результаты измерений уровня развития НТУ в российской экономике в сравнении с передовыми странами.

Ключевые слова: новый технологический уклад, НТУ, волны Кондратьева, экономика России.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (Проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Глазьев С.Ю., Косакян Д.Л. О развитии нового технологического уклада в экономике России в сравнении с передовыми странами // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 63–85. <https://doi.org/>_____.

Abstract. The development of the global economy is determined by the current shift in technological patterns. This process, which began with the global financial crisis in 2008–2010, is now coming to an end. The countries in which the basic production facilities of the new technological order (NTU) have been established by now are entering the ascending phase of the next long wave of Kondratiev [1], breaking into technological leaders and forming a new center of the world economy. A «window of opportunity» is closing for lagging countries to make a technological leap in economic development. Having failed to create basic production facilities of a new technological order, they are doomed to catch up with the leaders, paying for the technological gap with cheap labor and natural rents [2]. The most important issue of strategic planning is the assessment of the level of development of NTU in the Russian economy and the development of measures to stimulate the growth of its basic industries. They are based on a complex of nano-, bioengineering, information and communication, additive and digital technologies [3]. This article presents the results of measurements of the level of NTU development in the Russian economy in comparison with advanced countries.

Keywords: new technological order, NTU, Kondratiev waves, Russian economy.

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00535 «The struggle for a new World Order and the intensification of destabilization processes in the World System»).

For citation: Glazyev S.Yu., Kosakyan D.L. On the development of a new technological structure in the Russian economy in comparison with advanced countries. *Russian Economic Journal*. 2025;(4):63–85. (In Russ.). <https://doi.org/>_____.

Исходя из имеющихся представлений о составе базовых технологий НТУ [4], подобраны 149 показателей¹ динамики рынков их распространения в ведущих странах (Приложение). В источнике данных они выражены в долларах США по состоянию на 2024 г. с прогнозом на среднесрочный период. Авторами рассчитаны логистические кривые их жизненного цикла, по которым проведен расчет динамики их распространения, начиная с 2010 г. Ниже представлены графики некоторых из этих показателей, отражающих динамику роста производств и сфер деятельности, характерных для НТУ, в мировом масштабе.

Ключевое положение в структуре НТУ занимают нанотехнологии, распространение которых создает основу для базовых производств НТУ: наночипов и нанопроцессоров, новых материалов с заранее заданными свойствами, солнечных батарей и др. На рисунке 1² отражена динамика роста мирового производства наноматериалов, углеродных нанотрубок и создаваемых на основе наноматериалов графеновых батарей. На графиках видно их вхождение в фазу экспоненциального роста с конца прошлого десятилетия, которая продолжится до конца текущего — середины следующего десятилетия. Это отражает зрелость соответствующих технологических траекторий. Прокладывающие их технологические лидеры будут

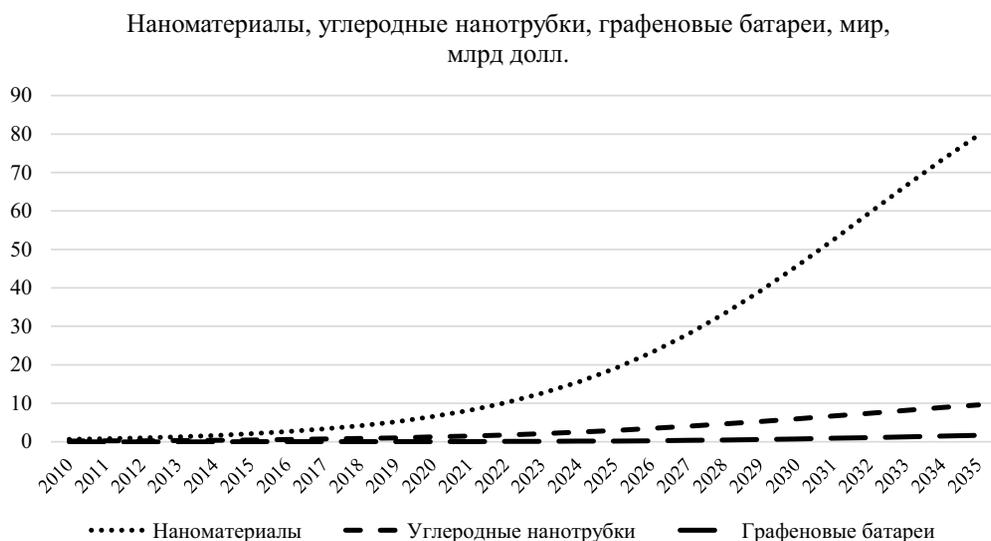

Рис. 1. Наноматериалы, углеродные нанотрубки, графеновые батареи

¹ Межстрановые сравнения выполнены по данным компании, занимающейся статистическими и маркетинговыми исследованиями: <https://www.statista.com/>.

² Здесь и далее данные по мировым рынкам приведены по данным компании, занимающейся статистическими и маркетинговыми исследованиями: <https://www.precedenceresearch.com/>.

наращивать свои преимущества, а отстающим странам придется оплачивать их сверхприбыли посредством неэквивалентного экономического обмена.

Нанотехнологии формируют основу НТУ, на которой происходит становление совокупностей технологически сопряженных производств основных видов продукции. На рисунке 2 приводятся показатели роста производства полупроводниковых приборов: графические процессоры (текущая аппаратная основа ускоренного роста ИИ), датчики интернета вещей, чипы для дополненной/виртуальной реальности (AR/VR) и оптические трансиверы для 5G (ускорение передачи данных в сети).

Рис. 2. Графические процессоры, датчики интернета вещей, чипы AR/VR, оптические трансиверы 5G

Рост базовых производств НТУ поддерживается нарастающим спросом со стороны потребляющих отраслей, которые являются носителями НТУ, прежде всего — образования, науки и управления (искусственный интеллект, включая машинное обучение) и обрабатывающей промышленности (компьютерное зрение и роботы с ИИ) (рис. 3).

Хорошо видно вхождение совокупностей технологически сопряженных производств НТУ в фазу роста в текущем десятилетии, как и всей сферы искусственного интеллекта. Возникла положительная обратная связь между нанотехнологиями и использующими их производствами товаров конечного потребления, которая генерирует новую длинную волну роста экономики. Происходит быстрое становление новых совокупностей технологически сопряженных производств, дополняющих воспроизводственный контур НТУ, который становится целостным ядром современной экономики.

Рост НТУ сопровождается созданием соответствующего его возможностям нового типа общественного потребления, замыкающего его воспроизводственный контур. Важным сегментом нового типа общественного потребления является умный дом. Другим характерным элементом нового типа общественного потре-

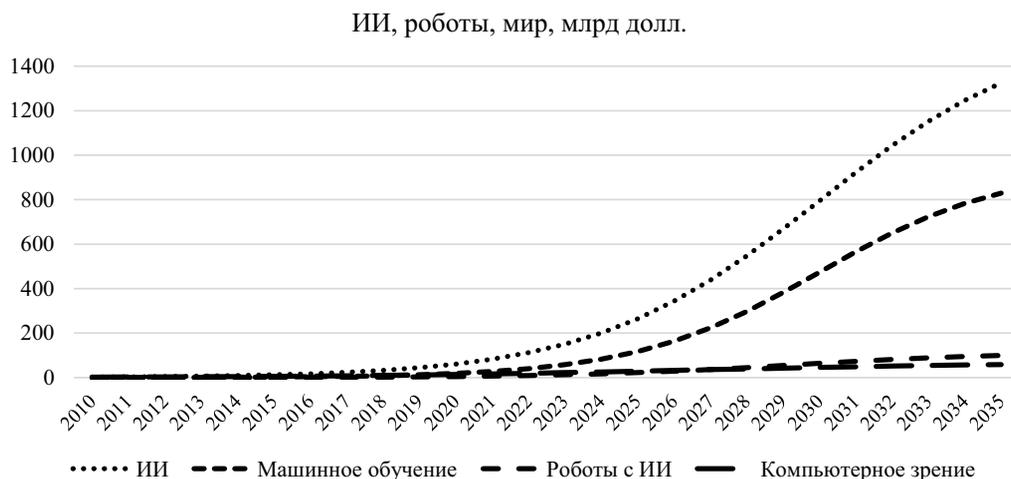

Рис. 3. ИИ, машинное обучение, роботы с ИИ, компьютерное зрение

бления, соответствующего НТУ, являются умные носимые устройства, которые включают умные часы, фитнес-трекеры, умные очки, предназначенные для отслеживания показателей здоровья, обеспечения связи, облегчения решения повседневных задач.

Рост НТУ сопровождается глубокой модернизацией всех отраслей экономики. Технологическая революция охватывает ранее сложившиеся отрасли, обеспечивая повышение их эффективности. На рисунке 4 показан рост производства новых поколений общераспространенных электротехнических устройств, дополняющих воспроизводственный контур НТУ.

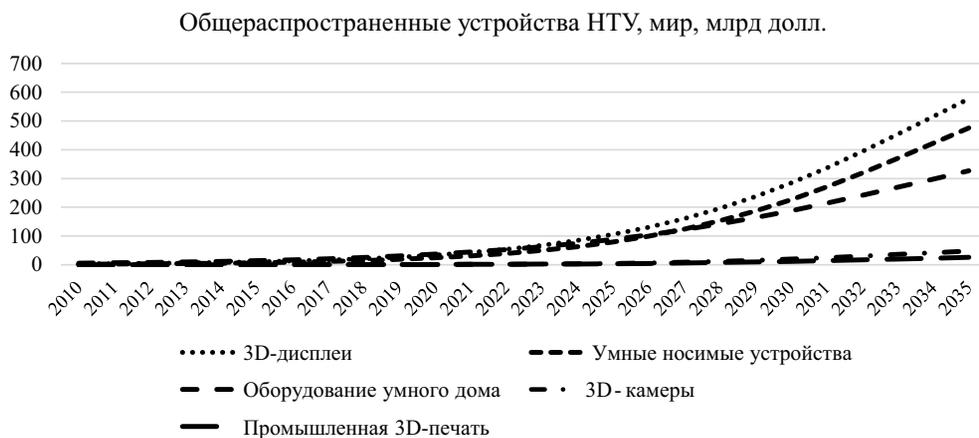

Рис. 4. Общераспространенные устройства НТУ

Расширение применения нанотехнологий подхватывается биоинженерными и клеточными технологиями, которые входят в фазу роста с середины текущего десятилетия, включая секвенирование ДНК нового поколения и регенеративную медицину.

Это открывает возможности для увеличения продолжительности жизни и становления таких новых видов деятельности, как производство биофармпрепаратов и персонализированная медицина, обеспечивающих повышение эффективности здравоохранения, которое становится самым большим сектором экономики.

Высокотехнологичная медицина, мир, млрд долл.

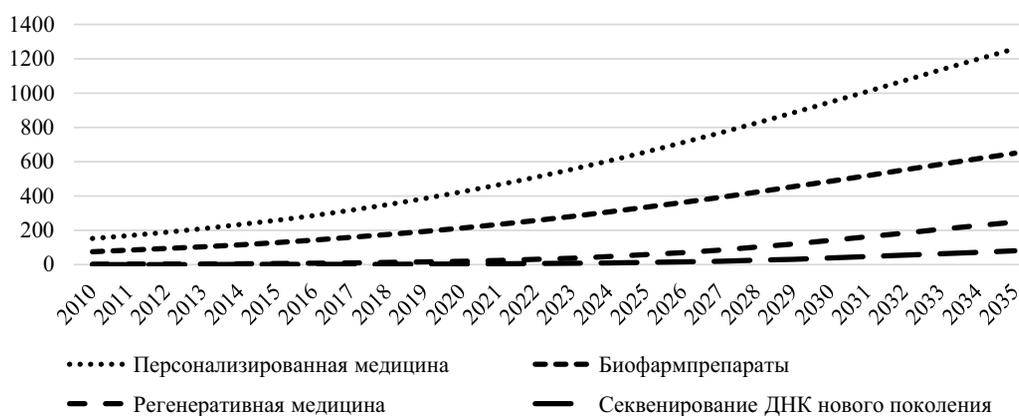

Рис. 5. Высокотехнологичная медицина

Рост базовых производств НТУ сопровождается появлением новых источников энергии — начинается бурный рост солнечной и ветровой электрогенерации (рис. 6), за счет которого происходит прирост общего энергопотребления. Распространение связанной с НТУ технологической революции на энергетику — самую капиталоемкую отрасль экономики — свидетельствует о том, что его рост приобрел устойчивый и долговременный характер.

В перспективе ожидается вовлечение в хозяйственный оборот водорода как энергоносителя. Это произойдет после модернизации на основе НТУ сферы недропользования, включая разработку технологий добычи и транспортировки природного водорода [5]. Таким образом завершится связанный со сменой технологических укладов двухсотлетний процесс вовлечения в хозяйственный оборот первичных энергоносителей со все меньшей долей углерода и большей долей водорода: от угля к нефти, затем к природному газу и, наконец, к природному водороду. Это, однако, потребует революции в науках о Земле — признания теории гидридной Земли Ларина [6].

Отражением развития транспортного сектора является рост производства беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

Исходные показатели распространения НТУ в мировом масштабе свидетельствуют о его вхождении в фазу роста. Великая стагнация, охватившая ведущие

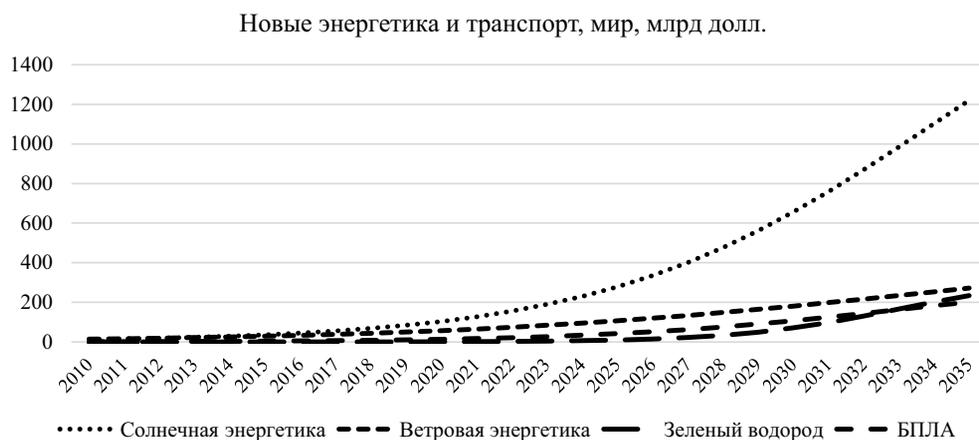

Рис. 6. Новые энергетика и транспорт

страны мира после мирового финансового кризиса 2008 г., завершается — рост базовых производств НТУ обеспечивает технологическую революцию, сопровождающуюся резким повышением эффективности экономики и расширением спектра производимых товаров и услуг, формированием нового типа общественного потребления. Это создает предпосылки для преодоления стагнации и перехода к устойчивому экономическому росту. В этой фазе страны, первыми создавшие базовые производства НТУ, наращивают свои преимущества в генерировании интеллектуальной ренты и вырываются в мировые лидеры на новой длинной волне Кондратьева.

Обратимся к данным на микроуровне с целью выявления стран размещения базовых производств НТУ. На основе анализа данных фондовых рынков о ведущих компаниях-производителях товаров и услуг, которые авторы относят к базовым для НТУ, ниже выделены крупнейшие из них по рыночной капитализации.

В области производства графических микропроцессоров, являющихся аппаратной основой взрывного роста технологий ИИ, включая технологии генеративного ИИ, глобальным лидером является компания NVIDIA Corporation (США) с рыночной капитализацией 2,88 трлн долл. (третья в мировом рейтинге капитализации всех компаний по состоянию на конец января 2025 г.). В области производства иных наночипов и микропроцессоров лидерами являются: Broadcom Inc. (США, 938,31 млрд долл.)³, Taiwan Semiconductor Manufacturing (Тайвань, 897,79 млрд долл.), ASML Holding (Нидерланды, 285 млрд долл.), Qualcomm Incorporated (США, 187,53 млрд долл.), Advanced Micro Devices, Inc. (США, 184,37 млрд долл.), Arm Holdings plc (Великобритания, 170,81 млрд долл.) и Texas Instruments (США, 170,16 млрд долл.). Также имеются многочисленные растущие компании из Китая (Semiconductor Manufacturing INTL Co — 58,62 млрд долл., Cambricon Technologies

³ В скобках указаны страны базирования материнских компаний и их рыночная капитализация по состоянию на 18.01.2025.

Corporation Limited — 35,32 млрд долл., Sungrow Power supp — 20,77 млрд долл. и др.), а также ряд компаний из других стран (Южная Корея, SK Hynix — 105,77 млрд долл.; Нидерланды, NXP Semiconductors N.V. — 54,27 млрд долл.; Германия — Infineon Tech.AG NA O.N. — 46,45 млрд долл.; Ирландия, TE Connectivity plc — 44,54 млрд долл.).

Среди компаний с основным видом деятельности «телекоммуникации» можно назвать следующие, часть из которых также занимаются производством полупроводниковых приборов: T-Mobile US (США, 257,94 млрд долл.), Samsung Electronics (Южная Корея, 248,26 млрд долл.), Cisco Systems, Inc. (США, 235,86 млрд долл.), China Mobile Ltd. (Гонконг, 212,1 млрд долл.), AT&T Inc. (США, 173,71 млрд долл.), Verizon Communications Inc. (США, 171,16 млрд долл.), DT.Telekom AG NA (Германия, 153,1 млрд долл.), Comcast Corporation (США, 146,56 млрд долл.), Xiaomi Corporation (Китай, 118,63 млрд долл.), Bharti Airtel Ltd. (Индия, 108,54 млрд долл.), SoftBank Group Corp (Япония, 98,98 млрд долл.), China Telecom Corporation (Китай, 82,74 млрд долл.), Nippon Tel & Tel Corp (Япония, 82,37 млрд долл.), Motorola Solutions (США, 79 млрд долл.), далее идут компании из остальных стран, включая из перечисленных, меньших размеров.

В области биотехнологий лидируют следующие компании: Amgen Inc. (США, 152 млрд долл.), Gilead Sciences, Inc. (США, 119,21 млрд долл.), CSL Limited (Австралия, 83,1 млрд долл.), Samsung Biologics (Южная Корея, 53,85 млрд долл.), Lonza N (Швейцария, 46,95 млрд долл.), BioNTech SE (Германия, 28,32 млрд долл.), Celltrion (Япония, 26,45 млрд долл.), Illumina Inc. (США, 21,76 млрд долл.), Summit Therapeutics Inc. (США, 17,12 млрд долл.), Moderna, Inc. (США, 15,98 млрд долл.), Alteogen INC. (Южная Корея, 13,43 млрд долл.), Bio-Techne Corp (США, 12,1 млрд долл.), Beijing Wantai Biological Pharmacy Enterprise Co., Ltd. (Китай, 11,95 млрд долл.), BioMarin Pharmaceutical Inc. (США, 11,71 млрд долл.), далее идут компании из США, Китая, и, в меньшей степени, из других стран.

В области программного обеспечения лидируют следующие компании: Microsoft Corporation (США, 3,23 трлн долл.), Alphabet Inc. (США, 2,38 трлн долл.), Meta Platforms, Inc. (США, 1,65 трлн долл.), Tencent Holdings Limited (Китай, 456,14 млрд долл.), Oracle Corporation (США, 440,44 млрд долл.), Netflix, Inc. (США, 414,64 млрд долл.), Salesforce, Inc. (США, 335,33 млрд долл.), SAP SE O.N. (Германия, 322,72 млрд долл.), ServiceNow, Inc. (США, 234,85 млрд долл.), далее идут, в основном, компании из США с единичными компаниями в списке самых крупных компаний мира из других стран.

Из приведенного выше обзора следует отнести к передовым в освоении базовых производств НТУ следующие страны: США, Китай (включая Тайвань), Южная Корея, Великобритания, Япония, Германия, Нидерланды. За исключением последней, эти страны ниже используются в качестве образцов для оценки уровня и темпов роста НТУ в России. Для большей полноты этой оценки в расчеты включены также данные по Франции, обладающей диверсифицированной экономикой, и Индией, формирующей с Китаем новый мирохозяйственный уклад.

Таким образом, для оценки уровня и темпов развития НТУ в России исходные показатели взяты по девяти странам: США, КНР (без Тайваня), Великобритания, Франция, Индия, Япония, Германия, Южная Корея и сама Россия. Данные

по каждой стране обработаны методом главных компонент, первая из которых отражает общий тренд распространения производств и сфер деятельности НТУ. На нее приходится 91,93–99,78% дисперсии исходных показателей (табл. 1), что позволяет ее интерпретировать как обобщенную характеристику развития НТУ. Поскольку расчеты главных компонент проводились по каждой стране отдельно, их совмещение на одном графике (рис. 7–12; данные объясненной дисперсии — строки 1–18 табл. 1) отражает темпы распространения НТУ в соответствующих странах.

Таблица 1. Объясненная дисперсия исходных 149 (с цифровыми финансами и торговлей) и 141 (без цифровых финансов и торговли) технологических показателей по отдельным странам и группе из девяти ведущих стран

		I главная компонента	II главная компонента	III главная компонента
1	США (149)	0,985546	0,014305	0,000145
2	США (141)	0,962396	0,036449	0,001097
3	Китай (149)	0,997810	0,002176	0,000013
4	Китай (141)	0,964652	0,034545	0,000792
5	Россия (149)	0,969323	0,030583	0,000094
6	Россия (141)	0,996258	0,003723	0,000019
7	Великобритания (149)	0,979487	0,020490	0,000022
8	Великобритания (141)	0,975332	0,024300	0,000360
9	Германия (149)	0,919255	0,080457	0,000285
10	Германия (141)	0,968566	0,030966	0,000462
11	Южная Корея (149)	0,991545	0,008441	0,000014
12	Южная Корея (141)	0,983722	0,015998	0,000278
13	Япония (149)	0,983142	0,016626	0,000232
14	Япония (141)	0,962659	0,036804	0,000529
15	Индия (149)	0,990973	0,008965	0,000062
16	Индия (141)	0,987218	0,012665	0,000115
17	Франция (149)	0,955325	0,044634	0,000041
18	Франция (141)	0,975823	0,023786	0,000387
19	Вышеуказанные девять стран (149), для пересчета страновых факторных нагрузок	0,986293	0,013648	0,000059
20	Вышеуказанные девять стран (141), для пересчета страновых факторных нагрузок	0,964834	0,034619	0,000519

На рисунке 7 представлена динамика первой главной компоненты по указанным странам по абсолютным показателям с учетом цифровых финансов и торговли.

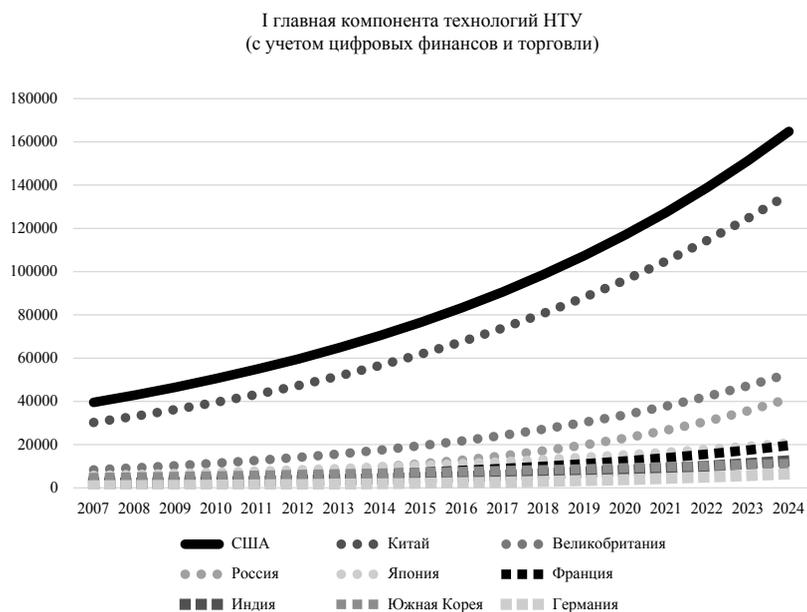

Рис. 7. I главная компонента по абсолютным показателям (с цифровыми финансами и торговлей)

Обобщение 149 показателей роста НТУ в ведущих странах мира и России по первым главным компонентам (рис. 7) позволяет сделать следующие выводы:

- Во всех ведущих странах мира наблюдается устойчивый рост НТУ, что свидетельствует о начале восходящей фазы новой длинной волны Кондратьева. «Оседлавшие» ее страны — лидеры НТУ вырываются вперед по темпам экономического роста.
- Технологическое лидерство захватили и удерживают с большим отрывом от других стран США и КНР.
- Разрыв между двумя технологическими лидерами и остальными странами по темпам роста НТУ увеличивается, что говорит о формировании нового биполярного центра развития мировой экономики.
- Россия и Британия составляют второй эшелон распространения НТУ, заметно превосходя по темпам роста применения его базовых технологий другие страны.

Исходные показатели распространения НТУ включают характеристики как сферы производства, так и сферы потребления и обращения. Чтобы измерить развитие ядра НТУ, необходимо ограничиться только показателями производственной сферы и непосредственно связанными с ней технологиями и видами деятельности НТУ. Для этого из общего перечня исходных показателей исключены восемь показателей, относящихся к сфере финансов и торговли. Построенная по оставшемуся 141 показателю первая главная компонента (рис. 8) существенно меняет картину для России и Великобритании, которые почти «сливаются» с другими странами, существенно отстающими от США и КНР.

Полученные результаты свидетельствуют о неразвитости ядра НТУ в российской экономике по сравнению с лидирующими США и КНР, в то время как сфера об-

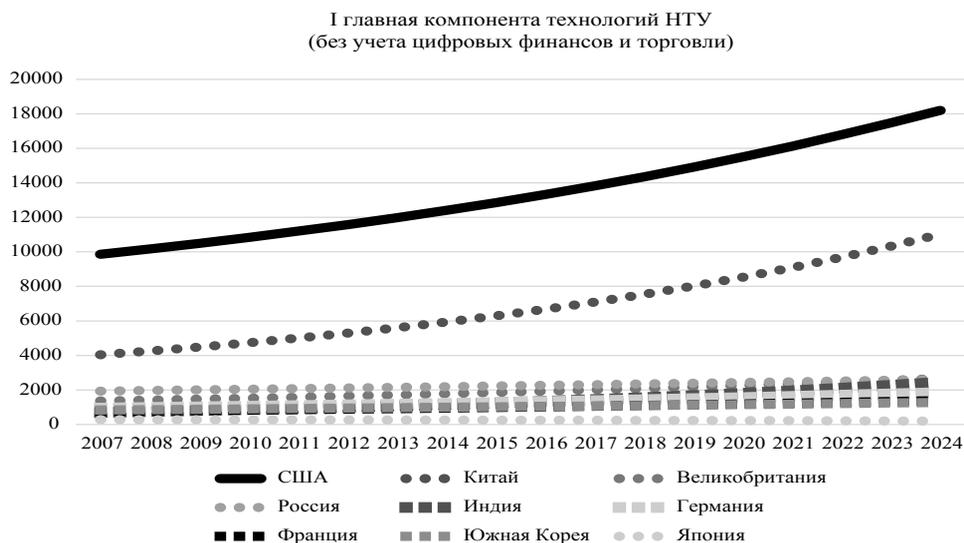

Рис. 8. I главная компонента по абсолютным показателям (без цифровых финансов и торговли)

ращения и потребления достаточно быстро насыщается технологиями и продуктами НТУ. Россия на два порядка отстает от ведущих стран мира по количеству промышленных роботов (Южная Корея — 1012 роботов на 10 тыс. сотрудников, Сингапур — 730, Германия — 415, а Россия — 11), но находится среди лидеров по финансовым технологиям (входит в тройку лидеров, наряду с США и Британией, по объему транзакций в необанкинге по оценочным данным⁴: одним из факторов может быть интенсивность спекулятивных трансграничных потоков капиталов, непропорциональных экономической целесообразности для ВВП России).

Измерения, результаты которых приведены выше, проводились по абсолютным стоимостным показателям локальных валют, приведенным к долларам США по официальным обменным курсам национальных валют. Они отражают темп роста абсолютного объема производств НТУ в соответствующей стране. Для сопоставимости стран с точки зрения скорости распространения НТУ в их социальном пространстве произведен пересчет исходных показателей на душу населения⁵ (рис. 9–12).

Темп роста НТУ в расчете на душу населения по странам ожидаемо отличается от его абсолютного объема, измеренного ранее. КНР в силу огромного населения переместилась на предпоследнее место рядом со столь же населенной Индией, а на первое место с существенным отрывом вышла Британия. Россия переместилась на третье место, соседствуя с Францией и существенно опережая другие страны. Этот эффект, однако, исчезает при исключении показателей сферы обращения (финансов и торговли) из состава исходных показателей (рис. 10).

⁴ Оценки компании: <https://www.statista.com/>.

⁵ Население указанных стран: по данным Всемирного банка (ВБ).

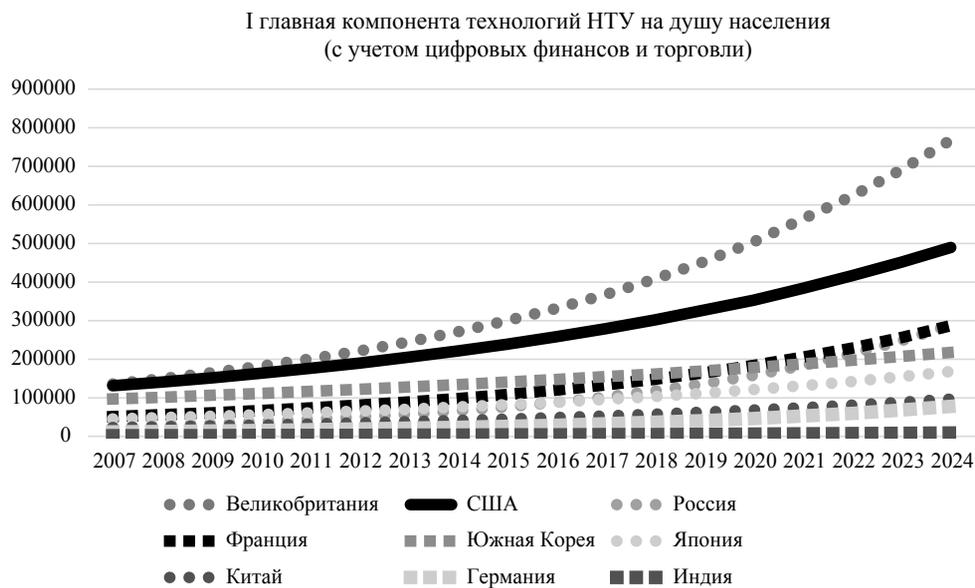

Рис. 9. I главная компонента на душу населения (с цифровыми финансами и торговлей)

Рис. 10. I главная компонента на душу населения (без цифровых финансов и торговли)

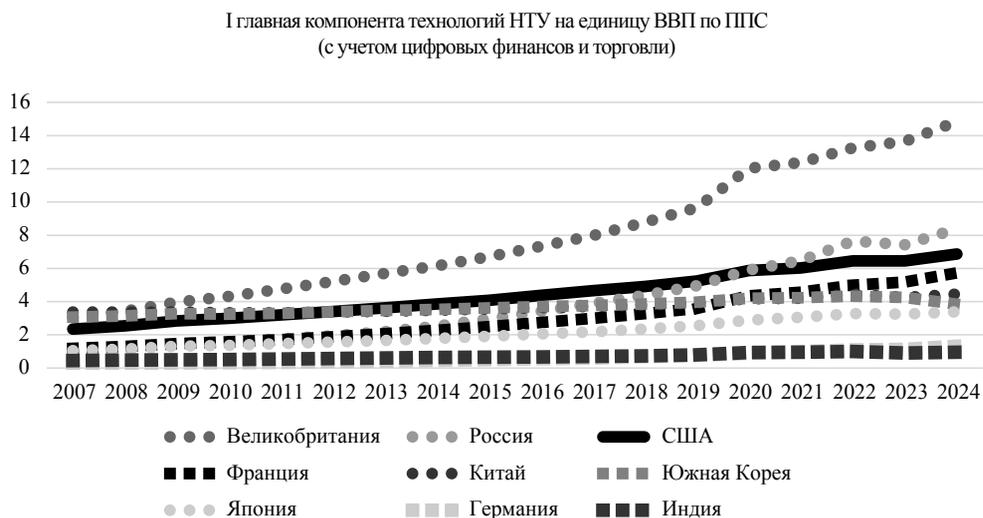

Рис. 11. I главная компонента на единицу ВВП по ППС (с цифровыми финансами и торговлей)

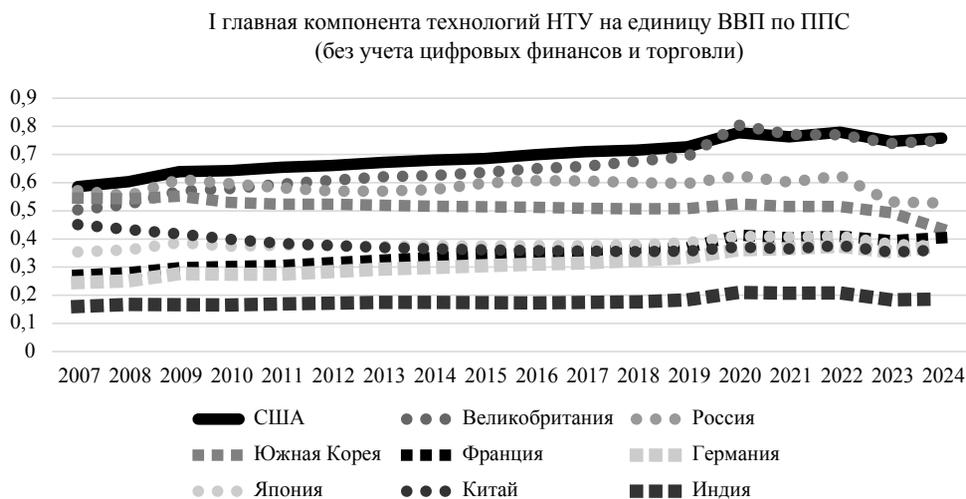

Рис. 12. I главная компонента на единицу ВВП по ППС (без цифровых финансов и торговли)

По темпам роста базовых производств НТУ в расчете на душу населения с большим отрывом лидируют США, второе место уверенно занимает Великобритания, в то время как Россия опустилась на третье место с конца, уступив КНР с девяностикратно большей численностью населения.

Для измерения скорости увеличения веса НТУ в структуре национальной экономики произведен пересчет исходных абсолютных показателей к ВВП по пари-

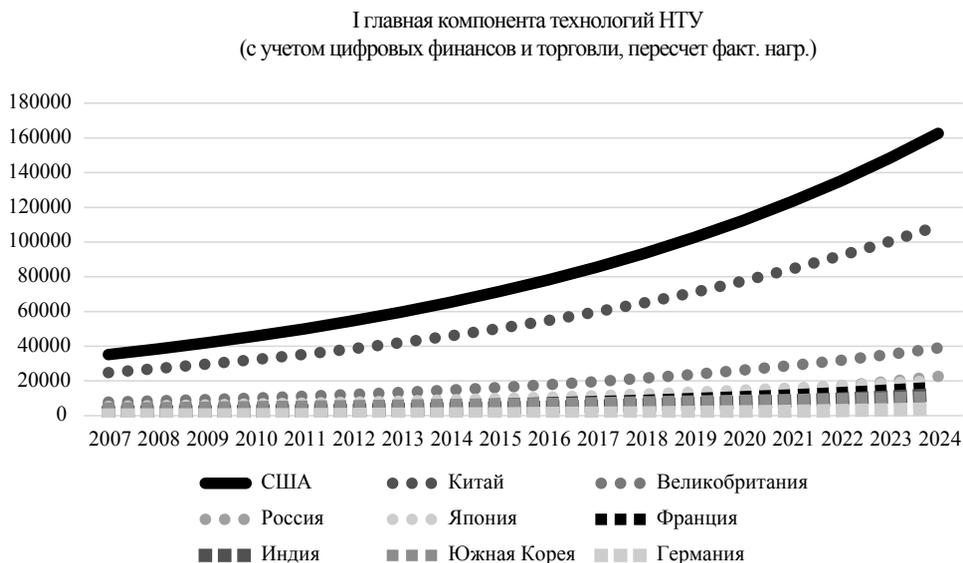

Рис. 13. Обобщенная для всех стран I главная компонента по абсолютным показателям (с цифровыми финансами и торговлей)

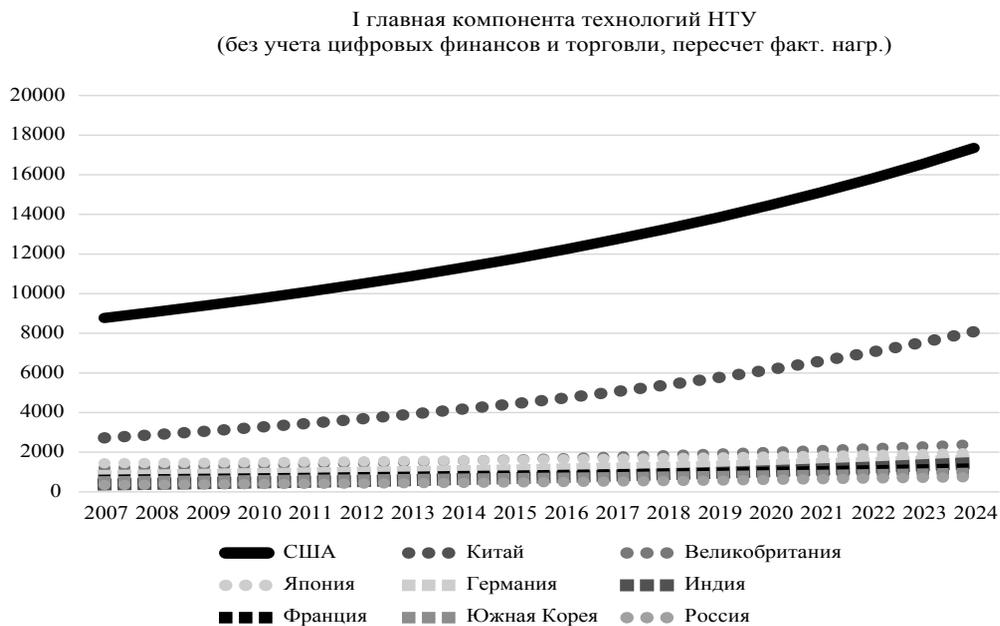

Рис. 14. Обобщенная для всех стран I главная компонента по абсолютным показателям (без цифровых финансов и торговли)

тету покупательной способности национальных валют к доллару США в постоянных ценах 2017 г.,⁶ отражающему физический объем производимой в стране продукции. Построенная на этой основе первая главная компонента отражает скорость модернизации национальной экономики на основе НТУ.

Наиболее высокие темпы модернизации экономики на основе НТУ демонстрирует Великобритания, в то время как Россия выходит на второе место, опережая технологических лидеров. При исключении показателей сферы обращения восстанавливается лидирующее положение США, а Россия перемещается на третье место.

Для того чтобы получить оценки уровня развития и распространения НТУ в экономике, был сделан расчет I главной компоненты по всем имеющимся динамическим рядам исходных показателей по всем странам. Полученная на этом множестве показателей I главная компонента является обобщенной характеристикой уровня распространения НТУ в каждой из анализируемых стран. Это позволяет их сопоставлять на одном графике, на котором приведена динамика этой характеристики по каждой стране (рис. 13–18; данные объясненной дисперсии — строки 19, 20 табл. 1).

Полученные результаты подтверждают ранее сделанные выводы. По уровню развития НТУ (рис. 13) США и КНР существенно опережают другие страны как в целом, так и по производственному ядру. Если по совокупности всех показателей уровень развития НТУ можно считать средним, то по уровню развития производственного ядра НТУ (рис. 14) Россия оказывается на последнем месте среди рассматриваемых стран. То же касается уровня распространения НТУ в социальном пространстве (рис. 15, 16).

Измерения уровня развития НТУ в структуре экономики (рис. 17) свидетельствуют о наибольшей модернизации Великобритании, которая уверенно опережает не только КНР, но и США. Россия по этому показателю имеет средний уровень распространения НТУ в экономике среди передовых стран. С исключением цифровых финансов и торговли она перемещается на предпоследнее место.

Исходя из результатов измерений, можно сделать следующий вывод относительно технического развития российской экономики в условиях завершающейся в настоящее время смены технологических укладов.

Фактически повторяется картина развития предыдущего технологического уклада, ядро которого составляли информационно-коммуникационные технологии и микроэлектронная промышленность. Россия с нулевых годов находилась на уровне лидеров по количеству компьютеров и мобильных телефонов на душу населения, но резко отставала по их производству [8]. Это влекло технологическую зависимость и втягивание в неэквивалентный экономический обмен природных ресурсов на высокотехнологические товары конечного потребления, а также заниженный курс рубля и уровень зарплат.

⁶ ВВП по ППС в постоянных ценах 2017 г. за 2007–2022 гг.: по данным ВБ; ВВП по ППС в постоянных ценах 2017 г. за 2023–2024 гг. рассчитаны на основе данных ВВП по ППС в текущих ценах Международного валютного фонда (МВФ) с учетом линейной экстраполяции инфляционных трендов за 2017–2022 гг. на 2023–2024 гг. для исключения инфляционной компоненты из ВВП по ППС в текущих ценах по данным МВФ.

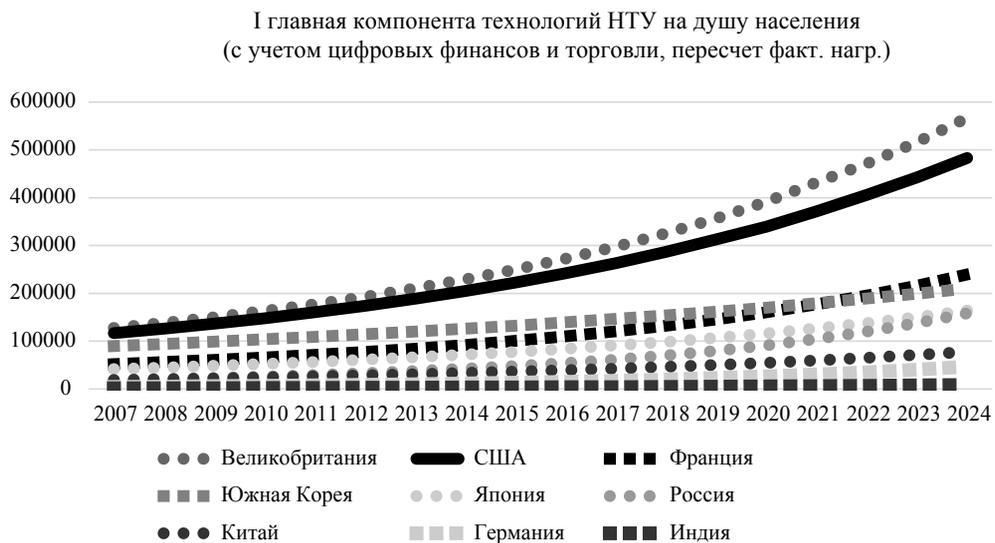

Рис. 15. Обобщенная для всех стран I главная компонента на душу населения (с цифровыми финансами и торговлей)

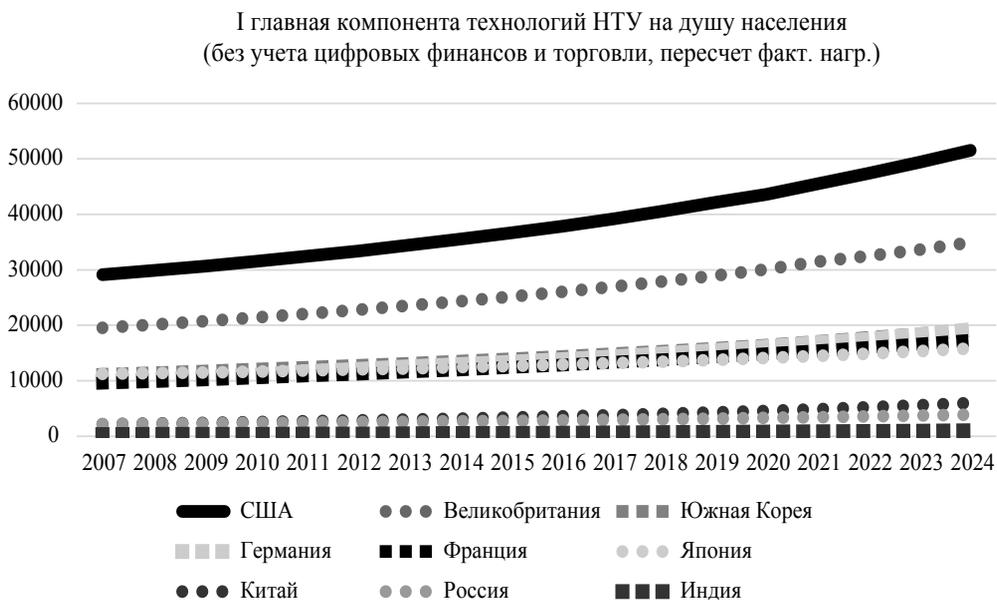

Рис. 16. Обобщенная для всех стран I главная компонента на душу населения (без цифровых финансов и торговли)

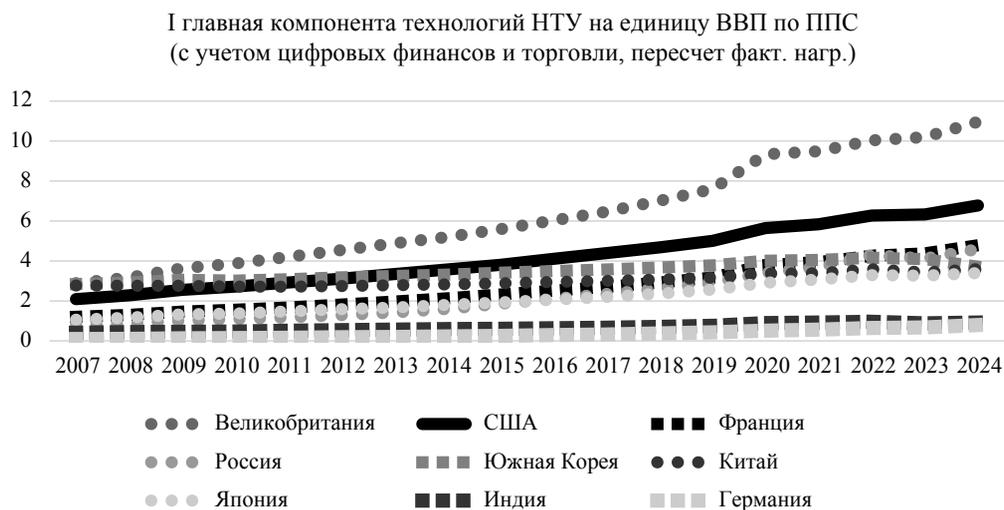

Рис. 17. Обобщенная для всех стран I главная компонента на единицу ВВП по ППС (с цифровыми финансами и торговлей)

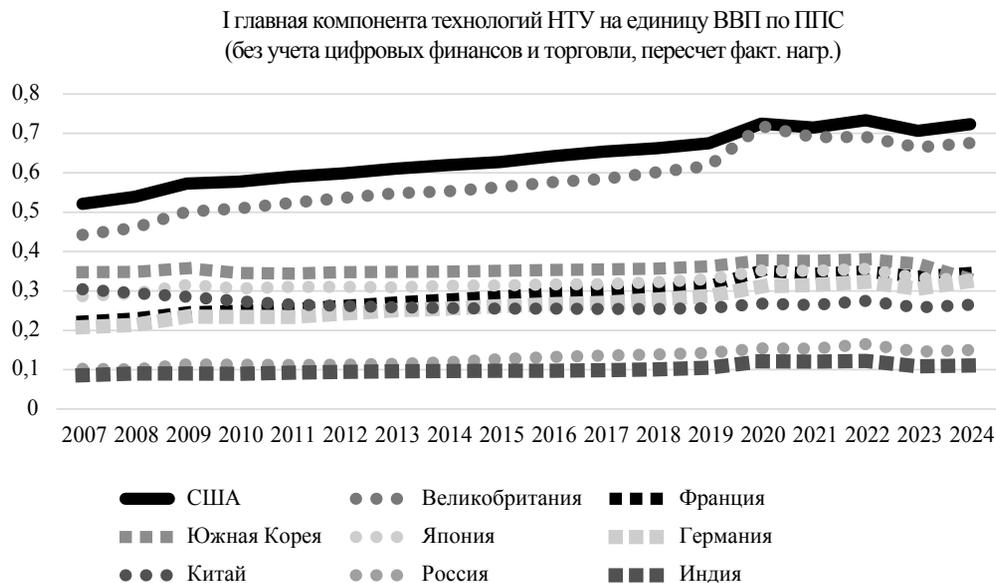

Рис. 18. Обобщенная для всех стран I главная компонента на единицу ВВП по ППС (без цифровых финансов и торговли)

В современных условиях мировой гибридной войны и санкций со стороны всех ведущих стран мира, кроме КНР и Индии, подобное положение сопряжено с большими рисками. Хотя «окно возможностей» для совершения технологического рывка в период смены технологических укладов закрывается, необходимо форсировать развитие базовых производств НТУ, в которых имеются сравнительные конкурентные преимущества и отечественный научно-технический потенциал.

Совершение рывка в экономическом развитии предполагало реализацию стратегии опережающего развития, предложенной еще до начала процесса смены технологических укладов три десятилетия назад [2]. Хотя она была детализирована до уровня программы [4] в начале перехода к НТУ в период мирового финансового кризиса, реализуемая в стране макроэкономическая политика не позволила ее осуществить. Вместе с тем достигнутый средний уровень развития НТУ и высокие темпы его распространения, соответствующие передовым странам, имеющиеся в отечественной промышленности производственные мощности, научно-технический и интеллектуальный потенциал, положительный торговый баланс все еще позволяют реализовать эту стратегию (табл. 2).

Таблица 2. Стратегия опережающего развития

Мероприятие Стратегии	Ежегодные темпы прироста	
	Производства	Инвестиций
1. Форсированный рост нового технологического уклада	35%	50%
2. Динамическое развертывание в высокоразвитых сегментах экономики (авиа-, энергетическое, нефтегазовое машиностроение, строительство, сельское хозяйство)	10–30%	20–40%
3. Догоняющее развитие (промышленная сборка транспортных средств)	5–10%	10–15%
4. Углубленная переработка сырья	15–20%	20–40%
5. Стимулирование инновационной активности, развитие человеческого потенциала	5%	10%
В среднем по экономике	8%	10%

Но для этого необходимо кардинальное изменение макроэкономической политики, включая переход к целеориентированной на рост кредитования производственных инвестиций денежно-кредитной политике, отказ от налогового маневра с восстановлением экспортных пошлин и утроение за счет этого расходов на НИОКР, прекращение вывоза капитала и внедрение цифрового рубля во внешнеэкономических платежах и другие давно научно обоснованные и предложенные меры [7].

Список источников

1. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва: Экономика, 2002. 767 с.
2. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. Москва: ВладДар, 1993. 310 с.
3. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. академика РАН С.Ю. Глазьева и профессора В.В. Харитоновна. Москва: «Тривант», 2009. 304 с.

4. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. Москва: Экономика, 2010. 255 с.
5. Глазьев С.Ю., Безруков Л.Б., Долголаптев А.В., Ларин Н.В., Сывороткин В.Л., Федоров В.М. Климатические изменения и энергопереход // Экономические стратегии. 2023. № 6(192). С. 16–29. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-6.192.2023.16-29>.
6. Ларин В.Н. Наша Земля (происхождение, состав, строение и развитие изначально гидридной Земли). М: Агар, 2005. 248 с.
7. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. Москва: Книжный мир, 2018. 768 с.
8. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. М.: Экономическая газета, 2011. 575 с.

References

1. Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Moskva: Ehkonomika, 2002. 767 s.
2. Glaz'ev S.YU. Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ehkonomicheskogo razvitiya. Moskva: VIADar, 1993. 310 s.
3. Nanotekhnologii kak klyuchevoi faktor novogo tekhnologicheskogo uklada v ehkonomike / Pod red. akademika RAN S.YU. Glaz'eva i professora V.V. Kharitonova. Moskva: «TrovanT», 2009. 304 s.
4. Glaz'ev S.YU. Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa. Moskva: Ehkonomika, 2010. 255 s.
5. Glaz'ev S.YU., Bezrukov L.B., Dolgolaptev A.V., Larin N.V., Syvorotkin V.L., Fedorov V.M. Klimaticheskie izmeneniya i ehnergoperekhod // Ehkonomicheskie strategii. 2023. № 6(192). S. 16–29. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-6.192.2023.16-29>.
6. Larin V.N. Nasha Zemlya (proiskhozhdenie, sostav, stroenie i razvitie iznachal'no gidridnoi Zemli). M: Агар, 2005. 248 s.
7. Glaz'ev S.YU. Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozyaistvennom ukladakh. Moskva: Knizhnyi mir, 2018. 768 s.
8. Glaz'ev S.YU. Uroki ocherednoi rossiiskoi revolyutsii: krakh liberal'noi utopii i shans na ehkonomicheskoe chudo. M.: Ehkonomicheskaya gazeta, 2011. 575 s.

Информация об авторах

Глазьев С.Ю. – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, заведующий кафедрой теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Косакян Д.Л. – старший научный сотрудник, Научный центр евразийской интеграции, Москва, Россия.

Information about the authors

Glazyev S.Yu. – doctor of economics, professor, academician of the Russian Academy of Sciences, head of department of theory and methodology of public and municipal governance of school of public administration, Moscow State University, Moscow, Russia.

Kosakyan D.L. – senior researcher, Scientific Center for Eurasian Integration, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 22.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 22.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 29.07.2025.

Приложение 1

1. Автономные и сенсорные технологии
2. Аддитивное производство
3. Административное программное обеспечение
4. Административный аутсорсинг
5. Аутсорсинг бизнес-процессов
6. Аутсорсинг приложений
7. Бесплатное потоковое ТВ за счёт доходов от рекламы
8. Бизнес-процесс как услуга
9. Веб-хостинг
10. Велопрокат с использованием приложений
11. Виртуальные активы метавселенной (виртуальная валюта, виртуальные предметы коллекционирования в виртуальных играх и платформах метавселенной)
12. Генеративный ИИ
13. Гонорары организаторам киберспортивных мероприятий
14. Датчики и исполнительные механизмы
15. Диагностика in vitro
16. Игровые ПК и ноутбуки
17. ИИ в обслуживающих роботах
18. ИИ в промышленных роботах
19. Интернет вещей в автомобилях
20. Интернет вещей в здравоохранении
21. Интернет вещей для умного города
22. Интернет-аптеки
23. Инфраструктура как услуга
24. Инфраструктура корпоративных сетей
25. ИТ-консалтинг и внедрение
26. Кардиологическое оборудование
27. Каршеринг с использованием приложений
28. Кибербезопасность данных
29. Кибербезопасность конечных точек
30. Кибербезопасность облачных вычислений
31. Кибербезопасность приложений
32. Кибербезопасность сетей
33. Криптовалюта
34. Логические интегральные схемы
35. Машинное обучение
36. Медицинские приложения
37. Метавселенная в здравоохранении (виртуальное персональное обучение, виртуальная реабилитация, виртуальная терапия, виртуальные оздоровительные программы)
38. Метавселенная в образовании
39. Метавселенная в электронной коммерции (виртуальные витрины, цифровые торговые площадки, включая покупку реальных и виртуальных товаров с использованием реальных и виртуальных денег)
40. Метавселенная игр (виртуальные миры, социальные платформы виртуальной реальности в возможностях взаимодействия игроков между собой и окружающим пространством. Рынок включает экшн-игры, приключенческие игры, казуальные игры, ролевые игры, игры-симуляторы, спортивные и гоночные игры и стратегические игры)
41. Метавселенная онлайн-развлечений (виртуальные концерты, театральные постановки и комедийные шоу с взаимодействием пользователей друг с другом и с участниками виртуальных мероприятий)
42. Метавселенная рабочих мест (виртуальные встречи, виртуальные команды и виртуальные коворкинги – офисы сотрудников для разных компаний)

43. Метавселенная рекламы (внутриигровая реклама, видеореклама, в приложении)
44. Метавселенная цифровых медиа (видео, аудио, текст, изображения и интерактивные возможности, гарнитуры виртуальной реальности, смартфоны и компьютеры для этих целей. Размер рынка определяется покупками в приложениях и потребительских расходов)
45. Невзаимозаменяемые токены (уникальный идентификатор, подтверждающий владение реальными или цифровыми активами, включая произведения искусства, музыку, предметы коллекционирования, внутриигровые предметы и т.д. Криптовалюта базового блокчейна используется для транзакций невзаимозаменяемого токена)
46. Необрокеры (онлайн-брокеры без офисов)
47. Ноутбуки
48. Облачные игры
49. Оборудование для виртуальной реальности (гарнитуры, шлемы виртуальной реальности)
50. Оборудование для диагностической визуализации
51. Оборудование для дополненной реальности (AR-очки)
52. Оборудование для метавселенной (гарнитуры и очки виртуальной реальности)
53. Обработка естественного языка в виде речи
54. Обработка естественного языка в виде текста
55. Обработка естественного языка для переводов
56. Обслуживающие роботы в логистике
57. Обслуживающие роботы в сельском хозяйстве
58. Онлайн университетское образование
59. Онлайн-доставка еды ресторанами
60. Онлайн-игры
61. Оптоэлектроника
62. Офисное программное обеспечение
63. Платформа как услуга
64. Платформы для онлайн-обучения
65. Потокковая музыка
66. Потокковое вещание киберспортивных мероприятий
67. Потокковое видео
68. Потокковое цифровое вещание игр
69. Потребительский интернет вещей
70. Права показа киберспортивного контента на канале
71. Премиум-подписки на игры (игровые сети)
72. Привлечение цифрового капитала (краудлендинг, краудфандинг, рыночное кредитование, краудинвестинг)
73. Приложения для дополненной реальности
74. Приложения для здоровья и фитнеса
75. Приложения для образования
76. Приложения для рекомендаций по приёму лекарств
77. Программное обеспечение для бизнес-аналитики
78. Программное обеспечение для виртуальной реальности
79. Программное обеспечение для планирования ресурсов предприятия
80. Программное обеспечение для разработки приложений
81. Программное обеспечение для совместной работы
82. Программное обеспечение для строительства и дизайна
83. Программное обеспечение для творческой деятельности
84. Программное обеспечение для управления взаимоотношениями с клиентами
85. Программное обеспечение для управления контентом
86. Программное обеспечение для управления цепочками поставок
87. Программное обеспечение для управления эффективностью предприятия
88. Программное обеспечение для электронной коммерции
89. Программное обеспечение как услуга
90. Программное обеспечение системной инфраструктуры

91. Продажа билетов и товаров под киберспортивные мероприятия
92. Промышленный интернет вещей
93. Прочие ИТ-услуги
94. Рабочий стол как услуга
95. Распознавание изображений
96. Распознавание лица
97. Распознавание речи
98. Реклама в виртуальной реальности (внутриигровая реклама, реклама внутри видео и приложений)
99. Реклама в дополненной реальности (всплывающая реклама, баннерная реклама, реклама, интегрированная в приложение)
100. Реклама в подкастах
101. Реклама в потоковой музыке
102. Реклама в электронных газетах
103. Реклама в электронных журналах
104. Рекламное видео по запросу
105. Робототехника в электрической/электронной промышленности
106. Серверы
107. Сетевая инфраструктура поставщиков услуг
108. Скачивание игр
109. Скачивание музыки
110. Смартфоны
111. Спонсирование и реклама команд киберспорта
112. Умные браслеты
113. Умные весы
114. Умные глюкометры
115. Умные измерители артериального давления
116. Умные колонки
117. Умные потоковые устройства (смарт-телевизоры и потоковые устройства)
118. Умные термометры
119. Умные часы
120. Услуги в области кибербезопасности
121. Устройства для умного дома, безопасность
122. Устройства для умного дома, домашние развлечения
123. Устройства для умного дома, комфорт и освещение
124. Устройства для умного дома, умная техника
125. Устройства для умного дома, управление и связь
126. Устройства для умного дома, управление энергопотреблением
127. Хранение данных
128. Цифровая аудиореклама
129. Цифровая баннерная реклама
130. Цифровая видеореклама
131. Цифровая поисковая реклама
132. Цифровая реклама в приложениях
133. Цифровая реклама в соцсетях
134. Цифровая реклама через влиятельных лиц
135. Цифровое здравоохранение
136. Цифровые денежные переводы
137. Цифровые объявления
138. Электронные газеты
139. Электронные журналы
140. Электронные книги
141. Эндоскопическое оборудование
142. Мобильные платежи в месте продажи (POS)

- 143. Необанкинг (онлайн-банки без офисов)
- 144. Платформы доставки еды
- 145. Розничная интернет-доставка магазинами
- 146. Розничная интернет-доставка платформами
- 147. Скуттер-шеринг с использованием приложений
- 148. Финансовые робо-советники (автоматические инвестиционные консультации и советы для управления инвестпортфелями)
- 149. Цифровая коммерция

Международная валютная система: формирование нового стандарта и криптовалюта

International monetary system: formation of a new standard and cryptocurrency

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 86–102.

Russian Economic Journal. 2025;(4):86–102.

Научная статья

УДК 336.7

JEL E52, E58

<https://doi.org/>

Рябухин Сергей Николаевич,
Совет Федерации ФС РФ,
НИИ «Инновационные финансовые
инструменты и технологии» РЭУ
имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Ryabuhin.SN@rea.ru
ORCID: 0009-0004-4952-4056
SPIN-код:1617-8760

Ryabukhin Sergey N.,
*The Federation Council of the Russian
Federation, Research Institute «Innovative
Financial Instruments and Technologies»
of the Plekhanov Russian University
of Economics,
Moscow, Russia.
Ryabuhin.SN@rea.ru
ORCID: 0009-0004-4952-4056
SPIN-code: 1617-8760*

Беленчук Сергей Иванович,
НИИ «Инновационные финансовые
инструменты и технологии» РЭУ име-
ни Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
belenchuk51@mail.ru
ORCID: 0009-0001-7473-3413

Belenchuk Sergey I.,
*Research Institute «Innovative Financial
Instruments and Technologies»
of the Plekhanov Russian University
of Economics,
Moscow, Russia.
belenchuk51@mail.ru
ORCID: 0009-0001-7473-3413
SPIN-code: 6929-1543*

Минченков Михаил Александрович,
НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Minchenkov.MA@rea.ru
ORCID: 0009-0005-9268-3551
SPIN-код: 7645-4990

Minchenkov Mikhail A.,
Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia.
Minchenkov.MA@rea.ru
ORCID: 0009-0005-9268-3551
SPIN-code: 7645-4990

Водянова Вера Владимировна,
НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Vodyanova.VV@rea.ru
ORCID: 0000-0001-8067-4053
SPIN-код: 3815-4494

Vodianova Vera V.,
Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia.
Vodyanova.VV@rea.ru
ORCID: 0000-0001-8067-4053
SPIN-code: 3815-4494

Заплетин Максим Петрович,
НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Zapletin.MP@rea.ru
ORCID: 0009-0003-2052-2164

Zapletin Maxim P.,
Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia.
Zapletin.MP@rea.ru
ORCID: 0009-0003-2052-2164

Аннотация. В исследовании рассматриваются особенности формирования в рамках международной валютной системы (МВС) нового стандарта и место в нем цифровых активов. Сдвиги в МВС начались во второй половине 2023 г. Авторы выдвигают гипотезу, что именно тогда остро встала проблема восполнения дефицита в обеспечении денежной массы твердыми активами или хотя бы их суррогатами. Эту проблему было решено осуществить путем выдвигания на первый план такого актива, который мог бы стать суррогатом золота, при одновременном контролируемом росте цен на золото. И этим активом стали не цифровые деньги центрального банка (CBDC), которые не обладают необходимой волатильностью, а криптовалюта в лице симбиоза стейблкоинов и биткоина. Пришедший к власти президент США Д. Трамп своим указом отменил все ключевые указы Дж. Байдена, ограничивающие циркуляцию криптовалюты в США. Особое внимание стало уделяться продвижению стейблкоинов, обеспеченных казначейскими обязательствами США, которые в связке с биткоином должны были помочь привлечь инвестиции со всего мира с тем, чтобы снять давление с ФРС и заставить инвесторов, а не центральный банк, нести бремя государственного долга США. В то же время авторы не исключают и такого развития событий, при котором нынешние инициативы американского руководства являются лишь одним из этапов на пути системного изменения МВС.

Ключевые слова: криптовалютный стандарт, МВС, биткоин, стейблкоины, ФРС, ликвидность, USDt, централизация, волатильность.

Благодарность: Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России высшим учебным заведением в части проведения НИР по теме: «Создание инвестиционного (резервного) контура национальной финансовой системы и финансовых инструментов его обращения» (код научной темы FSSW-2023-0006). ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Москва, Россия.

Для цитирования: Рябухин С.Н., Беленчук С.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. Международная валютная система: формирование нового стандарта и криптовалюта // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 86–102. https://doi.org/_____.

Abstract. The study examines the features of the formation of a new standard within the international monetary system (IMS) and the place of digital assets in it. Shifts in the IMS began in the second half of 2023. The authors hypothesize that it was then that the problem of replenishing the deficit in providing the money supply with hard assets or at least their surrogates became acute. It was decided to implement this problem by bringing to the forefront such an asset that could become a surrogate for gold, with a simultaneous controlled increase in gold prices. And this asset was not central bank digital money (CBDC), which does not have the necessary volatility, but cryptocurrency in the form of a symbiosis of stablecoins and bitcoin. US President D. Trump, who came to power, canceled all key decrees of J. Biden, restricting the circulation of cryptocurrency in the United States. Particular attention was paid to the promotion of stablecoins backed by US Treasury bonds, which, in conjunction with Bitcoin, were supposed to help attract investment from around the world in order to relieve pressure on the Fed and force investors, not the central bank, to bear the burden of US government debt. At

the same time, the authors do not rule out such a development of events, in which the current initiatives of the American leadership are only one of the stages on the path to a systemic change in the IMS.

Keywords: cryptocurrency standard, IMS, Bitcoin, stablecoins, Fed, liquidity, USDt, centralization, volatility.

Acknowledgements: The article carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia to higher educational institutions in terms of conducting research on the topic Creation of instruments for its circulation (scientific topic code FSSW-2023-0006). Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics», Moscow, Russian Federation.

For citation: Ryabukhin S.N., Belenchuk S.I., Minchenkov M.A., Vodianova V.V., Zapletin M.P. International monetary system: formation of a new standard and cryptocurrency. Russian Economic Journal. 2025;(4):86–102. (In Russ.). https://doi.org/_____.

Введение

Международная валютная система (МВС) переживает в последние полвека серьезные потрясения. В 70-е гг. прошлого столетия на смену золотому стандарту пришел нефтедолларовый стандарт¹. Затем, после Великой рецессии 2007–2009 гг., появился стандарт безлимитной эмиссии. Однако он оказался лишь промежуточным звеном для перехода к новому стандарту, очертания которого стали вырисовываться в самые последние годы. Этот формирующийся новый стандарт может представляться чем-то сродни нефтедолларовому, поскольку в его основе может оказаться сильно «надуваемый» актив. В то же время на этом аналогия заканчивается: одно дело разгонять цены на нефть, без которой никто не может обойтись, а другое — «раздуть» нематериальные активы, существующие в виде алгоритмов.

Представленная версия перехода к новому стандарту может оказаться вполне правдоподобной, но она требует подтверждения и тщательного изучения. На данный момент процесс еще не завершен, и не до конца ясно, какова будет реальная конфигурация нового стандарта. Именно это и обуславливает актуальность темы исследования. Исходя из вышесказанного, целью исследования является выявить причины формирования в рамках МВС нового стандарта, место в нем цифровых активов. С учетом того, что в центре современной МВС находится доллар США, приоритетной задачей становится рассмотрение мероприятий в данной сфере новой администрации США, анализ этих мероприятий с точки зрения их реальной направленности, а также рассмотрение особенностей отношений различных ветвей денежных властей США.

¹ Приводим здесь одну из интерпретаций причин отказа от золотого стандарта: «В противовес послевоенной Бреттон-Вудской системе, Лондон создал феномен офшоров. Именно в Сити начали игнорировать ее правила, что к началу 1970-х привело к их фактической отмене. В 1966 г. Банк Англии заявил, что операции с долларами в Лондоне находятся за пределами его юрисдикции и де-факто происходят „в другом месте“. Лондон стал пространством, где банкиры могли не опасаться последствий своих действий». Telegram: Contact @naebrosh.

Начало движения к криптовалютному стандарту

Основные сдвиги произошли во второй половине 2023 г. Еще до середины года создавалось впечатление, что можно ожидать что-то вроде ребрендинга функционировавшего с конца нулевых годов стандарта, который будет осуществлен путем, прежде всего, активного внедрения цифровых валют центрального банка (Central Bank Digital Currency — CBDC). За этим планом стояла глобалистская элита, доминировавшая в США последние десятилетия. Выразителем ее подходов стали такие институты, как МВФ (Tobias, Mancini-Griffoli, 2023) и особенно БМР (Kosse, Mattei, 2023). Именно эти два института обнародовали в середине 2023 г. вполне конкретные планы перехода к CBDC, подконтрольных через различные наднациональные платформы международным финансовым организациям, с последующей цифровизацией значительной части денежного обращения. Реформа не была до конца проработана, но необходимо было как-то реагировать на угрозу фрагментации МВС из-за значительного усиления позиций стран БРИКС. Децентрализованные крипто, да и стейблкоины рассматривались в рамках этой реформы весьма критически, хотя право на их существование не отрицалось.

На последнее следует обратить особое внимание, поскольку буквально тогда же представители глобального финансового бизнеса — BlackRock и Fidelity — заявили о том, что у них есть свой взгляд на будущее МВС, который не обязательно совпадает с установками международных финансовых организаций. Свое несогласие они выразили публично путем подачи — почти синхронно с выходом докладов МВФ и БМР — заявок на создание биржевых фондов по операциям спот с биткоином, то есть тем активом, который оставался в лучшем случае на периферии продвигаемой МВФ и БМР системы (III. Blueprint for the future monetary system, 2023)². Официальное несогласие с установками указанных финансовых институтов можно рассматривать в качестве своеобразного манифеста о начале перемещения рычагов управления из рук глобалистской элиты, которая, опираясь на леволиберальную идеологию, доминировала последние десятилетия в США и практически во всем мире, в руки ее наследников. Эти последние в условиях надвигающегося всеохватывающего кризиса оказались вынуждены сменить идеологический дискурс и начать формировать экономическую и валютно-финансовую модель, которая гарантировала бы сохранение их мирового доминирования, пусть и путем в том числе обращения в эксплуатируемую периферию ранее, по крайней мере, официально равноправных партнеров. В финансовой же сфере рычаги управления переместились из классического банкинга в инвестиционные фонды — Black Rock, State Street, Vanguard, Fidelity³.

Здесь сразу же возникает вопрос: почему именно летом 2023 г. появился упомянутый манифест, что повлекло за собой начало торможения перехода

² В тот момент было трудно оценить значение данного шага, поскольку не было уверенности в том, что данной инициативе инвестиционных будет дан дальнейший ход. Кроме того, большинство специалистов рассматривали биткоин как действительно децентрализованный инструмент, который в любом случае не мог быть использован для централизации системы.

³ <https://t.me/Kdvinsky12832>.

к цифровым валютам и, наоборот, смещение акцента в пользу продвижения темы децентрализованных крипто, прежде всего, биткойна. На наш взгляд, можно говорить о нескольких факторах, одновременное воздействие которых на МВС стало представлять непосредственную угрозу устойчивости всей системы. Речь идет, прежде всего, о невиданном с конца 70-х гг. прошлого столетия всплеске инфляции, бороться с которым можно было лишь с помощью ужесточения денежной-кредитной политики (ДКП). Но самым главным фактором стал почти экспонентный рост федерального долга США, который стал разгоняться в 2019–2020 гг. Сочетание этих двух факторов создало ситуацию, при которой США попали в своеобразную ловушку. С одной стороны, жизненно необходимо бороться с инфляцией и повышать ставки резервирования, а с другой стороны, столь же жизненно необходимо как-то обуздать дальнейший рост стоимости обслуживания федерального долга, что подразумевает снижение указанных ставок.

В этих условиях было принято решение продолжить борьбу с инфляцией, но одновременно начать создавать механизм погашения федерального долга в рамках формирования нового валютного стандарта. Поскольку CBDC в лице главным образом цифрового доллара не могли обеспечить решения этой задачи, то есть в условиях ужесточения ДКП само по себе введение цифровых валют не создает условия для увеличения денежной массы, поэтому вопрос введения CBDC был отодвинут на второй план. Соответственно, была сделана ставка на крипто, поскольку теоретически именно разгон крипто представляется самым оптимальным способом создать основу для увеличения денежной массы в условиях ужесточения ДКП. Здесь обязательно надо учесть, что отказ от CBDC можно интерпретировать как удар по лидирующим позициям центральных банков, в первую очередь, ФРС.

Рис. 1. Отношение капитализации мирового рынка золота к глобальному агрегату M2 в %

Источник: расчеты авторов

Следует обратить внимание еще на один фактор, который сыграл важную роль в происшедшей в 2023 г. смене парадигм. Речь идет о сокращении доли золота в совокупной денежной массе, о чем свидетельствуют данные рисунка 1.

Де-факто безлимитная эмиссия долларов и других ведущих валют привела к нарушению устоявшихся пропорций между денежной массой и выраженной в текущих ценах капитализацией золота как основного представителя класса активов, имеющих внутреннюю стоимость или представляющего реальное обеспечение денежной массы.

В этом контексте можно выдвинуть в качестве гипотезы идею о том, что показатель отношения капитализации рынка золота к глобальному агрегату M2 должен составлять не менее 20%, что, в свою очередь, исторически перекликается с установленным во времена золотого стандарта минимальным уровнем обеспеченности долларовой массы золотыми резервами в 20%. А это значит, что в случае ухода этого показателя за нижнюю планку возникает необходимость каким-то образом восполнить нехватку реальных активов либо такими же реальными активами, либо, на худой конец, суррогатами.

Именно поэтому в середине 2023 г. встал вопрос о восполнении этого дефицита, что было решено осуществить путем выдвижения на первый план такого актива, который мог бы стать суррогатом золота, при одновременном контролируемом росте цен на золото. И этим активом стали не CBDC, которые не обладают необходимой волатильностью, а, в первую очередь, децентрализованные крипто в лице, прежде всего, биткоина. Стала создаваться соответствующая инфраструктура. В исследовании глобального инвестиционного фонда Fidelity, посвященном перспективам криптоиндустрии в 2025 г., отмечается, что уже в 2024 г. все аккредитованные учреждения — краеугольный камень традиционной финансовой системы — развернулись в сторону операций с биткоином (Fidelity Digital Assets, 2024).

По нашему мнению, реализация плана, начатая в 2023 г. и продолженная в 2024 г., дала вполне ощутимые результаты. Если в 2023 г. отношение совокупной капитализации золота и биткоина к глобальному M2 составило 13%, то по итогам за 2024 г. этот показатель увеличился почти до 17%, причем капитализация биткоина увеличилась в два раза (см. рис. 2). Если следовать логике нашей гипотезы, то для достижения целевого показателя в 20% потребуется в довольно краткие сроки увеличить совокупную капитализацию золота и биткоина еще примерно на 3 трлн долларов. В случае если весь рост придется на биткоин, то его котировки должны возрасти в 2,5 раза. Что касается аналогичной ситуации с золотом, то его цена должна увеличиться примерно на 20%.

Здесь уместно обратить внимание на тот факт, что выдвинутая нами идея о возможном росте биткоина в определенной мере находит подтверждение в рамках модели, в соответствии с которой цена биткоина тесно связана с циклами ликвидности мирового рынка. В соответствии с этой моделью стоимость биткоина снижалась за последнее десятилетие именно тогда, когда рынки сталкивались с дефицитом ликвидности, в частности, в конце 2018 г., во время пандемии COVID и на дне ликвидности в октябре 2022 г. По словам Майкла Хауэлла из Cross Border Capital, ожидается, что текущий цикл ликвидности достигнет пика в период с конца 2025 г. по начало 2026 г. При этом он призывает не удивляться, если

в конце 2025 г. будут отмечены новые исторические максимумы, поскольку среди прочих факторов велика вероятность того, что Китай реализует количественное смягчение, девальвацию валюты или прибегнет к другим формам стимулирования с целью решения проблемы дефляции на фоне растущего долга⁴.

Таким образом, одновременно были запущены механизмы роста капитализации двух активов: в тактическом плане с целью поддержания ликвидности всей системы, а в стратегическом — с целью постепенного навязывания в общественном сознании сущностной идентичности обоих активов путем трансформации крипто в «цифровое золото». При этом биткоин начинают называть и новым золотом, и новой резервной валютой. Выдвигается даже версия, что биткоин является более надежным активом, чем золото, поскольку, в отличие от золота, его количество существенно ограничено. Наиболее рельефным показателем, применяемым для демонстрации этого эффекта, является сравнение капитализации золота и биткоина (см. рис. 2).

Здесь, однако, может возникнуть вопрос: есть все же хоть какие-то объективные основания для объединения в один класс золота и крипто? Сразу можно ответить, что это объединение до сих пор носит во многом условный характер. Более того, оно не признается многими специалистами. В то же время нельзя отрицать, что динамика рынков золота и биткоина в самые последние годы говорит о довольно тесной корреляции этих двух активов. При этом одним из важнейших факторов здесь является активизация усилий со стороны глобальной финансовой элиты по сдерживанию роста золота, что стало очевидным после начала панде-

Bitcoin vs. Gold Market Capitalization (Annual)

Source: Galaxy Research

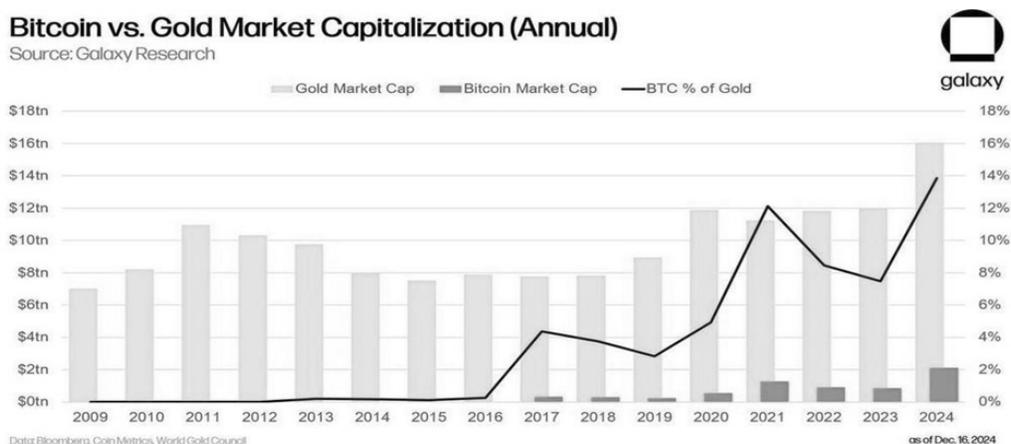

Рис. 2. Капитализация золота и биткоина в 2008–2024 гг. в трлн долл. и % к итогу

Источник: t.me/markettwits/306754

⁴ Одновременно авторы модели не слишком верят в незыблемость биткоина. Они не исключают, что биткоин может постигнуть печальная судьба в случае наступления глобального кризиса ликвидности. https://thefloridarepublic.substack.com/p/heres-where-lobbyists-are-putting?utm_campaign=email-half-post&r=2y08b0&utm_source=substack&utm_medium=email.

мии и затем в середине 2023 г. Именно в эти моменты, когда все начинают искать безопасное убежище для своих активов, каковым обычно являлось, прежде всего, золото, начинался резкий взлет биткоина, который оказывал понижающее давление на рынок золота. Похожая ситуация сложилась и осенью 2024 г. — рост цены на золото лишь предварил взлет цены на биткоин. В начале 2025 г. вновь на первый план вышло золото, которое в середине марта пробило историческую планку в 3000 долл. за унцию. Правда, речь вовсе не идет о неконтролируемом взлете золота, поскольку до сих реальная цена на золото в случае пересчета ее в сегодняшние доллары остается значительно ниже своего исторического пика 1980-х гг. в 3800 долл. за унцию⁵.

К вышесказанному можно добавить, что те, кто продвигают идею «цифрового золота», попадают в некую логическую ловушку. Дело в том, что сейчас ни для кого не является секретом, что цена на золото является объектом манипулирования. А это значит, что нельзя отрицать вероятность того, что и «цифровое золото» по аналогии с физическим золотом является объектом манипулирования⁶. Кроме того, сторонники биткоина настаивают, что его главными преимуществами являются децентрализованный характер и неподконтрольность денежным властям. Но действия новой администрации США могут говорить об обратном.

Переход к системной работе

«Биткоин старается выглядеть как золото и визуально, и на словах, но по сути он является технологическим активом, который постепенно становится инструментом централизации денежной системы» (Piepenburg, 2025). Это тезис был сформулирован в конце января 2025 г. представителями швейцарского бизнеса, долгие годы специализирующимися на международной торговле золотом. Он достаточно точно отражает реальные вызовы, с которыми столкнулась новая администрация США в валютно-финансовой сфере. Рассмотрим сложившуюся ситуацию более подробно.

Всего три года назад Ларри Финк из BlackRock и нынешний президент Белого дома Дональд Трамп открыто заявили, что биткоин — это мошенничество. Затем, когда стало ясным, что следование традиционной глобалистской политике может обернуться крушением всей денежной системы, подходы правящего класса радикально изменились. Соответственно, летом 2023 г. приоритеты были пересмотрены, и началась работа по продвижению криптовалют в качестве центрального и наиболее динамичного элемента МВС. С приходом к власти Д. Трампа эта работа приобрела более целенаправленный и системный характер. Стали появляться все новые доказательства того, что речь идет не просто о реформе МВС,

⁵ <https://t.me/proeconomics/16485>.

⁶ О возможностях такого манипулирования говорит гипотетический сценарий сдвигов в сфере оценки официальных золотых резервов США. Так, официальные золотые резервы США оцениваются по балансовой цене в 42,22 (11 037 млн долл.) долл. за унцию. А каков будет эффект, если будет принято административное решение о переоценке этих резервов в соответствии с текущими ценами? Стоимость резервов возрастет примерно в 70 раз, глобальная востребованность золота в качестве резерва повысится, а цена на золото пойдет резко вверх.

а о попытке формирования нового денежного стандарта, основой которого должны стать криптовалюты.

Пришедший к власти президент своим указом от 23 января с ходу отменил все ключевые указы Дж. Байдена, ограничивающих циркуляцию крипты в США, а также все подзаконные акты и директивы, противоречащие его новому указу⁷. Одновременно указ запрещает создание и использование CBDC в США, предписывая категорический запрет на создание, выпуск, обращение и использование цифровых валют в пределах юрисдикции США. При этом ЦВЦБ объявляются угрозой стабильности финансовой системы, а также суверенитету США. На поверхности это можно рассматривать в качестве прямого вызова ФРС, так как эмитентом цифрового доллара может быть только ФРС.

Указ провозглашает цифровые активы ключевым элементом инновационного развития и экономического лидерства США (новые приоритеты США). «Цифровой актив» в указе относится к любому цифровому представлению стоимости, которое записано в распределенном реестре, включая криптовалюты, цифровые токены и стейблкоины. Документ гарантирует гражданам и компаниям право использовать публичные блокчейн-сети, разрабатывать программное обеспечение и осуществлять майнинг, валидацию, проведение транзакций и самостоятельное хранение цифровых активов без преследования⁸.

В соответствии с указом продвижение и защита суверенитета доллара США должны реализовываться в том числе посредством содействия развитию и росту во всем мире законных и легитимных стейблкоинов, обеспеченных долларом. Создается рабочая группа по рынкам цифровых активов при Национальном экономическом совете. В ее состав войдут представители ключевых ведомств, включая Минфин, Минюст, SEC (Security and Exchange Commission — Комиссия по ценным бумагам и биржам) и CFTC (Commodity Futures Trading Commission — Комиссия по торговле товарными фьючерсами). Рабочую группу возглавит специальный советник по искусственному интеллекту (ИИ) и криптовалютам. Обращает, однако, внимание на себя тот факт, что в важнейшем документе, касающемся финансовой устойчивости, не обозначено участие ФРС (Федрезерва).

Следует, кроме того, отметить, что указ не предусматривал формирование федерального резерва из криптовалют. В нем указано, что рабочая группа должна оценить возможность создания и поддержания национального запаса цифровых активов и предложить критерии для создания такого запаса, потенциально полученного из криптовалют, законно конфискованных Федеральным правительством в результате усилий по обеспечению соблюдения законов. Речь шла о создании процедур экспроприации и хранении изъятых криптоактивов, а не о создании резервов крипты, аналогичных золотовалютным резервам так, как если бы Минфин США или ФРС покупали или продавали крипту непосредственно

⁷ Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology – The White House <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/>.

⁸ t.me/spydell_finance/6925.

на рынке через механизмы и инструменты валютных интервенций⁹. На данный момент под контролем правительства США находится: 198 100 биткоинов (около 20 млрд долл.). Большая часть этих средств (119 754 биткоинов) была конфискована по делу Bitfinex¹⁰.

Чуть больше чем через месяц, 6 марта 2025 г., Дональд Трамп подписал указ о создании «Стратегического резерва биткоинов» (Strategic Bitcoin Reserve SBR), в котором воплощены в жизнь цели и задачи, сформулированные в указе от 23 января¹¹. Соответственно, SBR, согласно указу, будет состоять из тех биткоинов, которые уже имеются у правительства США и которые попали к нему в результате конфискаций по уголовным и гражданским делам. Это уже упомянутые примерно 200 тысяч монет биткоина, что составляет около 1% от общего объема эмиссии данного вида криптовалюты. Кроме резерва биткоина указ предусматривает создание «Запаса цифровых активов США» (United States Digital Asset Stockpile — USDAS). В названии запаса стоит «цифровые активы». Но фактически речь идет о других криптовалютах помимо биткоина. В запас предполагается, в частности, включение таких криптовалют, как Ethereum, Solana, XRP, Cardano и ряд других. Запас будет формироваться также за счет конфискаций, но он не будет иметь статуса стратегического резерва.

Работа по созданию инфраструктуры для придания биткоину статуса резервного актива ведется и на уровне штатов. Так, к началу марта 2025 г. 16 штатов США уже ввели законодательство о резервировании биткоинов. А на федеральном уровне, помимо SBR, для достижения поставленных целей теоретически может использоваться и суверенный фонд благосостояния, указ о создании которого был подписан Трампом 3 февраля 2025 г. Кроме того, для покупки биткоинов Минфин США может использовать и такой инструмент, как Фонд валютной стабилизации (Exchange Stabilization Fund — ESF).

В контексте создания стратегического резерва цифровых активов обращает на себя внимание и включение в отчет Treasury Borrowing Advisory Committee (ТВАС), консультативного органа, отражающего интересы Минфина США и первичных дилеров ФРС, небольшого приложения с говорящим заголовком «The US Treasury and Digital Assets» («Гособлигации США и цифровые активы»), то есть ведущие финансовые структуры открыто признали возможность использования криптовалют в рамках решения проблемы госдолга США.

Возвращаясь к указу от 23 января, отметим, что одной из основных задач, поставленных перед рабочей группой, является подготовка федеральной нормативной базы, регулирующей выпуск и эксплуатацию в США цифровых активов, в первую очередь, стейблкоинов. Акцент делается на развитии стейблкоинов, обеспеченных гособлигациями США так, как это реализуется в случае с USDT. В этом контексте важно отметить, что одним из основных источников для приня-

⁹ Идея создания биткоин-резерва была предложена сенатором Синтией Ламмис, которая подготовила законопроект «BITCOIN Act of 2024». Этот законопроект предполагал формирование федерального резерва из 1 млн биткоинов в течение пяти лет, что составляет около 5% от общего предложения биткоина.

¹⁰ https://t.me/spydelld_finance/6926.

¹¹ <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/establishment-of-the-strategic-bitcoin-reserve-and-united-states-digital-asset-stockpile/>.

тия правительством США решений могут стать разработки, реализованные глобальными инвестиционными фондами. В частности, глобальный инвестиционный фонд Fidelity через свое специализированное подразделение Fidelity Digital Assets (FDA) подготовил в конце 2024 г. исследование о перспективах рынка криптовалют в 2025 г. Положения этого исследования вносят определенную ясность в планы США в отношении криптовалют и особенно стейблкоинов.

Авторы документа обращают особое внимание на перспективы, которые открываются перед стейблкоинами в связи со все растущей потребностью в долларах на внешних рынках: прежде всего на рынке евродолларов и рынке офшорных кредитов (Fidelity Digital Assets, 2024). Многие организации, не являющиеся резидентами США, имеют кредиты, номинированные в долларах США, и нуждаются в долларах для ведения бизнеса, инвестиций и торговли, создавая устойчивый спрос на мировую резервную валюту. Сегодня, по данным Федерального резервного банка Атланты, небанковские организации за пределами США должны производить платежи по обслуживанию примерно 13 трлн долл. США долларового долга. Между тем, банки должны пролонгировать срок погашения долга в долларах США по депозитам и облигациям на сумму 13 трлн долл. США в дополнение к внебалансовым обязательствам в рамках валютных свопов. Последние, по оценкам за 2022 г., составили 26 трлн долл. США (Fidelity Digital Assets, 2024, 23).

По мнению экспертов FDA, в дополнение к своей роли на рынке евродолларов стейблкоины потенциально могут активно использоваться для выкупа растущей эмиссии казначейских облигаций США — трежерис. Более того, по состоянию на сентябрь 2024 г. ведущий поставщик стейблкоинов Tether уже вложил 102,5 млрд долл. в казначейские активы США, что делает его восемнадцатым крупнейшим держателем трежерис в мире — более крупным, чем Германия, Австралия и ОАЭ.

Приведенные выкладки находят подтверждение в официальных заявлениях представителей руководства США и в публикациях ведущих деловых СМИ. Так, Минфин США заявлял, что рост рынка стейблкоинов приводит к росту спроса на казначейские облигации США¹², а в ранее вышедшей в WSJ (Wall Street Journal) статье, выражалась точка зрения о том, что стейблкоины, обеспеченные долларом США, становятся крупным покупателем госдолга США и, в какой то мере, это может помочь с решением проблемы растущего госдолга¹³. Обратим особое внимание на заявление руководителя криптобиржи Coinbase, в соответствии с которым в рамках будущего регулирования скорее всего потребуются полное обеспечение стейблкоинов казначейскими облигациями США¹⁴. Таким образом, взгляды американской элиты на роль стейблкоина в формируемом валютном стандарте становятся все более понятными, хотя сразу же бросается в глаза некоторое противоречие — масштабы эмиссии основных стейблкоинов пока выглядят незначительными¹⁵.

¹² <https://t.me/markettwits/300920>.

¹³ <https://t.me/markettwits/287723>.

¹⁴ t.me/markettwits/309950.

¹⁵ На конец 2024 г. все обращающиеся стейблкоины имели непогашенную эмиссию на 210 млрд долл., из которых 139 млрд у USDt и 52 млрд в USDC.

От децентрализации к централизации

Обращаясь к роли биткоина в формирующемся стандарте, можно с большой степенью вероятности утверждать, что планы нынешнего американского истеблишмента подразумевают интеграцию — в той или иной форме — биткоина и, возможно, некоторых других децентрализованных криптовалют с основными стейблкоинами, обеспеченных долларами США. Таким образом, биткоин может стать ключевым элементом в смягчении проблемы задолженности США.

О том, что такая интеграция осуществляется по крайней мере на технологическом уровне, свидетельствуют шаги, предпринимаемые компанией Tether, крупнейшего эмитента привязанных к доллару США стейблкоинов. Компания объявила об интеграции USDt в экосистему биткоина, включая как его базовый уровень, так и сеть Lightning. Эта интеграция, поддерживаемая протоколами Taproot, Taproot Assets, и разработанная Lightning Labs, позволяет моделировать функционирование стейблкоинов в экосистеме Bitcoin. После полной интеграции USDt будет бесперебойно работать на базовом уровне Bitcoin и его сети Lightning второго уровня.

По мнению представителей Tether, эта интеграция позволит позиционировать USDt как важнейший компонент финансовых систем на основе биткоина. В свою очередь, использование протокола Taproot Assets расширяет функциональность биткоина, обеспечивая поддержку таких токенизированных активов как USDt, сохраняя при этом децентрализованную природу блокчейна¹⁶.

О деталях возможного функционирования всей системы взаимодействия биткоина со стейблкоинами судить еще рано, однако уже имеются некоторые заслуживающие внимания предварительные оценки. Прочитируем уже упомянутых выше представителей швейцарского бизнеса: «Суть этой темной игры очень проста — намеренно раздуть биткоин для привлечения денег в интегрированный с ним и обеспеченный госбумагами стейблкоин, чтобы снять давление с ФРС и заставить инвесторов, а не центральный банк, нести бремя государственного долга США» (Piepenburg, 2025). Другими словами, волатильный, но обещающий возможный большой выигрыш биткоин становится заманчивой «морковкой» в большой игре, где ставкой является выживание доллара как резервной валюты, и для его спасения создается новый стандарт, который позволяет пришедшим к власти наследникам глобалистской элиты использовать в своих целях средства сотен миллионов инвесторов со всего мира. При этом парадоксальным образом USDt характеризуется как по сути цифровой доллар (то есть разновидность цифровых валют центрального банка, которые запрещены Трампом), поскольку он обеспечен американскими госбумагами. В конце концов авторы цитируемого материала задают риторический вопрос: «А что, если биткоин был намеренно (и ложно) запущен как независимая, децентрализованная, антиправительственная альтернативная валюта (чтобы завоевать популярность, поддержку и обществен-

¹⁶ Tether Brings USDt to Bitcoin's Lightning Network, Ushering in a New Era of Unstoppable Technology - Tether.io (электронный ресурс) <https://tether.io/news/tether-brings-usdt-to-bitcoins-lightning-network-ushering-in-a-new-era-of-unstoppable-technology/>.

ный интерес) только потому, что его конечное использование было полностью противоположно его изначальному сюжету?» (Piepenburg, 2025).

За неимением конкретной, подтверждающей эту точку зрения информации мы воздержимся от того, чтобы объявить себя ее сторонниками, но обратим внимание на то, что швейцарские предприниматели не одиноки в своей критической оценке биткоина. Так, профессор Катасонов приводит обширный материал, доказывающий, что биткоин не просто не является ни анонимным, ни децентрализованным инструментом, но и, вполне вероятно, мог быть создан американскими спецслужбами для целей проведения тайных платежей. При этом среди пишущих на тему «Биткоин и американские спецслужбы» он особо выделяет Ника Картера (Nic Carter), который, в свою очередь, аргументированно показывает, что биткоин мог быть создан лишь на фундаменте тех наработок, которые делались еще в последние два десятилетия прошлого века в рамках АНБ. Основной вклад в создание этого фундамента сделал сотрудник АНБ математик Гленн Лилли (Glenn M. Lilly), который позднее занял пост руководителя отдела математических исследований АНБ (Катасонов, 2024).

К этому можно добавить информацию об авторах протокола ISO20022 Compliant Blockchain Compatibility, который можно характеризовать в качестве пропуска для доступа к системе блокчейна. Этот соответствующий стандарту ISO протокол был разработан группой бывших сотрудников АНБ, которые, кроме того, очень кстати, еще до создания биткоина, придумали эксклюзивную инфраструктуру Ripple (XRP). Приведенная информация свидетельствует о том, что выкладки, приведенные профессором Катасоновым, по крайней мере являются небезосновательными.

Весьма критически относится к биткоину и российский эксперт, автор телеграм-канала *spydell_finance*, Павел Рябов. Можно вполне согласиться с его точкой зрения, в соответствии с которой «крипторынок не создает внутренней экономической ценности (как, например, компания, производящая товары или услуги), и в целом не генерирует добавленную стоимость для экономики за исключением инфраструктуры, существующей, как „вещь в себе“»¹⁷. Однако, опираясь на тезис о том, что в своей основе крипторынок — это антипод доллару, он настаивает на идее о том, что все инициативы и действия «криптоманов» из команды Трампа наносят прямой ущерб национальной безопасности, ставя монополию доллара в уязвимое положение, в то время как кроме монополии доллара у США остается не так много рычагов¹⁸.

Здесь, на наш взгляд, требуется более нюансированный подход, поскольку целесообразно все же учитывать наличие по крайней мере теоретических возможностей для манипулирования биткоином, о которых говорилось выше. Но приведенная идея может оказаться вполне плодотворной в том плане, что нельзя исключать такого развития событий, при котором нынешние инициативы американского руководства являются лишь одним из этапов на пути системного изменения МВС и, соответственно, «криптомания» команды Трампа

¹⁷ t.me/spydell_finance/6650.

¹⁸ t.me/spydell_finance/6654.

может быть мгновенно отменена как, например, был отменен — правда, никогда еще не эмитированный — цифровой доллар, FED COIN.

В этом контексте необходимо обратить внимание на неоднозначный характер отношений властей с ФРС. На поверхности речь идет как будто об обострении противоречий между правительством и Федеральным резервом, о чем свидетельствуют, прежде всего, некоторые высказывания самого Трампа. Об этом же пишут, например, и П. Рябов¹⁹, и В. Катасонов (Катасонов, 2025)²⁰. Вместе с тем, нельзя забывать, что в истории уже был случай, когда два конкурирующих института, Казначейство США и ФРС, максимально сплотили свои усилия для противостояния опасности, носившей экзистенциальный характер. Речь идет о соглашении, которое действовало с 1942 по 1951 г. Нельзя исключать и того, что похожим образом оба ведомства могут действовать и в настоящее время, в моменты, критические для всей системы, тем более, что прецедент уже был: во время кризиса ликвидности в сентябре 2019 г. де-факто конкурирующие институты смогли согласованно принять носившие чрезвычайный характер меры для преодоления острой фазы этого кризиса²¹.

Заключение

Сдвиги в МВС начались во второй половине 2023 г. Именно тогда остро встала проблема восполнения дефицита в обеспечении денежной массы твердыми активами или хотя бы их суррогатами. Эту проблему было решено осуществить путем выдвигания на первый план такого актива, который мог бы стать суррогатом золота, при одновременном контролируемом росте цен на золото. И этим активом стали не цифровые деньги центрального банка (CBDC), которые не обладают необходимой волатильностью, а, в первую очередь, децентрализованные крипто в лице биткойна.

Одновременно было принято решение продолжить борьбу с инфляцией, создавая при этом механизм погашения федерального долга на основе формирования нового валютного стандарта. И в решении этой задачи ставка была сделана на криптовалюту, поскольку теоретически именно разгон крипто представляется самым оптимальным способом создать основу для увеличения денежной массы в условиях ужесточения ДКП. При этом особое внимание стало уделяться продвижению стейблкоинов, обеспеченных казначейскими обязательствами США, которые в связке с биткойнами должны были помочь привлечь инвестиции со всего

¹⁹ «Рост значимости стейблкоинов и DeFi-платформ может представлять угрозу для традиционной банковской системы, подрывать монетарный контроль ФРС и создавать нестабильность в момент кризиса ликвидности». t.me/sprydell_finance/6654.

²⁰ «Назревает очень серьезная коллизия между 47-м президентом США и его командой, с одной стороны, и Джеромом Пауэллом и Федеральным резервом, с другой стороны».

²¹ ФРС начала очередной раунд наращивания денежной массы 17 сентября 2019 г., то есть задолго до пандемии. Спусковым крючком для принятия чрезвычайных мер стало обрушение межбанковского рынка Нью-Йорка — процентные ставки на нем к середине сентября в 10 раз превысили целевую ставку ФРС, что означало лишь одно — Уолл-Стрит оказался на грани системного кризиса. О его возможных масштабах говорят суммы, которые Федеральное резерв направил целому ряду ведущих мировых банков. В общей сложности ФРС предоставила экстренные кредиты РЕПО на сумму 19,9 трлн долл.

мира с тем, чтобы снять давление с ФРС и заставить инвесторов, а не центральный банк, нести бремя государственного долга США. Выдвигается даже идея о полном обеспечении стейблкоинов американскими госбумагами. Что касается биткоина, то выдвигается версия, в соответствии с которой биткоин был намеренно запущен как независимая, децентрализованная, антиправительственная альтернативная валюта (чтобы завоевать популярность, поддержку и общественный интерес) в то время как его конечное использование должно быть полностью противоположно его изначальному сюжету. В результате получается, что децентрализованный инструмент может служить централизации.

Нельзя исключать и такого развития событий, при котором нынешние инициативы американского руководства являются лишь одним из этапов на пути системного изменения МВС и, соответственно, «криptomания» команды Трампа может быть мгновенно отменена как, например, был отменен — правда, никогда еще не эмитировавшийся — цифровой доллар. В этом контексте довольно противоречивыми выглядят отношения Казначейства США с ФРС. На поверхности речь идет об их обострении, но по сути есть признаки того, что обе ветви денежных властей уже не один год действуют заодно.

Список источников

1. Катасонов В.Ю. Непростые отношения американского президента с главой ФРС могут кончиться революцией. Фонд стратегической культуры, 28 января 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://fondsk.ru/news/2025/01/28/neprostye-otnosheniya-amerikanskogo-prezidenta-s-glavoy-frsmogut-konchitsya> (дата обращения: 27.02.2025).
2. Катасонов В.Ю. Профессор Катасонов: Биткоин для России — подмога или «крючок»? Свободная Пресса, 26 декабря 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/444180/> (дата обращения: 27.02.2025).
3. Fidelity Digital Assets 2025, Look Ahead. URL: <https://fwc.widen.net/s/zbhjbmpggq/fda-2025-look-ahead-report-v6> (дата обращения: 27.02.2025).
4. Anneke Kosse, Ilaria Mattei. BIS Papers No 136. Making headway — Results of the 2022 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. Bis.org. URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap136.pdf> (дата обращения: 27.02.2025).
5. Matthew Piepenburg. BTC: Desperate Times Require Centralized Measures. Vongreyerz.gold. January 26, 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://vongreyerz.gold/btc-desperate-times-require-centralized-measures?utm_medium=email&_hsenc=p2ANqtz-SiZUfcz2xvYXP2bhT7yevErA2vSUDmpmvKSMclRnJqKpObCOXzes5urTDSKX8p9dpiZyx6Lvc45zG7bg9KWM4AQu4ZQ&_hsmi=103328922&utm_content=103328922&utm_source=hs_email (дата обращения: 27.02.2025).
6. Adrian Tobias, Tommaso Mancini-Griffoli. The Rise of Payment and Contracting Platforms. Imf.org. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2023/06/16/The-Rise-of-Payment-and-Contracting-Platforms-534794> (дата обращения: 27.03.2025).
7. III. Blueprint for the future monetary system: improving the old, enabling the new. Bis.org. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2023e3.htm> (дата обращения: 27.02.2025).

References

1. Katasonov V.Yu. The difficult relationship between the American president and the head of the Federal Reserve System may end in a revolution. Strategic Culture Foundation. January, 28, 2025. URL: <https://fondsk.ru/news/2025/01/28/neprostye-otnosheniya-amerikanskogo-prezidenta-s-glavoy-frsmogut-konchitsya>. (In Russ.)

2. Katasonov V.Yu. Professor Katasonov: Bitcoin for Russia – a help or a “hook”? Free Press. December, 26, 2024. URL:<https://svpressa.ru/blogs/article/444180/>. (In Russ.)
3. Fidelity Digital Assets 2025, Look Ahead. URL: <https://fwc.widen.net/s/zbhjbmpqqg/fda-2025-look-ahead-report-v6>.
4. Anneke Kosse, Ilaria Mattei. BIS Papers No 136. Making headway – Results of the 2022 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. Bis.org.. URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap136.pdf>.
5. Matthew Piepenburg. BTC: Desperate Times Require Centralized Measures. Vongreyerz. gold, January 26, 2025. URL: https://vongreyerz.gold/btc-desperate-times-require-centralized-measures?utm_medium=email&_hsenc=p2ANqtz-SiZUfcz2xvYXP2bhT7yevErA2vSUDmpmvKSMcIRnJqKpObCOXzes5urTDSKX8p9dpiZyx6Lvc45zG7bg9KWM4AQu4ZQz&_hsmi=103328922&utm_content=103328922&utm_source=hs_email.
6. Adrian Tobias, Tommaso Mancini-Griffoli. The Rise of Payment and Contracting Platforms. Imf.org. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2023/06/16/The-Rise-of-Payment-and-Contracting-Platforms-534794>.
7. III. Blueprint for the future monetary system: improving the old, enabling the new. Bis.org. URL: <https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2023e3.htm>.

Информация об авторах

Рябухин С.Н. – доктор экономических наук, Сенатор Российской Федерации, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам; директор, НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Беленчук С.И. – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Минченков М.А. – заместитель директора, НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Водянова В.В. – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Заплетин М.П. – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Information about the authors

Ryabukhin S.N. – Doctor of Economics, Senator of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets; Director, Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Belenchuk S.I. – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Minchenkov M.A. – Deputy Director, Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Vodianova V.V. – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Zapletin M.P. – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher, Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 29.07.2025.

**Творческий потенциал человека: культура,
образование, практики**

A person's creative potential: culture, education, practices

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 103–113.

Russian Economic Journal. 2025;(4):103–113.

Научная статья

УДК 330

<https://doi.org/>

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Bulavka-Buzgalina Lyudmila A.,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Аннотация. Актуальность проблемы субъекта творчества сегодня диктуется возрастанием объективного запроса на такую парадигму развития ведущих сфер общественной жизнедеятельности, которая, с одной стороны, определяла бы более высокую степень их эффективности, с другой – обуславливала более точный и строгий характер соотношения их с задачами обеспечения социально-экономического и технологического суверенитета страны. А без человеческого фактора эти вопросы решить невозможно. В связи с этим вопрос человеческого потенциала заявляет себя уже в более развернутой форме – как проблема развития субъекта творчества. Это развитие требует, с одной стороны, необходимой материально-технической основы, с другой – включения индивида в сферы образования и культуры, причем, что очень важно – в качестве субъекта. Но это включение предполагает одновременно еще один вид деятельности – разотожднение, связанное уже со снятием превратных форм не только образования, культуры, но и самих способов включения в них. Необходимость диалектической взаимосвязи всех этих сторон есть важнейшая основа развития творческого потенциала человека и соответственно его субъектности; более того, она является основополагающей практически для всех сфер его общественной жизнедеятельности. Всеобщность этой основы в этом случае обретает характер культурно-гуманистической связующей всех сторон жизнедеятельности как человека, так и общества в целом. А это есть важнейшая предпосылка становления сферы образования и науки как пространства культуры, пространства субъектно-творческого бытия индивида.

Ключевые слова: культура, творчество, отчуждение, образование, человек, рынок, капитал, симулякр.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 23-18-00508.

Для цитирования: Булавка-Бузгалина Л.А. Творческий потенциал человека: культура, образование, практики // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 103–113. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2025_3_120.

Abstract. The relevance of the subject of creativity problem today is dictated by the increasing objective demand for such a paradigm of development of the leading spheres of social life, which, on the one hand, would determine a higher degree of their efficiency, on the other hand, would determine a more precise and rigorous character of their correlation with the tasks of ensuring the country's socio-economic and technological sovereignty. And without the human factor, these issues cannot be solved. In this regard, the issue of human potential is already in a more detailed form – as a problem of the development of the subject of creativity. This development requires, on the one hand, the necessary material and technical basis, and, on the other hand, the inclusion of the individual in the spheres of education and culture, and, most importantly, as a subject. However, this inclusion also involves another type of activity: de-alienation, which involves the removal of the distorted forms of not only education and culture, but also the methods of inclusion in them.

Keywords: culture, creativity, alienation, education, human, market, capital, simulacrum.

Acknowledgement: The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation as part of scientific project No. 23-18-00508.

For citation: Bulavka-Buzgalina L.A. A person's creative potential: culture, education, practices. Russian Economic Journal. 2025;(4):103–113. (In Russ.). https://doi.org/10.52210/0130-9757_2025_3_120.

Вступление

Одним из базовых условий социально-экономического развития современной России (Лапин, 2014, с. 13–18) является обеспечение, с одной стороны, экономического и технологического прорыва ее на уровень наиболее развитых стран мира, с другой — развития культурно-исторического лица страны, общества, человека.

Это положение, в свою очередь, дает ключ к пониманию содержания, в частности, такой проблемы как роль образования и культуры в развитии экономического роста. Актуальность значения этой взаимосвязи сегодня отмечается не только экономистами, социологами, но и теми, кто непосредственно включен в процессы производства.

А это в свою очередь задает характер и меру решения такой задачи, которая сегодня официально определяется как одна из приоритетных, стоящих на повестке геополитического развития современной России, имея в виду задачу, связанную с обеспечением ее суверенитета, причем как экономического, технологического, цифрового, так и культурного. Но здесь очень важно понимать, что вопрос суверенитета не должен сводиться к «узконациональному» значению, ибо уже само это понятие вступает в противоречие с российской реальностью, которая характеризуется широким национальным представительством, богатым многообразием культур и языков.

Субъектность

Вопрос внутреннего суверенитета связывают с такими понятиями, как государство, властные структуры, социальные институты, законы, гражданские права и свободы, но при этом, как правило, упускается такой значимый фактор суверенитета как *субъектность* индивида, причем во всем многообразии ее проявления: экономической, социальной, культурной.

Императив субъектности нельзя редуцировать лишь к тому или иному значению понятия «субъективное». Это обусловлено внутренним противоречием самого понятия «субъектность»: человек, будучи объективным продуктом общественных отношений, свою сущность проявляет через свое личностное (конкретно-всеобщее) начало, которое он заявляет через свою систему представлений, убеждений, чувств, волю, потребности, принципы, этическое кредо и наконец поступки, т.е. через все то, что несет на себе печать субъективности, но при этом всякий раз может иметь, совершенно разную подоплеку и соответственно разную этическую коннотацию. Впрочем, это в равной степени относится к императиву субъектности, значение которого всякий раз обусловлено конкретностью актора действия и его контекста.

Поэтому во всей цепи вышеобозначенных взаимосвязей, автор статьи остановится на их центральном перекрестье, которое связано с понятием «человек как общественный субъект». Но его содержание, его природа, его созидательный потенциал обусловлены не только характером господствующих общественных отношений, но и уровнем образования индивида и мерой включения его в мир культуры.

Актуальность последнего в значительной степени продиктована тем, что эффективность развития социально-экономической системы возможна только

в случае, если оно будет ориентировано на человека, но не как механического исполнителя чужих решений, не как пассивный результат отношений отчуждения, а как творчески-деятельностного субъекта, включенного в созидание новых общественных отношений, ориентированных на развитие человека как созидателя, какой бы сферы это ни касалось. Но этот вопрос не может решаться на основе только экономики или только культуры, здесь необходим подход с позиции их диалектического единства.

Творчество

Культуры без человека не может быть. Более того, культуры не может быть и вне диалога и это действительно так, ибо уже сама ее природа диалогична, что в полной мере проявляется через феномен человека, который, будучи ее автором, одновременно является и ее адресатом. Глубина и содержательное богатство этого диалога обусловлено тем, насколько индивид не отчужден от действительности, какова мера включения его в культуру, каков уровень его образования. А ведь именно это как раз и составляет базовую основу творческого потенциала человека. Но эффективность его реализации определяется уже другой стороной его жизнедеятельности, а именно той, которая связана с включением индивида в практики уже общественных преобразований. И как результат этого – появление новых общественных отношений, которые становятся предпосылкой развития уже самого человека как содержательного средоточия культуры. Так при условии включения индивида, с одной стороны, в мир культуры, с другой – в практики общественных преобразований, его творческий потенциал становится саморазвивающимся. Это положение еще раз подтверждает, что творческий потенциал индивида нельзя «сделать» посредством лишь организационных, финансовых и административных усилий и ресурсов, наряду с этим требуется еще диалектическое единство двух процессов: *распрямления - опредмечивания* в мире культуры и *разотчуждение* – в сфере социальных отношений. Другими словами, творческий потенциал как любой феномен культуры требует своего становления / *возвращения* и что важно – именно в деятельности, что в свою очередь становится основой другого, но диалектически связанного с ней процесса – процесса *самовращения* уже самого индивида как творца, причем одновременно в двух своих ипостасях: как субъекта культуры и как субъекта социального творчества.

Но ведь творческая деятельность, как и его субъект, равно как и его творческий потенциал, требующие соответствующих материальных и социальных условий для своего воспроизводства, реализоваться могут лишь в творческой деятельности, в противном случае, как это бывает, когда эти практики обретают бюрократические или коммерческие формы, творческий потенциал неизбежно попадает во власть превратных отношений, трансформирующих его в очередной симулякр.

Конечно, запрос на творческий потенциал сегодня есть и прежде всего со стороны производства, коммерческих структур, но за этим в действительности, как правило, стоит интерес, связанный с получением дополнительной прибыли, поэтому творческий работник в этом случае рассматривается главным образом как инструмент и ресурс, но не как субъект творчества. В своей работе, посвящен-

ной политэкономическому анализу проблемы потребления творчества и знаний современным капиталом, ее авторы А.В. Бузгалин и А.И. Колганов достаточно полно раскрывают сущность этого отношения; «Творческая активность человека, обретение новых знаний и их применение все более нацелены на такие формы извлечения прибыли, которые связаны с финансовыми спекуляциями, манипулированием финансовым рынком, манипулированием поведением потребителя, формированием иллюзорных, фальшивых потребностей и столь же иллюзорных способов их удовлетворения» (Бузгалин, Колганов, 2012).

И далее продолжает А.И. Колганов: «...творцы подобных иллюзий – материальных, финансовых, духовных и т.д. – выдвигаются на первый план. Финансовые спекулянты, маркетологи, рекламщики, создатели артефактов массовой культуры, специалисты по идеологическому и политическому манипулированию и прочие из того же разряда занимают почетное и хорошо оплачиваемое место, заслонив собой ученых, педагогов, врачей, инженеров...» (Колганов, 2024, с. 15)

Конечно, нельзя отрицать того, что современный капитализм задал тот ход технологическому развитию производства, который востребовал творческий потенциал, но уже не отдельных талантов, а масс. Но этот запрос обнаружил противоречие, которое А.В. Бузгалин сформулировал следующим образом: «Массовый творческий труд возможен и необходим, а современные формы капитала, прежде всего финансового, не могут обеспечить его достойное (вызывающее активный прогресс производительности труда и человеческих качеств) использование и сами переживают период стагнации» (Бузгалин, 2018б).

В развитие этой мысли А.И. Колганов писал следующее: «Можно сказать и резче: производственные отношения капитала, вызвав к жизни массовую творческую деятельность, загоняют ее в такие рамки, которые не дают возможности в полной мере использовать творческий потенциал человека. Более того, они нередко направляют использование этого творческого потенциала против самого человека» (Колганов, 2024, с. 17).

Узость взглядов с позиции интересов капитала не позволяет увидеть конкретно-всеобщее значение культуры и образования для решения целого ряда вопросов, в той или иной степени определяющих эффективность производства: это и условие труда, и рост квалификации рабочих, и вопрос взаимодействия работников, и эффективность управления, и умение работника осваивать и применять новые знания в связи с освоением новых технологических разработок и т.д.

Менеджер вместо субъектности

Созидательно-деятельностное становление творческой субъектности индивида как *конкретно-всеобщее отношение* становится важнейшей основой саморазвития уже и самой системы в целом. В рамках же господствующей сегодня системы регулирования социально-экономического развития опорной фигурой является не субъект творческой деятельности, а менеджер, который в силу уже своего функционального предназначения не может мыслить действительность как мир сложнейших социальных и экономических взаимосвязей, причем как нечто целостное. При решении своих управленческих задач он, как правило, опирается

на систему формального регулирования тех или иных отношений, что объективно приводит к нарастанию *эффекта отчуждения* его от действительности, ее реальных проблем и противоречий. Человеку-функции объективно недоступно творческое умение связывать конкретность поставленной задачи с *конкретно-всеобщим* содержанием контекста и диалектическим пониманием всего многообразия его противоречий. В итоге проблема снятия отчуждения *экономического человека* от мира культуры и творчества становится еще более актуальной.

Подчеркивая и не раз значение взаимосвязи экономических и производственных отношений с культурой, хочется напомнить еще одну закономерность мира отчуждения: самый замечательный императив в условиях господства превратных форм действительности, исключающих при этом возможность разрешения порождающих их противоречий, сам становится еще одним феноменом отчуждения, способствующим трансформации творческих сил человека, равно как и самой культуры в фиктивные сущности /симулякры.

Культура как рынок

А как обстоят дела с современной культурой? Она, как и все остальные сферы общественной жизнедеятельности, сегодня тотально подчинена власти капитала и рынка, что неизбежно влияет на содержание и характер развития уже самой культуры. Тотальная власть рыночных отношений, стихийный характер их проявлений, невозможность подчинения их воле и интересам индивида – все это приводит к притуплению его критического отношения к действительности, как и к самим ее превратным формам. В конечном итоге происходит формирование того типа сознания, которое можно определить, если использовать понятие З.И. Файнбурга, как «религиозноподобный» (Файнбург 1972, 28). Оно проявляется в убежденности индивида, что законы исторического развития не имеют власти над институтом рынка: он был, есть и будет всегда, что как раз и составляет суть того, что именуется «товарным фетишизмом», современная модификация которого сегодня имеет уже несколько иное определение – фетишизм товаров-знаков, товаров-симулякров (Бодрийяр 2000; 2007; Бурдье 1993; Бузгалин, Колганов 2012). Все это в полной мере имеет место и в области культуры.

Культура же, как известно, это мир, главное средоточие которого связано с проблемой становления родовой сущности *Человека*, подчинение же ее законам рыночных отношений, диктующих принципиально иные приоритеты и прежде всего наживу, в итоге приводит ее к генной мутации в результате которой происходит качественное изменение, затрагивающее но уже сами основы культуры.

Так появляется мутационная модификация культуры: симулятивная – по содержанию и рыночная – по форме. Сущность этой новой модификации – симулякр. В основе его генезиса лежит не творческая деятельность человека как таковая, а ее распад / разложение или говоря иначе – умерщвление самой предметно-преобразующей деятельности, что в итоге приводит к порождению мира «мертвых вещей» и что особенно усугубляется еще таким фактором, как экспансия рынка симулякров, вызывая мутацию уже самого процесса творчества.

Так симулякр как продукт отчуждения от деятельности сам порождает отчуждение, но уже от основ собственного развития, что в конечном итоге приводит его к онтологическому тупику. Именно в силу этого симулякр не может быть распределен-определен, ибо его суть есть *ничто*, и потому оно, как таковое, диалектически снято быть не может.

В связи с этим напомним определения этих понятий, разработанных советским философом Г.С. Батищевым. Как известно, предметно-творческая деятельность, лежащая в основе мира культуры, осуществляется через диалектику процессов опредмечивания и распределмечивания. Сущность этих понятий, согласно Г.С. Батищеву есть такая предметная деятельность, в ходе которой, в первом случае, «человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем» (Батищев, 1967, с. 154-155), то есть становятся «человеческим предметом» (Маркс, 1956, с. 593), а во втором — «свойства, сущность, “логика предмета” становятся достоянием человека, его способностей» (Батищев, 1967, с. 154-155). Но результатом этой деятельности и в том, и в другом случае является тот или иной феномен культуры, наследующий смыслы и ценности предшествующих культурных практик.

Правда товар-симулякр может иметь бренд, но это не столько «вещь», сколько ее *знак*, причем *пустой* знак, ибо он возникает как результат отрицания той деятельности, которая порождает «вещь» и которую он должен презентовать, но он представляет отсутствие таковой, т.е. в полном соответствии с известным выражением — «присутствие всякого отсутствия».

Вот почему феномен рыночной модификации культуры нельзя назвать «человеческим предметом» (Маркс, 1956, с. 593) и потому он не может быть основанием развития творческого потенциала человека.

Образование и знание

Решение проблемы роста экономической эффективности помимо соответствующих материальных, технологических условий и культуры требует еще одно, которое имеет прямое отношение к проблеме развития творческого потенциала человека, имея в виду систему образования.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов. На какой основе сегодня индивид включен в систему образования? Какова общественная природа этого процесса? В какой мере она формирует творческую субъектность индивида, а значит и его творческий потенциал? Какой тип знания отвечает императивам деятельности человека?

Если мы посмотрим на систему российского образования, то мы увидим, что и здесь имеют место те же самые проблемы, о которых мы писали чуть выше в связи с ситуацией в культуре. Это подтверждают и экспертные заключения, например, такого специалиста по этим вопросам, как Н.Г. Яковлева: «В постсоветской России произошло подчинение социальной сферы, в частности, образования, рынку, капиталу и бюрократии. Это подчинение реализуется в форме коммерциализации, приводящей к тому, что система образования всё более подчиняется целям роста денежного дохода» (Яковлева, 42). Наряду с этим есть еще одна боль-

шая проблема – маркетизация всех её участников и институтов. Маркетизация, как отмечает Н.Г. Яковлева, связана с подчинением социальной сферы не только рыночной конъюнктуре, но и непосредственно специфическим целям получения капиталистического коммерческого результата (Яковлева, 42).

Все это вызывает много вопросов, но вектором поиска ответов на них могут послужить те практики социально-экономического развития страны, которые показали и не раз, что их эффективность была возможной только тогда, когда человек был деятельностным субъектом этого развития, а не его функцией и ресурсом.

Сегодня же власть капитала, поглощая не только экономику, но и все составляющие социокультурной сферы, подчиняет их общественное бытие законам собственного хронотопа – здесь и сейчас. Но ведь все то, что отвечает законам мира культуры (искусство, воспитание, наука, образование) не может полноценно развиваться по законам того хронотопа, где время – деньги, пространство – рынок уже хотя бы потому, что он исключает такое понятие как «длительность», измеряемую, но уже не метрами и не часами, а полнотой процесса диалектического становления того или иного феномена *идеального* (идеи, образа, мысли, отношения). Может быть, поэтому сегодня заметно ослаб интерес к самой процессуальности того же чтения, наблюдения, мышления, переживания, созидания и т.д.

Потребительство как экзистенция диктует клиповый ритм бытия – все не связано, быстро и на ходу. Более того, потребительство трансформирует уже само значение тех сфер общественной жизнедеятельности, которые обуславливают развитие человека и его творческого потенциала. И примеров такой превратной трансформации сегодня немало: образование как условие социальной карьеры, культура как атрибут престижного потребления, практика – как сфера бизнеса, обучение как услуга и т.п.

Превратных изменений не избежало и значение такого феномена как познание, которое сегодня не связывается ни с каким деятельностным целеполаганием. Само же знание сегодня существует и как товар, и как средство карьерного роста, и как система знаков навигации в рыночном пространстве, и как массив информации, взятый вне причинно-следственных связей.

Более того, сегодня разорвана диалектическая взаимосвязь таких понятий как образование, культура, практика, за которой стоит процесс становления творческого потенциала человека и его субъектности. Вот почему каждая из составляющих творческий потенциал человека сегодня существует автономно и отчуждено от их целостной взаимосвязи: культура отчуждена от практики и образования, а практика – от образования и культуры. Растет разрыв отчуждения культуры от знания.

Надо сказать, что господствующее сегодня отчуждение человека, с одной стороны, от действительности, с другой – от общественно-преобразующей деятельности накладывает свою печать на все стороны жизни как общества, так и человека, включая процесс познания, равно как и само знание, которые в итоге обретают целый ряд превратных черт. Вот некоторые из них:

- знание *не ориентировано на задачи преобразования действительности;*
- у знания *отсутствуют приметы исторического времени;*
- знание *не есть результат открытия* – оно заемное;

- специализированное знание *не связано с общей картиной мира*;
- знание *лишено авторства: имя заменяет цифра*;
- знание *отчуждено от способов и форм*, фиксирующих противоречия действительности (диалектики);
- знание *не связано с мышлением*;
- интерес к знанию нередко носит *кроссвордный характер*;
- знание *рассматривается вне причинно-следственных связей*;
- знание *отчуждено от общественных идеалов и этических принципов*;
- *отсутствует познание как открытие мира: «мир как супермаркет, в котором нет новых вещей, а есть лишь незнание о них».*

Так вместо субъекта творческого познания формируется потребитель как функция знаний. Понятно, что в качестве альтернативы здесь может выступить только субъект социального и культурного творчества.

Но проявление субъектной сущности индивида в условиях мира отчуждения объективно не может избежать власти превратных форм ее выражения. Вот почему, говоря о проблеме взаимосвязи культуры и общественной практики индивида, автор постоянно акцентирует необходимость разделения действительной сущности таких понятий как «субъектность» и «культура» от симулятивных форм их проявления. Применительно к данной статье, говоря о проблеме снятия отчуждения *экономического человека* от культуры, автор подчеркивает, что в качестве субъекта экономико-технологической перезагрузки системы должны выступать не те, кого А. Бузгалин называет игроками современного казино-капитализма и которые в сущности есть *симулятивные субъекты* очередной модернизационной компании по реализации еще одного бизнес-проекта, а те, кто являет собой *ассоциированного субъекта*, включающего в себя как профессионалов-производственников, так и научных экспертов, представителей профсоюзов и других общественных организаций, в том числе, представляющих сферу культуры и образования.

В сущности, это и есть пример конкретного содержания того общественного отношения, которое автор определяет как «разотчуждение», суть которого есть «*снятие конкретно-исторических форм отчуждения посредством особого вида творческой деятельности, созидающей не только некий готовый результат («вещь»), но и новое общественное отношение, несущее в себе развернутую логику его сотворения (становления)*». Другими словами, *разотчуждение* есть такой вид творческой деятельности, результат которой, «овеществляясь» в том или ином социальном, культурном или художественном феномене, в то же самое время сохраняет в себе логику своего становления, то есть логику самой породившей его общественно-человеческой деятельности (Булавка-Бузгалина, 2018).

Так разотчуждение становится важнейшим условием освобождения индивида от власти превратных форм существования в качестве функции капитала, рынка, бюрократии, социальных сетей, «культуры» как системы развлечений, в результате чего уже и сам творческий потенциал человека получает качественно новые импульсы своего развития.

Таким образом, творческая деятельность, ориентированная на снятие господствующих форм отчуждения, становится предпосылкой, процессом и результатом

развития диалектической взаимосвязи экономики, культуры, образования как целостной системы общественных отношений, в рамках которой возможно воспроизводство и развитие человека как субъекта социального творчества, равно как и его творческого потенциала.

И уже в этом случае программа экономико-технологического обновления производства при сохранении всех исходных ее параметров и задач обретает перспективу своего развития, но уже как социального проекта, предполагающего качественную перезагрузку не только своей собственной основы, но самое главное – его субъекта и его творческого потенциала.

Список источников

1. Батищев Г.С. (1967). Определенность и распределенность // Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Издательство «Советская энциклопедия». С. 154–155.
2. Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6.
3. Бузгалин А.В. (2018b). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономики. № 2. С. 10–38.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2012). «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. № 11. С. 31–42.
5. Колганов А.И. Значение человеческого потенциала как фактора и критерия социально-экономического развития // Экономическая наука современной России (ЭНСР), 2024, № 3 (106). С. 20.
6. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8-19; Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3-18.
7. Файнбург 1972 – Файнбург З.И. Развитие социалистического общества – научно-техническая революция: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - Ростов н/Д, 1972.
8. Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023 Том 19 № 1. С. 36–46.

References

1. Batishchev G.S. (1967). Reification and de-reification. A philosophical encyclopedia: in five volumes. Ed. by F.V. Konstantinov. Vol. 4. Moscow: Publishing House «Soviet Encyclopedia», pp. 154–155 (in Russian).
2. Bulavka-Buzgalina L.N.A. N. Alienation: from philosophical abstraction to socio-cultural practices // Questions of philosophy. 2018. № 6.
3. Buzgalin, A.V. (2018b). Late Capitalism and Its Limits: The Dialectics of the Productive Forces and Production Relations (on the 200th Anniversary of Karl Marx's Birth) // Issues of Political Economy. No. 2. Pp. 10–38/
4. Buzgalin, A.V., Kolganov A.I. (2012). «Capital» of the twenty-first century: the simulacrum as an object of analysis for critical Marxism. Voprosy Filosofii, no. 11, pp. 31–42.
5. Kolganov, A.I. The Importance of Human Potential as a Factor and Criterion of Socio-Economic Development // Economic Science of Modern Russia (ESMR), 2024, No. 3 (106), p. 20.
6. Lapin, N.I. Problems of Forming a Concept and Human Dimensions of the Strategy for the Phased Modernization of Russia and Its Regions // Sociological Research. 2014. No. 7. Pp. 8-19; Lapin, N.I. Sociocultural Factors of Russian Stagnation and Modernization // Sociological Research. 2011. No. 9. Pp. 3-18.
7. Feinberg 1972 – Feinberg Z.I. The Development of Socialist Society and the Scientific and Technical Revolution: Abstract of Dissertation ... Doctor of Philosophy. - Rostov-on-Don, 1972.

8. Natal'ya G. Yakovleva. Russian Education: Global and National Challenges to the Formation of Human Potential // Living Standards in Russian Regions. 2023. Volume 19. No. 1. pp. 36-46.

Информация об авторе

Булавка-Бузгалина Л.А. – доктор философских наук, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Bulavka-Buzgalina L.A. – PhD, Director of the Scientific and Educational Center for Modern Marxist Studies. Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.

Опережающее развитие российского Дальнего Востока в условиях миграционного оттока населения

The Far East of Russia advance development on the cusp of ongoing migration losses

Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 114–128.

Russian Economic Journal. 2025;(4):114–128.

Научная статья

УДК 332.1, 331.1, 005.05

<https://doi.org/>

Терентьева Татьяна Валерьевна,

Владивостокский государственный университет,

Владивосток, Россия

Tatyana.Terenteva@vvsu.ru

Андреев Вячеслав Андреевич

Владивостокский государственный университет,

Владивосток, Россия

andreev_va@inbox.ru

Terent'eva Tat'ayna V.,

Vladivostok State University,

Vladivostok, Russia

Tatyana.Terenteva@vvsu.ru

Andreev Viacheslav A.,

Vladivostok State University,

Vladivostok, Russia

andreev_va@inbox.ru

Аннотация. Тезис «опережающее развитие» определяет суть стратегии развития Дальнего Востока России на долгосрочный период. Закрепление населения в регионе одна из стратегических задач, которая, пока, не находит должного решения. Население округа продолжает убывать на фоне реализации крупномасштабных проектов в экономике. Закономерен вопрос – существует ли риск замедления темпов роста экономики в субъектах Дальневосточного федерального округа с учетом миграции населения за пределы региона? Анализ статистических данных не указывает на сколько-нибудь существенное снижение темпов инвестиционного, экономического и социального развития в Дальневосточном федеральном округе. Предположение, что миграционная убыль может отражаться в уменьшении или замедлении объемов производства и темпов роста валового продукта, не находит обоснованного подтверждения. Исследование показало, что факторы маятниковой миграции и внутрирегиональной трудовой миграции приобретают большее значение для жителей округа. Дефицит специалистов компенсируется встречной миграцией и повышением производительности, что обеспечивает относительную сбалансированность спроса и предложения на рынке труда регионов ДФО. Очевидно, что миграционная убыль не изменит парадигму сложившегося управления экономикой региона, основанную на активном использовании мер государственной поддержки инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: опережающее развитие, миграционная убыль, Дальний Восток России.

Для цитирования: Терентьева Т.В., Андреев В.А. Опережающее развитие российского Дальнего Востока в условиях миграционного оттока населения // Российский экономический журнал. 2025. № 4. С. 114–128. https://doi.org/_____.

Abstract. Thesis «advanced development» discloses the essence of a development strategy of the Russian Far East for a long-term period. Holding the population within the region is one of the strategic goals that, so far, have not found a proper solution. The population of the district continues decreasing amid the implementation of large-scale projects in the economy. A question in today's agenda – is there any risk of slowing down the economic growth in the Far Eastern Federal District, taking into account the migration of population outside the region? Analysis of statistical data does not confirm any significant decrease of the investment activity, economic and social development in the Far Eastern Federal District. An assumption that the migration processes may affect a decrease or slowing down in gross product is not confirmed. The study showed that the factors of a pendulum migration and intraregional labor migration are becoming more important for the residents of the district. Deficit of specialists is compensated by a counter-migration and productivity, which ensures a relative balance of supply and demand in the labor market of the Far Eastern Federal District regions. Obviously, the migration decline will not change the paradigm of the current running the region's economy, based on the active government's support of investment activities.

Keywords: advance development, migration losses, the Far East of Russia.

For citation: Terent'eva T.V., Andreev V.A. The Far East of Russia advance development on the cusp of ongoing migration losses. Russian Economic Journal. 2025;(4):114–128. (In Russ.). https://doi.org/_____.

Введение

Российский Дальний Восток имеет статус территории стратегической, приоритетной для Российской Федерации. На развитие округа направлены масштабные инвестиции, приняты особые меры государственной поддержки инвестиционной и хозяйственной деятельности. Данные меры включают правовые, институциональные и программные инструменты, цель которых — опережающее развитие экономики и социальной сферы. Тезис «опережающее развитие» означает, что общие для регионов Дальнего Востока России результаты развития экономики и социальной сферы должны быть существенно выше, чем среднероссийские. В качестве основного социального результата масштабных инвестиций определено «закрепление населения в регионе». Но население округа продолжает убывать, в 2023 г. миграционная убыль составила 14,2 тыс. человек, или 1,8 человека на 1000 населения [1].

Экономики дальневосточных регионов неоднородны по темпам роста производства и объему инвестиций, что делает тезис об опережающем развитии в значительной степени условным. Дальневосточный федеральный округ является трудодефицитным регионом, в экономике которого задействовано значительное количество трудовых мигрантов, по оценке до 22% в промышленности, и до 60–80% в строительстве¹. Попытки балансирования рынка труда за счет привлечения специалистов вахтовым методом в ряде отраслей промышленности, строительстве и сельском хозяйстве приводят к временному изменению количества рабочей силы. Но не к качественным изменениям в структуре спроса и предложения на региональном рынке труда.

Миграция населения и развитие экономики — взаимосвязанные процессы, отток усиливается на фоне негативных процессов в экономике, и, наоборот, начало реализации масштабных проектов обуславливает встречные потоки миграции. Основную часть выезжающих за пределы округа составляют граждане в трудоспособном возрасте 23–46 лет с профессиональным образованием и опытом работы, а наибольшая миграционная активность отмечается в возрастной группе 18–23 лет. В период 2020–2024 гг. миграционный отток населения из дальневосточных регионов в среднем составлял примерно 20 тыс. человек ежегодно. За этот же период численность рабочей силы сократилась примерно на 14 тыс. человек, а разрыв между оттоком и притоком только усилился [1]. По результатам выборочных опросов предпринимателей и руководителей организации, в Приморском крае нехватку квалифицированных специалистов с опытом работы отметили более 50% респондентов.

Следует отметить парадоксальную ситуацию. С одной стороны, Национальная программа развития Дальнего Востока России с точки зрения количественных индикаторов, отражающих формирование и функционирование институциональных форматов (количество ТОСЭР, создание новых рабочих мест), выглядит удовлетворительно. С другой стороны, макроэкономическая и демографическая

¹ Отчет «Исследование рынка труда (выборочное) по результатам анкетирования руководителей организаций и предпринимателей Приморского края». Март 2024 г. Владивостокский государственный университет.

динамика, кардинальные изменения которой являются целью предпринимаемых институциональных усилий, показывает отсутствие каких-либо значимых изменений [1]. Счетная Палата РФ отмечает, что, несмотря на ежегодное достижение планового значения показателя государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа», отражающего количество созданных резидентами ТОСЭР в округе рабочих мест, проблемы на рынке труда полностью не решены [2].

Цель, метод и материалы исследования

Причины оттока населения из дальневосточных регионов в целом понятны. «Дороговизна» жизни, стремление молодежи к профессиональному и карьерному росту, более привлекательные условия для трудовой деятельности являются основными мотивами, определяющими миграционные настроения населения. Управленческая парадигма «опережающего» развития, то есть достижение большего положительного эффекта через масштабные инвестиции в проекты на Дальнем Востоке, направлена не на «экономику ради экономики». Опыт развитых стран показывает, что основными акселераторами экономического роста являются инвестиции в экономику знаний, креативные индустрии и развитие интеллектуального и человеческого капитала [3]. Эти меры должны, в конечном итоге, остановить отток населения. Целью исследования являются не столько изменения в экономике как таковые, а взаимное влияние процессов миграции и экономического развития. Анализ миграционных процессов должен дать ответ на вопрос: «имеется ли риск замедления темпов роста экономики в субъектах Дальневосточного федерального округа, как следствие миграционного оттока населения?».

С 2020 г. Владивостокский государственный университет (ВВГУ) осуществляет мониторинг миграционных настроений на основе опросов² целевых групп жителей Приморского края, наиболее населенного региона российского Дальнего Востока. В 2024 г. был проведен опрос населения промышленного моногорода Спасск-Дальний в рамках разработки мастер-плана, предусматривающего реализацию крупных инвестиционных проектов. Исследование показало, что факторы маятниковой миграции и внутрирегиональной трудовой миграции начинают приобретать большее значение для населения, чем внешняя миграция за пределы региона.

Сопоставление исторических данных и результатов опросов с прогнозными показателями развития ДФО до 2030 г. дает неоднозначный результат. Прогноз социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 г., разработанный в трех сценарных условиях (консервативный, базовый и оптимистический), предполагает дальнейшее сокращение численности населения в Дальневосточном федеральном округе. Согласно прогнозу, убыль будет наблюдаться во всех трех вариантах, при этом переход от миграцион-

² В 2020 г. исследование выполнено по заданию Управления Федерального казначейства по Приморскому краю.

ной убыли к росту содержится в каждом из сценариев. Такие сценарии трудно считать обоснованными, принимая во внимание устойчивую за последние два десятилетия тенденцию миграционного оттока. Зарегистрированный в ряде субъектов ДФО в 2019–2021 гг. миграционный прирост не сохранился и сменился убылью [4].

Согласно прогнозу социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 г. численность трудовых ресурсов и численность занятых в экономике округа имеет положительную динамику на фоне сокращения численности населения дальневосточных регионов [5]. Аргументов в поддержку такого сценария не имеется, а прогнозные показатели трудно объяснить с точки зрения сложившихся тенденций миграционной и естественной убыли. Можно предположить, что рост численности занятых в экономике обеспечит канал встречной миграции, в том числе вахтовики. В этом случае их количество должно измеряться десятками тысяч ежегодно. Консервативный сценарий построен на ожидании ухудшения внешних экономических и геополитических условий, а также замедлении структурной трансформации экономики субъектов ДФО. При таком сценарии темпы роста валового продукта составят 120,1% до 2030 г., то есть ежегодно +102,0–102,5%, что может быть достигнуто ростом производительности (134,3% до 2030 г.). В этом случае в структуре ВРП субъектов ДФО должна увеличиваться доля высокотехнологичных и инновационных отраслей.

Необходимость поддержания «опережающих» темпов роста требует концентрации на российском Дальнем Востоке значительных ресурсов, в том числе человеческих. Отмечается, что концентрация этих ресурсов практически не связана с критериями экономической эффективности, то есть сравнительных затрат, окупаемости и внутренней нормы доходности [6]. Экономика Дальневосточного федерального округа имеет низкую пространственную связанность с другими регионами страны, что обуславливает незначительный вклад округа в экономику России. На округ приходится меньше 6% общей численности населения России и объема ее валового продукта. Дальний Восток вносит незначительный вклад в общие денежные доходы населения — 4,3–4,5%, оборот розничной торговли около 6,0%, и объем платных услуг населения — 4,9–5,0%, что говорит об ограниченном влиянии экономики округа на формирование внутрирегионального потребительского спроса и в России в целом [7].

Структурной особенностью экономики ДФО является высокая доля добывающего сектора в ВРП. Если в среднем по РФ доля добывающего сектора составляет 13,5%, то на Дальнем Востоке — 28,7%. По отдельным регионам округа показатель колеблется от 40–51% (Чукотский автономный округ, Магаданская область, Республика Саха (Якутия) до 64% (Сахалинская область). «Доковидный» период 2018–2019 гг. характеризовался активным ростом экономики, при этом темпы роста экономики в округе превышали среднероссийские. В этот период положительный разрыв выпуска в округе был преимущественно сформирован за счет сырьевого спроса в связи с наращиванием объемов добычи полезных ископаемых на фоне улучшения мировой конъюнктуры.

юнктуры и высокого внешнего спроса. В этот же период отмечен незначительный миграционный прирост в большинстве регионов Дальнего Востока. Например, в Приморье рост составил 679 человек. В 2019 г. дополнительное значимое влияние оказало завершение отдельных этапов крупных инвестиционных проектов. Был введен в эксплуатацию участок газопровода «Сила Сибири», по которому осуществляется экспорт газа от месторождений в Якутии в Китай. Первые поставки газа в Китай по газопроводу начались в четвертом квартале 2019 г., что также стало фактором роста сырьевого спроса в этот период [7,8].

В 2020 г. темпы роста капитальных инвестиций замедлились в связи с завершением основных этапов строительства нефтепроводной системы ВСТО (Транснефть) и магистрального газопровода (Газпром) на юге Дальнего Востока России. В этот же период миграционный отток усилился (примерно на 5,0% по отношению к 2017 г.), усилилась и внутрирегиональная трудовая миграция. В ряде регионов Дальнего Востока в период 2019–2020 гг. началась активная фаза реализации крупных инвестиционных проектов в рамках территорий опережающего развития, что повлияло на сохранение темпов роста объемов строительства. В результате значимый вклад в поддержание темпов роста экономики в Дальневосточном федеральном округе в последние годы вносил инвестиционный спрос. Кроме того, положительный вклад в экономику внес сырьевой спрос. В этот период на 5–6% вырос объем добычи полезных ископаемых, основная часть продукции которой экспортировалась. Однако неблагоприятная конъюнктура на рынках отдельных видов экспортных товаров, введенные в 2022 г. санкции со стороны недружественных стран, включая ограничение поставок оборудования и технологий, доступ к зарубежным кредитам оказывали сдерживающее влияние на рост объемов добычи. В результате влияние данного фактора на экономику ДФО было непродолжительно и лишь частично компенсировало снижение потребительского спроса [9, 10].

Снижение экономической активности после 2020 г. в регионах ДФО связано с влиянием жестких противоэпидемических мер, направленных на ограничение социальных контактов. Вследствие ограничений сократился потребительский спрос. Снижение экономической активности стран-партнеров и закрытие границ привели к нарушению сложившихся хозяйственных связей. Приостановка деятельности ряда предприятий в этот период привела к временному сокращению объемов производства. Начиная со второго полугодия 2020 г. экономика Дальнего Востока России начала активно восстанавливаться за счет снятия нерыночных ограничений. В первом полугодии 2021 г. выпуск в регионах округа вернулся на траекторию роста, этому способствовал высокий потребительский спрос, а также благоприятные внешнеторговые условия, в частности высокие цены на нефть. Во втором полугодии 2021 г. темпы роста выпуска предприятиями округа начали сокращаться, а разрыв выпуска к концу года перешел в отрицательное значение, в то время как в России в целом рост экономики продолжился. Основной вклад внесло снижение темпов роста сырьевого спроса вследствие сокращения объема добычи нефти, а также замедление экономического роста основных внешнеторговых партнеров [7, 10].

Результаты исследования и дискуссия

Результаты опросов населения субъективны, тем не менее, позволяют выявить природу миграционных настроений и оценить основные факторы, влияющие на миграцию в субъектах ДФО. К основным факторам отнесем:

- Рост расходов домашних хозяйств (вызванный ростом цен) на конечное потребление, опережающий рост доходов. Это ограничивает возможности населения для сбережений на приобретение жилья, инвестирования в образование и персональное здоровье.
- Отсутствие баланса цены предложения на новое жилье в городах ДФО и платежеспособности населения. Например, стоимость нового жилья во Владивостоке колебалась от 190 до 200 тыс. руб. за 1 м² (на конец 2024 г.) при средней зарплате 85–90 тыс. руб. / мес., что резко ограничивает доступность жилья для молодежи.
- Несоответствие зарплатных предложений зарплатным ожиданиям квалифицированных специалистов и стремление молодежи обеспечить более перспективный карьерный рост и лучшие условия для самореализации в центральных городах России.

Таким образом, причинами миграционной активности молодежи являются преимущественно экономические факторы. Например, из числа тех, кто не намерен остаться и работать в Приморском крае, 7,7% опрошенных объясняют свое решение низким уровнем доходов, а 20,8% респондентов называют причиной отсутствие перспектив для развития экономики. Экономические факторы отражают, прежде всего, состояние несбалансированности доходов и необходимых для жизни населения расходов. Значительная часть респондентов старше 41 года (63,2%) по данным опроса не могут позволить себе отпуск за пределами региона по причине того, что это слишком дорого для семьи. Причинами миграционной активности могут быть риск ухудшения материального (имущественного) статуса или риск недостижения желаемого материального положения. Респонденты отмечают низкую доступность приобретения жилья в ипотеку (рис. 1) [13]. Можно спрогнозировать, что в этой ситуации отток населения, особенно молодого и квалифицированного, будет только нарастать.

Примерно 45% респондентов указали, что взять ипотеку «дорого для семьи», только 16% опрошенных могут позволить себе взять ипотеку в ближайшем будущем. Значительная часть респондентов указала на признаки социального дискомфорта и невозможность в полной мере обеспечить материально свои семьи, что усиливает социальную индифферентность населения. В 2020 г. около шестидесяти процентов опрошиваемых были намерены уехать в ближайшее время или рассматривали такой вариант. Опросы 2024 г. показали, что эта доля снизилась до 55,0–55,5%, в основном за счет уменьшения финансовых возможностей у домохозяйств для отъезда за пределы региона.

Исследование миграционных процессов в регионах российского Дальнего Востока указывает на общность причин миграционного поведения населения. Экономические причины отражают угрозу утраты или ухудшения материального (имущественного) статуса или риск недостижения желаемого материального положения. В данном случае склонность к миграции связана с физическим ощу-

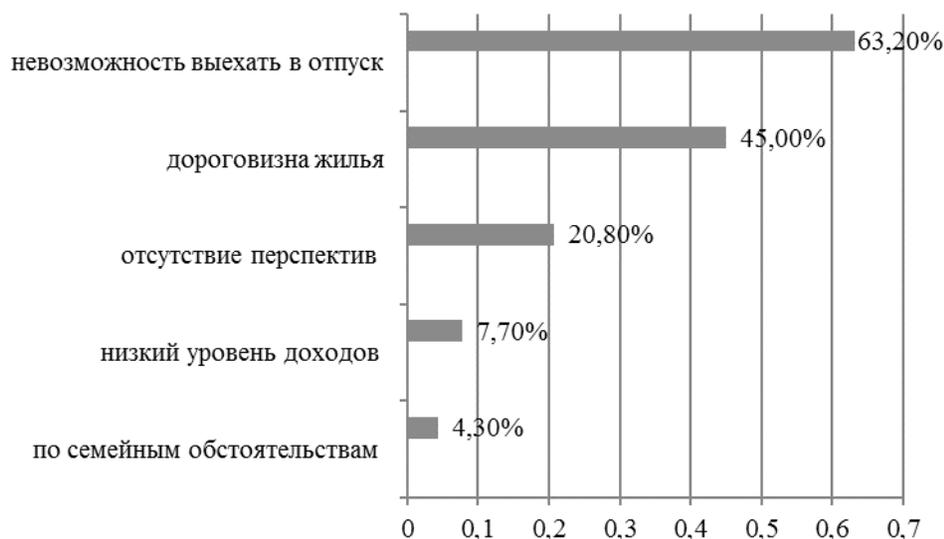

Рис. 1. Мотивы миграционной активности населения Приморского края

щением невозможности обеспечить достойное материальное положение вследствие ограничений внешней среды. Миграция, обусловленная экономическими причинами, преследует цель достижения желаемого материального благополучия. Детерминантой социальных факторов является физическое ощущение дискомфорта вследствие недоступности (отсутствия) качественных социальных благ или осознания угроз к утрате или ухудшению социального статуса. Здесь цель миграции видится в изменении, или совершенствовании социального статуса для достижения социального благополучия. Климатические и географические причины условны, однако ощущение «удаленности» от главных российских культурно-исторических центров является одним из факторов миграционной мобильности у молодежи [13].

Таблица 1. Миграционная убыль и численность занятых в экономике Приморского края

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Миграционная убыль, чел.	-4654	679	-6215	-310	-10512	-3858
Рабочая сила всего, тыс. чел.	1039,7	998,8	1001,8	1002,8	977,6	987,3
Занятые в экономике, тыс.чел.	947,0	947,1	946,6	960,9	945,1	962,0

Источник: Приморскстат

Анализируя данные за период 2018–2023 гг. можно сделать выводы, что миграция населения за пределы регионов Дальневосточного федерального округа усиливалась на фоне негативных процессов в экономике, однако не копировала их

цикличность. Например, в Приморском крае отток имел устойчивую динамику роста за исключением 2019 г. (табл. 1). Численность занятых в экономике в целом оставалась неизменной, и даже увеличилась на 16,9 тыс. в 2023 г. (к 2022 г.), что можно объяснить только встречными потоками трудовой миграции из-за пределов региона.

В целом, среднегодовая численность населения макрорегиона сократилась на 2538 тыс. человек, или на 24,4% (в России — на 1,1%). Суммарно с 1990 г. естественная убыль населения Дальнего Востока составила 178,5 тыс. человек (родилось 3664,7 тыс. человек и умерло 3843,2, на 4,9% больше), что фактически равнозначно населению среднего по численности российского города. С 2018 г. в Дальневосточном федеральном округе начался очередной этап естественной убыли населения, обусловленный снижением уровня рождаемости, и усугубившийся повышением показателей смертности в 2020–2021 гг. в условиях пандемии COVID-19 (табл. 2). За 2018–2023 гг. общая убыль населения, с учетом данных Всероссийской переписи населения 2020 г., составила 274,6 тыс. человек, из них: естественная убыль — 121,4 тыс. человек (44%), миграционная — 153,3 тыс. человек (56%) [3].

Таблица 2. Изменение численности населения регионов ДФО, тыс. человек

Регион	1990	2018	2023	2023 к 1990, %	2023 к 2018, %
Республика Саха (Якутия)	1115,0	970,0	1000,0	-10,3	3,1
Республика Бурятия	1050,0	980,0	973,0	-7,3	-0,7
Приморский край	2303,0	1892,0	1813,0	-21,3	-4,2
Хабаровский край	1622,0	1320,0	1281,0	-21,0	-3,0
Забайкальский край	1319,0	1041,0	988,0	-25,1	-5,1
Камчатский край	478,0	301,0	289,0	-39,6	-4,1
Амурская область	1055,0	790,0	753,0	-28,6	-4,6
Сахалинская область	715,0	477,0	459,0	-35,8	-3,8
Магаданская область	381,0	141,0	134,0	-65,1	-5,3
Еврейская АО	219,0	158,0	147,0	-33,0	-7,1
Чукотская АО	160,0	48,0	48,0	-70,0	-0,1

Источник: ФАНУ Востокгосплан [3]

В 2023 г. в трех регионах ДФО число прибывших превысило выбывших: Республика Саха (Якутия) — на 0,8 тыс. человек, Камчатский край — 0,7 тыс. и Чукотский автономный округ — 0,2 тыс. Наибольшая миграционная убыль зафиксирована в Забайкальском (4,9 тыс. человек) и Приморском (3,9 тыс.) краях, Амурской области (2,4 тыс.). Для сравнения, в 2018 г. Чукотский автономный округ был единственным регионом, в котором отмечался положительный миграционный прирост (0,2 тыс. человек), а лидерами по миграционной убыли являлись Забайкальский (7,4 тыс.), Хабаровский (4,9 тыс.) и Приморский (4,7 тыс.) края, Республика Бурятия (4,6 тыс.).

В 2023 г. наибольший вклад (69%) в миграционный оборот на Дальнем Востоке внесли четыре региона: Приморский край (21%), Республика Саха (Якутия) (18%), Хабаровский край (17%) и Республика Бурятия (13%). Наименьшую долю в суммарном миграционном потоке составляют Чукотский автономный округ, Еврейская автономная и Магаданская области, Камчатский край (10% в совокупности). За 2018–2023 гг. центры миграционной активности населения не изменились. Традиционно это Республики Саха (Якутия), Республика Бурятия, Приморский и Хабаровский края. В случае с национальными республиками значительным фактором миграции являются возвратные миграционные потоки, для юго-восточных территорий макрорегиона — относительно комфортные природно-климатические условия и развитая инфраструктура [4].

Сравнение показателей экономического развития (по данным Росстата в первом квартале 2024 г.) субъектов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, указывает на опережающие среднероссийские темпы роста инвестиций, объемов промышленного производства, строительства, транспортировки и хранения грузов, а также добычи углеводородов. Индекс выпуска продукции по базовым отраслям экономики ДФО составил 108,0%, показатель среднероссийский — 101,3% (рис. 2). Следовательно, миграционный отток, если и влияет на экономику субъектов ДФО, то уж никак не замедляет темпы ее роста.

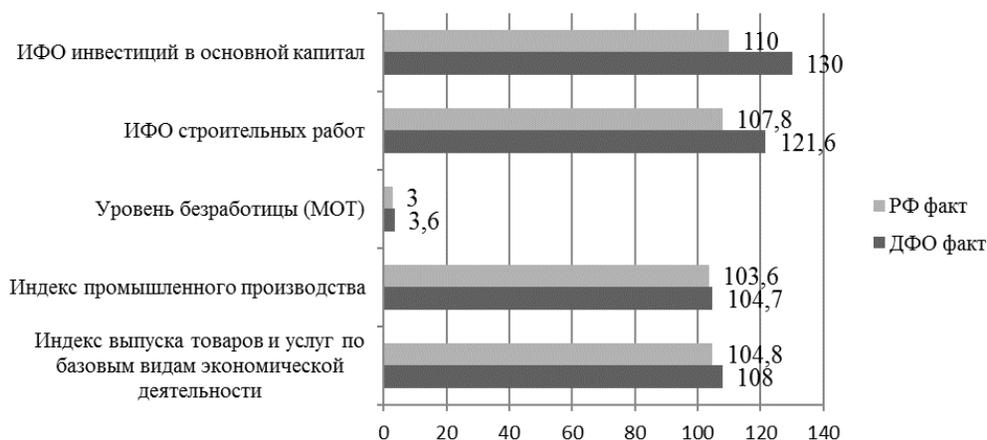

Рис. 2. Сравнение результатов экономического развития РФ/ДФО, 2023 г., %

Источники: Росстат, ФАНУ Востокгосплан

Можно предположить, что отток квалифицированных специалистов влияет на снижение инновационной активности предприятий региона. К слову, доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом продукте Приморского края, остается невысокой — 15,1% (2020 г.), для сравнения, среднероссийский показатель составляет 22,2% (табл. 3). Сложившаяся специализация региона — транспортная обработка грузов, складские услуги и мультимодальные грузоперевозки, здесь традиционно высока производительность и интенсивность труда.

Темпы роста производительности труда — 104,0% в регионе существенно опережают среднероссийские показатели (97,2%) [12].

Таблица 3. Производительность труда и доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом продукте РФ, Приморский край

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Производительность труда, % (РФ)	103,1	102,4	99,6	103,9	97,2
Производительность труда (Приморский край)	101,1	108,2	103,5	106,2	104,0
Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, %	21,3	22,2	25,0	23,4	22,2
Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %	16,9	18,7	17,3	16,4	15,1

Источник: Росстат, Приморскстат

В структуре валового продукта увеличилась доля строительства с 4,1 до 5,2% и операций с недвижимостью с 10,7 до 11,2%, как результат процессов массового строительства жилья и объектов коммерческой недвижимости в крупных городах региона. Это объективно формирует основную потребность в работниках в сфере строительства (24% всех заявленных на 1 июля 2024 г. вакансий). Существует дефицит квалифицированных строителей, не востребованы вакансии арматурщика — 1780 единиц, бетонщика — 1662 единицы, монтажника — 903 единицы, что приводит к необходимости ввозить рабочую силу из стран ближнего и дальнего зарубежья (рис. 3). На долю обрабатывающих производств приходится 16,6% заявленных вакансий; сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыболовства — 11,4% заявленных вакансий.

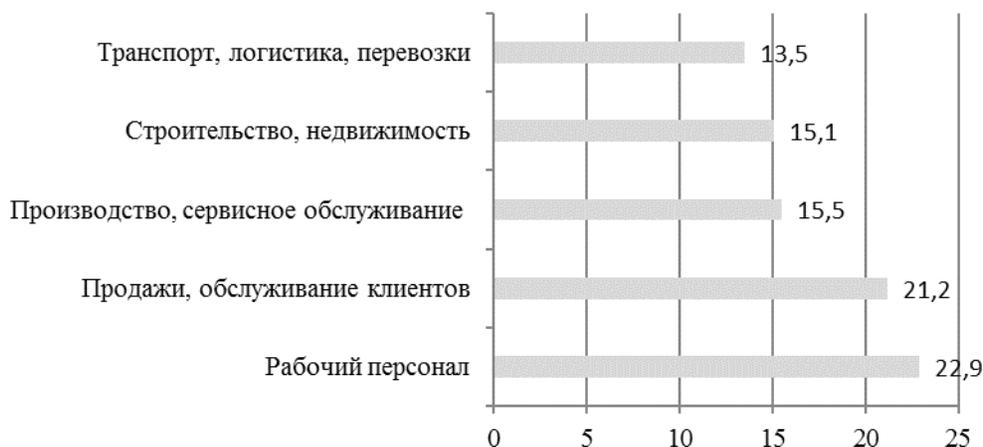

Рис. 3. Группы активных вакансий, доля в % от общего количества (по данным hh.ru на 01.12.2024 г.)

Массовое строительство жилья и объектов коммерческой недвижимости в регионе объективно стимулирует инвестиционный спрос, но не поддерживается

спросом и реальными доходами населения, что в дальнейшем может спровоцировать сокращение занятости в этом секторе, и дальнейшую миграционную убыль. По различным оценкам, только 30–40% метража в новостройках раскупаются на момент завершения строительства жилья. Остальное жилье остается невостребованным из-за низкой способности заемщиков к обслуживанию ссудной задолженности по ипотечным займам, невысоких характеристик комфортности и дороговизны нового жилья в крупных городах ДФО. Стремление снизить себестоимость, наряду с увеличением объема сдаваемого жилья, приводит к решению строительства в городах-спутниках. Это повышает значимость малых населенных пунктов и одновременно усиливает маятниковую и внутрирегиональную трудовую миграцию, создавая условия для концентрации населения в южной части округа, формируя системы расселения, такие как агломерация Большой Владивосток.

С незначительными колебаниями среднегодовая численность занятых в экономике растет на фоне миграционного оттока населения, что свидетельствует о замещении рабочих мест специалистами, работающими вахтовым методом, например, на судоверфи в городе Большой Камень, строительстве театрално-музейного комплекса во Владивостоке, объектах газификации региона. Следует отметить, что отток квалифицированных кадров, практически не сказывается на изменении отраслевой специализации экономики регионов ДФО и структуре валовой добавленной стоимости. Статистика не наблюдает сколько-нибудь существенное изменение структуры валовой добавленной стоимости в части увеличения доли, например, обрабатывающих производств и сельхозпроизводства. Это можно объяснить, как инертностью инвестиционных процессов (инвестиционный цикл крупного производственного проекта составляет в среднем от трех до шести лет), так и ростом объемов отгрузки в традиционных отраслях региона.

Работодатели ДФО, сталкивающиеся с проблемой дефицита, как управленцев, так и квалифицированного рабочего персонала, отмечают сравнительную малочисленность группы потенциальных претендентов на вакансии. С такой же проблемой сталкиваются и органы исполнительной власти при подборе кандидатов на замещение вакантных должностей. Дефицит специалистов объясняется, в том числе, так называемой «демографической ямой». На рынок труда выходит молодежь возраста 24–26 лет, появившиеся в период нестабильности государства в 90-е гг. двадцатого века, сопровождавшиеся низкой рождаемостью. В регионах ДФО отмечается нехватка специалистов по продажам и обслуживанию клиентов, строителей, специалистов в сфере транспорта, логистики и перевозок (рис. 3). Активны вакансии высококвалифицированных специалистов. Например, востребованы «инженеры-технологи по направлению судовые механизмы», «инженеры по техническому контролю», «инженеры по эксплуатации» с опытом работы от трех до шести лет с заработной платой от 130–150 тыс. руб. в месяц. Размер предлагаемой работодателем заработной платы не является завышенным относительно среднего уровня по экономике региона, но отражает заинтересованность организаций в получении уникальных компетенций, привносимых опытом специалистов в высоковостребованных сегментах занятости.

Выводы

Предположение, что отток населения из российских дальневосточных регионов замедляет темпы роста экономики в субъектах ДФО, пока не находит подтверждения. Очевидно, что миграционная убыль не изменит парадигму сложившегося управления экономикой региона, основанную на использовании мер государственной поддержки инвестиционной деятельности. Дефицит специалистов существует, но компенсируется встречной миграцией и повышением производительности. Предприятия с массовой занятостью немногочисленны (ССК «Звезда», Амурский ГПЗ, Амурский ГХК) и при необходимости самостоятельно формируют политику удержания (или привлечения) специалистов, обладающих ключевыми отраслевыми компетенциями, и определяют квалификационные требования к специалистам. Одновременно усиливается значение маятниковой и внутрирегиональной трудовой миграции, что обеспечивает относительную сбалансированность спроса и предложения на рынке труда регионов ДФО.

Тем не менее, миграционный отток является сдерживающим фактором достижения целевых значений показателей госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» до 2030 г. Исследования показали, что причинами миграционной активности молодежи являются преимущественно экономические факторы, в том числе отсутствие перспектив для развития экономики. Программные меры должны остановить отток населения, в полной мере это реализуемо при условии развития новых сфер деятельности, включая экономику знаний, креативные индустрии и развитие интеллектуально-го и человеческого капитала наряду с новыми высокотехнологичными проектами в сфере материального производства.

Список источников

1. Минакир П.А., Прокапало О.М. Программная экономика: дальневосточная проекция // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 36–44. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.4>.
2. О результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям». 2020 г. Счетная Палата РФ.
3. Аганбегян А.Г. Опыт зарубежных стран по ускоренному социально-экономическому росту и его возможное использование для России // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4. № 1. С. 1–26. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26>.
4. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа 2023 ФАНУ «Востокгосплан» <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf>.
5. Об основных результатах прогнозирования социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа 2030 г. 2023. ФАНУ «Востокгосплан» <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/osnovnye-rezultaty-prognozirovanija-socialno-jekonomicheskogo-razvitiija-dalnevostochnogo-federalnogo-okruga-2030.pdf>.
6. Минакир П.А. Восточный вектор развития: новые вызовы и ожидания // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 67–73. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.1.67>.
7. Жураковский В., Новопашина А., Гришин Д., Булыга Е. Полуструктурная модель экономики Дальневосточного макрорегиона. Серия докладов об экономических исследованиях № 127 / февраль 2024 Центральный Банк Российской Федерации https://cbr.ru/StaticHtml/File/158679/wp_127.pdf.

8. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2019 г. // *Пространственная экономика*. 2020. № 2. С. 142–184. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.142-184>.
9. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // *Пространственная экономика*. 2021. № 2. С. 81–126. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126>.
10. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2021 г. // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 2. С. 135–182. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>.
11. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г. // *Пространственная экономика*. 2024. Т. 20. № 2. С. 122–166. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.122-166>.
12. Индекс производительности труда (с 2008 г.). Приморскстат, дата доступа: 07.01. 2025 г., <https://25.rosstat.gov.ru/folder/137147>.
13. Андреев, В.А. Детерминанты миграционной активности в контексте восприятия населением Приморского края уровня социального благополучия / В.А. Андреев // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 7–18. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-2/007-018.

References

1. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Programmnyaya ekonomika: dal'nevostochnaya proektsiya // *Regionalistika*. 2021. Т. 8. № 4. С. 36–44. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.4>.
2. О резултатах експертно-аналитического мероприятия «Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям». 2020 г. Шchetnaya Palata RF.
3. Aganbegyan A.G. Opyt zarubezhnykh stran po uskorennomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu i ego vozmozhnoe ispol'zovanie dlya Rossii // *Strategirovanie: teoriya i praktika*. 2024. Т. 4. № 1. С. 1–26. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26>.
4. Demograficheskaya kharakteristika Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga 2023 FANU «VostokgosplaN» <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf>.
5. Ob osnovnykh rezul'tatakh prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga 2030 g. 2023. FANU «VostokgosplaN» <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/osnovnye-rezultaty-prognozirovaniya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-dal'nevostochnogo-federal'nogo-okruga-2030.pdf>.
6. Minakir P.A. Vostochnyi vektor razvitiya: novye vyzovy i ozhidaniya // *Regionalistika*. 2023. Т. 10. № 1. С. 67–73. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.1.67>.
7. Zhurakovskii V., Novopashina A. Grishin D. Bulyga E. Polustrukturnaya model' ekonomiki Dal'nevostochnogo makroregiona Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh № 127 / fevral' 2024 Tsentral'nyi Bank Rossiiskoi Federatsii https://cbr.ru/StaticHtml/File/158679/wp_127.pdf.
8. Prokapalo O.M., Bardal' A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. Ekonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2019 g. // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2020. № 2. С. 142–184. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.142-184>.
9. Prokapalo O.M., Bardal' A.B., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. Ekonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2020 g. // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2021. № 2. С. 81–126. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126>.
10. Prokapalo O.M., Bardal' A.B., Mazitova M.G., Suslov D.V. Ekonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2021 g. // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2022. Т. 18. № 2. С. 135–182. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>.
11. Prokapalo O.M., Bardal' A.B., Mazitova M.G., Suslov D.V. Ekonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2023 g. // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2024. Т. 20. № 2. С. 122–166. – URL: <https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.122-166>.

12. Indeks proizvoditel'nosti truda (s 2008 g.). Primorskstat, data dostupa: 07.01. 2025 g., <https://25.rosstat.gov.ru/folder/137147>.

13. Andreev, V. A. Determinanty migratsionnoi aktivnosti v kontekste vospriyatiya naseleniem Primorskogo kraia urovnya sotsial'nogo blagopoluchiya / V. A. Andreev // Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 7–18. – DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-2/007-018.

Информация об авторах

Терентьева Т.В. – доктор экономических наук, профессор, ректор, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия.

Андреев В.А. – старший преподаватель, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия.

Information about the authors

Terent'eva T.V. – PhD in Economics, professor, Rector, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.
Andreev V.A. – senior lecturer, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 29.07.2025.

The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 29.07.2025.